

Поэль Карп

ИЗБРАННЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Том 3

Поэль Карп

ИЗБРАННЫЕ ПЕРЕВОДЫ
Том 3

Петербург

2020

Поэль Карп

ИЗБРАННЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Том 3

Петербург

2020

УДК 82-1/-3
ББК 84(0)
К26

П. Карп

Избранные переводы. Том 3. – СПб.: ЛЕМА, 2020. –
388 с.

В третьем томе избранных переводов известного петербургского литератора Поэля Карпа публикуются несколько сказок Г.Х. Андерсена поэтическая драма Г. Ибсена «Пер Гюнт», а также стихи поэтов разных стран XIX-XX веков.

© Поэль Карп, 2020

978-5-00105-475-7
978-5-00105-537-2 (Том 2)

Том третий

**ГАНС ХРИСТИАН АНДЕРСЕН
1805-1875**

**МАХМУД ГАИБИ
конец XVIII – начало XIX века**

**РОБЕРТ БРАУНИНГ
1812-1889**

**ГЕНРИК ИБСЕН
1826-1906**

**АЛЕКСИС КИВИ
1834-1872**

**ОВАНЕС ТУМАНЯН
1869-1923**

**РАЙНЕР МАРИЯ РИЛЬКЕ
1875-1926**

**ЮЛИАН ТУВИМ
1894-1953**

**ЛУИС ФЮРНБЕРГ
1909-1957**

**ЭДУАРДАС МЕЖЕЛАЙТИС
1919-1997**

Ганс Христиан Андерсен 1805-1875

Семь сказок и Ледяная дева

Принцесса на горошине

Жил да был принц. Он хотел жениться на принцессе, но это должна была быть настоящая принцесса. Чтобы сыскать такую он объездил целый свет, но везде обнаруживались препятствия. То есть, принцесс-то хватало, но были ли они настоящие, никак не удавалось установить. Вечно выходило что-нибудь не так. В конце концов он вернулся домой и пребывал в крайнем огорчении, очень уж ему хотелось обрести прирожденную принцессу.

Однажды вечером разразилась буря. Молния сверкала, гром гремел, дождь лил ручьями, было просто страшно. Кто-то стучал в городские ворота, и старый король пошел отворять.

Стучала, оказывается, принцесса. Но, господи, на кого она была похожа под дождем! Вода, скатываясь по волосам и платью, затекала к ней в туфли и вытекала по пяткам наружу. А она при этом уверяла, что прирожденная принцесса.

– Ну, это мы сейчас выясним! – подумала старая королева. Но не сказала ни словечка, а пошла в спальню, стащила с кровати белье и перину, на доски положила горошину, а на горошину двадцать тюфяков и на них еще двадцать перин из гагачьего пуха.

На них-то принцесса и провела ночь. А утром ее спросили, как спалось.

– Ужасающе! - сказала принцесса. - Я всю ночь глаз не сомкнула. Бог его знает, что там было у меня в постели. Я, словно на камнях, лежала и вся теперь в синяках. Невыносимо!

Тут все увидели, что она – настоящая принцесса, раз уж сквозь двадцать тюфяков и двадцать перин из гагачьего пуха она почувствовала горошину. Кроме прирожденных принцесс некому быть такими чувствительными.

И принц на ней женился, теперь-то он знал, что его жена – настоящая принцесса. А горошину поместили в музей, где ее можно видеть поныне, если, конечно, ее еще не украли.

Имейте в виду, что это истинная быль.

1835

Новый королевский наряд

Жил некогда король, до того любивший красивые наряды, что все деньги тратил, чтобы получше приодеться. Он не заботился о своих солдатах, не покровительствовал театру, не развлекался охотой, и если выходил на люди, то лишь затем, чтобы показаться в новом наряде. На каждый час дня был у него особый камзол, и как об ином короле говорят: «Его величество совещается с министрами», об этом всегда говорили: «Его величество переодевается».

Жил он в большом и веселом городе. Туда ежедневно приезжало множество иностранцев и однажды приехало двое мошенников. Они выдавали себя за ткачей и уверяли, что могут изготовить ткань, лучше которой и представить себе нельзя. Краски и узоры будут, само собой, чрезвычайно хороши, но, главное, наряды из этой ткани обретут удивительную способность быть невидимыми для тех, кто непригоден к своей должности или непростительно глуп.

– Вот были бы роскошные наряды! – подумал король. – Кабы мне такие, я бы сразу разобрался, кто у меня в государстве непригоден к занимаемой должности. Я мог бы отличить умного от дурака. Надо немедля набрать себе этой ткани. – И дал мошенникам крупный задаток, чтобы они принялись за работу.

Они установили два ткацких станка и делали вид, что трудятся, но на станках ничегошеньки не было. Глазом не моргнув, они потребовали наилучшего

шелка и чистейшего золота, положили это все себе в карманы, и работали допоздна на пустых станках.

– Хорошо бы разведать, как у них дело-то движется - подумал король. Но при мысли, что тот, кто глуп или непригоден к должности, ничего не увидит, стало как-то нехорошо на душе. Хоть он и полагал, что за себя опасаться нечего, все же захотелось сперва кого-нибудь послать, чтобы выяснил, как оно там. Всему городу было известно, какой волшебной силой обладает ткань, и все жаждали увидеть, сколь жалок и глуп окажется сосед.

– Пошлю-ка я к ткачам моего старого честного министра – решил король. – Он лучше всех разберется, как эта ткань выглядит. У него и голова на плечах, и обязанности свои он исполняет исправнее кого бы то ни было.

И вот добрый старый министр вошел в зал, где двое мошенников трудились за пустыми станками. – Помилуй, господи! – подумал старый министр и вытаращил глаза, – Я же ничего не вижу. - Но вслух он это не сказал.

Оба мошенника любезнейшим образом просили его подойти поближе и убедиться, что узор красив, а краски хороши. Они указывали на пустые станки, а бедный старый министр все таращил глаза, но ничего не мог увидеть, потому что ничего и не было – Господи ты боже, – думал он, – выходит я глуп? Никогда не предполагал! И ни одна душа не должна это знать. Или я непригоден к должности? Нет, говорить, что никакой ткани я не вижу было бы недопустимо.

– И вы ничего нам не скажете? – спросил один из ткачей. – О, это прелестно, просто великолепно – сказал старый министр и поглядел через очки. – Какие узоры и какие краски! Я, конечно, скажу королю, что мне очень понравилось.

– Очень рады, – сказали оба ткача и стали объяснять, какие там краски и растолковывать причудливый узор. Старый министр слушал весьма внимательно, ведь ему, воротясь к королю, надо было все это пересказать, что он и сделал.

Теперь мошенники потребовали еще денег, еще шелка и еще золота, чтобы было из чего ткать. Все это

они положили себе в карманы, на станок не попало ни единой ниточки, но за пустыми станками они по-прежнему усердно трудились.

Вскоре король послал еще одного почтенного государственного деятеля поглядеть, как обстоит дело и скоро ли ткань будет готова. С ним все вышло точь в точь как с министром, он глядел да глядел, но, поскольку ничего, кроме пустых станков, там не было, ничего увидеть не смог.

– Ну, разве материя не хороша? – спрашивали мошенники, показывая и растолковывая великолепный узор, которого и в помине не было.

– Я, во всяком случае, не дурак – подумал государственный деятель, – стало быть, вся загвоздка в моей прекрасной должности, к которой я непригоден. Получается довольно забавно, но, главное, вести себя так, чтобы никто этого не сообразил. – И он стал расхваливать ткань, которую и в глаза не видел, и уверял мошенников, что восхищен прелестными красками и божественным узором. – Да, это нечто совершенно исключительное – сказал он королю.

В городе все только и говорили, что о роскошной материи.

Тогда король пожелал и сам ее увидеть, покамест она еще на станках. В сопровождении свиты из достойнейших мужей, в числе коих были и те два честнейших государственных мужа, что побывали там прежде, король направился к хитроумным мошенникам, которые ткали не покладая рук, однако без какого-либо волокна.

– Разве не роскошно? – говорили оба почтенных государственных деятеля, уже там побывавшие, – Взгляните, ваше величество, какой узор, какие краски! – При этом они указывали на пустые станки в полном убеждении, что всем остальным ткань, конечно, видна.

– Что это? – подумал король, – Я не вижу ровно ничего. Какой ужас! Разве я глуп? Или не гожусь в короли? Это было бы самое скверное, что может со мной стрястись. – О, чрезвычайно мило! – сказал он – И достойно моего высочайшего одобрения! – И, обрадовавшись, он наклонился, чтобы получше рассмотреть пустые станки, – ему ведь не хотелось говорить, что ничего он не видит. Свита, что была при

нем, глядела во все глаза; хоть никому не довелось увидеть больше остальных, однако, подобно королю, все говорили: – О, чрезвычайно мило. – И советовали впервые надеть новый роскошный наряд во время предстоящего торжества. – Прелестно! Замечательно! Чудесно! – перелетало из уст в уста, и все искренне радовались, а король пожаловал мошенникам рыцарский орден в петлицу и звание заслуженного королевского ткача.

Накануне церемонии мошенники не ложились всю ночь, и горело шестнадцать свечей. Люди видели, что ткачи не жалеют сил, чтобы закончить новый королевский наряд. Они делали вид, что снимают ткань со станка, они резали большими ножницами воздух, они шили иголками без ниток, и, наконец, объявили: – Готово!

Пришел сам король с виднейшими из приближенных. Оба мошенника поднимали руки, словно что-то держа, и говорили: – Смотрите, вот панталоны! Вот камзол! Вот мантия! – и все в таком роде. – И легкое оно, как паутина; кажется, на теле ничего и нет, а это тоже не последнее дело!

– Да! – сказали придворные, но видеть-то они ничего не видели, потому что ничего не было.

– Теперь, ваше королевское величество, будьте столь милостивы и соблаговолите раздеться – сказали мошенники. – Сейчас перед этим большим зеркалом мы оденем вас во все новое.

Король снял с себя все, что на нем было, и мошенники повели себя так, будто надевали на него то ту, то другую часть нового костюма. Они хватали его и словно бы что-то подвязывали – это был шлейф. А король крутился и вертелся перед зеркалом.

– И до чего же к лицу! Как прекрасно сидит! – говорили все. – Какой узор! Какие краски! Восхитительный туалет!

– К выходу доставлен балдахин, который будут нести над вашим величеством, – доложил оберцеремониймейстер.

– Я готов – сказал король. – Сидит, вроде, неплохо? – И он опять обернулся к зеркалу, желая показать, что и впрямь разглядывает на себе наряд.

Камергеры, которым надлежало нести шлейф, коснулись руками пола, как будто они этот шлейф поднимали. Они шли, словно у них что-то было в руках. Они не смели и вида показать, что ничего у них не было. А посреди процессии под великолепным балдахином шел король, и весь народ, столпившийся на тротуарах и глядевший из окон, вопил:

– Свидетель бог, новый королевский наряд бесподобен! Что за дивный шлейф! А сидит-то как славно! – Никто не хотел показать, что ничего не видит, ведь это бы значило, что он либо непригоден к должности, либо очень уж глуп. Ни один королевский костюм не имел столь явного успеха.

– Но на нем же ничего не надето! – сказал в конце концов чей-то ребенок.

– Боже милосердный, внимлите гласу невинности! – воскликнул отец, и люди стали перешептываться о том, что сказало дитя.

– На нем ничего не надето! Вот и малый ребенок говорит, что он голый!

– Но ведь он голый! – закричал, наконец, весь народ.

Это смутило короля, ему показалось, что они правы, но тут он подумал: – Я уже вынужден довести церемонию до конца. – И пошел еще более гордо, и камергеры шли за ним и несли шлейф, которого вовсе и не было.

1837

Стойкий оловянный солдатик

Жили-были двадцать пять оловянных солдатиков, все – родные братья, поскольку родились от одной и той же старой оловянной ложки. В руках они держали ружья и глядели вперед. Мундиры на них были превосходные – красные с голубым. Когда с коробки, где они лежали, сняли крышку, первое, что они на этом свете услышали, было: – Солдатики! – Закричал это маленький мальчик, захлопавший сразу в ладоши. Он получил солдатиков ко дню рождения и тут же расставил на столе. Каждый солдат, как вылитый, походил на остальных, лишь один несколько отличался, – у него была всего одна нога, его отливали

напоследок и олова нехватало. Но на своей единственной ноге он стоял так же твердо, как остальные на своих двоих. Ему-то и довелось себя показать.

На столе, где были расставлены солдатики, стояло много всяких игрушек, но, что сразу бросалось в глаза, так это прелестный бумажный замок. Сквозь маленькие окошки можно было глянуть прямо в парадный зал. Перед замком росли маленькие деревца, окружавшие небольшое зеркало, призванное изображать озеро. Восковые лебеди плыли по нему, отражаясь в зеркальной глади. Все это выглядело очень мило, но милее всего была все же маленькая дама, стоявшая в дверях замка. Тоже вырезанная из бумаги, но в юбке тончайшего батиста, с узкой голубой ленточкой на плечах, закрепленной спереди розой, величиной с ее личико, сделанной из золотых блесток. Маленькая дама раскинула руки в стороны, потому что была балериной, и по той же причине задрала одну ногу так высоко, что солдат ее и не заметил и счел, что у дамы, как у него самого, только одна нога.

— Вот была бы мне жена! — подумал он. — Но она очень уж важная, у нее — замок, а у меня только коробка, и нас там двадцать пять, это для нее не место. Впрочем, надо бы с ней все же познакомиться. — И он растянулся во весь рост за стоявшей на столе табакеркой, откуда ему была хорошо видна прелестная маленькая дама, по-прежнему стоявшая на одной ноге, не теряя при этом равновесия.

Вечером все остальные оловянные солдатики вернулись в коробку, а люди в доме пошли спать. Тогда игрушки принялись играть, — и в гости, и в войну, и даже бал устроили. Оловянные солдатики подняли у себя в коробке шум. Они тоже хотели веселиться со всеми вместе, но крышку было не поднять. Щелкунчик стал кувыряться, а грифель развлекаться на доске. Поднялась такая суматоха, что проснулась канарейка и тоже начала трещать, да еще стихами. Только солдат и балерина не тронулись с места. Она твердо стояла на кончиках пальцев, протянув руки в стороны. Он столь же стойко

держался на своей единственной ноге, ни на мгновение не сводя с балерины глаз.

Тут часы пробили двенадцать – и хлоп! – подпрыгнула крышка табакерки, но там оказался вовсе не табак, ничего подобного, а маленький черный кобольд, в том-то и был фокус!

– Слушай, солдатик – сказал кобольд, – ты, куда не положено, глаза не пяль!

Но солдатик сделал вид, что не слышит.

– Ну, погодим до утра! – сказал кобольд.

Когда же настало утро, и дети проснулись и поставили оловянного солдатика на подоконник, вдруг – из-за кобольда или из-за сквозняка – окно распахнулось и солдатик полетел с третьего этажа вниз головой. Спуск был ужасен. Солдат вытянул ногу кверху и теперь на кивере и штыке торчал между бульжниками.

Прислуга и маленький мальчик сразу побежали вниз на поиски, но хоть они едва на него не наступили, разглядеть его все же не смогли. Ему бы крикнуть – Вот он я! – и они бы его тотчас отыскали но он считал, что не подобает громко кричать, когда на тебе мундир.

Тут начался дождь. Он как припустил, и лил уже в три ручья, а когда перестал, явилось двое уличных мальчишек.

– Глянь-ка, – сказал один, – оловянный солдатик! Его надо вытащить и на кораблик посадить, пусть поплавает!

И они сделали из газеты кораблик, посадили туда солдата, и он поплыл по сточной канаве. Оба мальчишки бежали следом и хлопали в ладоши. Не приведи господь, какие волны бушевали в сточной канаве и какое мощное там было течение, – да и натекло же в самом деле! Бумажный кораблик трясло на волнах, порой его с такой скоростью разворачивало, что солдатик трепетал, но держался стойко, даже и виду не подавал, – глядел вперед и не выпускал оружие из рук.

Однажды кораблик занесло под мостки, и стало так темно, как будто солдатик опять угодил к себе в коробку.

– Куда же меня теперь забросит? – подумал он. – Это все кобельд! Эх, будь на корабле маленькая балерина, я бы непроч, чтобы и вдвое темнее стало.

Вдруг появилась огромная водяная крыса, которая жила под мостками.

– А паспорт у тебя есть? – спросила крыса. – Давай паспорт!

Но солдат и слова не вымолвил, только крепче держал ружье.

Корабль поплыл дальше, а крыса за ним. Ах, как она скрежетала зубами и как орала соломинкам и щепкам: – Держите его! Держите его! Он пошщины не платил! Он паспорт не предъявил!

Но течение становилось все сильней и сильней; солдатик мог уже различить впереди, за последней доской мостков, дневной свет, но в то же время он различал и приближение зловещего клокотания, способного напугать и самого смелого человека. Подумать только, сразу за мостками сточная канава выливалась в огромный канал. Плыть дальше солдатiku было столь же опасно, как нам спускаться по гигантскому водопаду.

Но он был уже так близко к обрыву, что ничего поделывать не мог. Корабль понесло, бедный оловянный солдатик, насколько было возможно, держался твердо, и мы не вправе его упрекать, если порой у него захватывало дух. Корабль перекручивало по три, по четыре раза и залило до краев, он пошел ко дну! Солдатик был по горло в воде, а корабль погружался все глубже и глубже, и бумага размокала все больше и больше, вот уже солдат ушел в воду с головой. На миг он вспомнил милую маленькую балерину, которую никогда уже ему не видеть, и в ушах у него зазвенело:

Эй, солдат, смелей вперед,
Хоть погибель в битве ждет!

Тут бумага порвалась пополам, солдатик пошел вниз, но в это самое мгновение его проглотила огромная рыба.

Ах, какая темень была у нее внутри! Там оказалось еще темней, чем под мостками, и теснота была ужасная. Но оловянный солдатик не терял

стойкости и лежал, растянувшись во весь рост, с оружием в руках.

Рыба кидалась из стороны в сторону, выделывая ужащающие повороты, и, наконец, затихла. Вдруг, точно молния ее пронзила, стало совсем светло и кто-то громко закричал: — Солдатик! — Рыбу поймали, вынесли на рынок, там ее купили, она попала на кухню, и это кухарка взрезала ее большим ножом. Она взяла солдата двумя пальцами за плечи и отнесла в комнаты, где всем хотелось поглядеть на славного героя, который путешествовал в рыбьем брюхе. Но солдатик не задрал нос. Его поставили на стол и тут... ну, скажите на милость, и такое ведь иногда случается на свете! Оловянный солдат находился в той же самой комнате, что и прежде, он увидел тех же самых детей, а на столе размещались те же самые игрушки и среди них прекрасный замок с милой маленькой балериной. Она все еще стояла на одной ноге, задрав другую вывысь; она тоже была стойкой. Это растрогало оловянного солдатика. Из глаз его чуть не хлынуло олово, но ему такое не пристало. Он глянул на нее, она глянула на него, и оба ничего не сказали.

Тогда один из мальчиков взял солдата и бросил в печку, хоть солдат не дал никакого повода; скорее всего вина тут падает на кобальда из табакерки.

Оловянный солдатик стоял в печи, озаренный пламенем, и ему было ужасно жарко, но горит ли он настоящим огнем или огнем любви, он не знал. Краски на нем пожухли, но было ли это следствием путешествия или до этого довело неутешное горе, сказать было нельзя. Он глянул на маленькую балерину, она глянула на него, и он почувствовал, что тает, но все еще стойко держался с оружием в руках. Тут отворилась дверь, ветер подхватил балерину, и она, подобно сильфиде, влетела к солдатiku в печь; она вспыхнула и ее тут же не стало. Тотчас расплавился и оловянный солдатик, и когда прислуга на утро выгребала золу, она обнаружила маленький слиток, похожий на оловянное сердечко. А от балерины, напротив, уцелела только роза из блесток, обгоревшая дочерна.

Свинопас

Жил на свете бедный королевич. Королевство у него было совсем крохотное, но, чтобы жениться, и такого довольно, а жениться ему хотелось.

Он, понятно, хватил через край, когда спросил дочь кесаря: – Пойдешь за меня? – Но осмелел-то он оттого, что имя у него было славное, громкое, и немало нашлось бы принцесс, что рады бы радешеньки сказать ему: – Да! – А она-то как? Вот и поглядим.

На могиле старого короля рос розовый куст, чудесный розовый куст. Расцветал он раз в пять лет и распускалась на нем одна единственная роза. Но уж это была роза! Так она благоухала, что чуть почувешь ее дух, забудешь все заботы и печали. И был у него еще соловей. Пел этот соловей, словно в горлышко к нему вместились все самые сладкие напевы. Роза и соловей предназначались принцессе. Уложили их в большие серебряные ларцы и отослали.

Кесарь велел нести ларцы прямо в большой зал, где принцесса играла со своими фрейлинами в дочки-матери, – она другого-то ничего и не делала. А чуть увидала ларцы с подарками, весело захлопала в ладоши.

– Ах, если бы там была кисанька! – сказала она. Но там оказалась прекрасная роза.

– А ведь она очень изящно сделана, – сказали фрейлины.

– Более, чем изящно, – прибавил кесарь, – просто очаровательно!

Но принцесса ее потрогала и чуть не расплакалась. – Фу, папа, – сказала она, – тут нет и крупницы искусства. Она живая.

– Фу, – сказали фрейлины, – Живая!

– Прежде, чем гневаться, поглядим, что в другом ларце, – сказал кесарь, и оттуда выпорхнул соловей. Он пел так ласково, что о нем уже никак нельзя было сказать худое.

– Superb! Charmant! – повторяли фрейлины, ведь они все болтали по-французски одна другой хуже.

– Эта птичка напоминает музыкальную шкатулку незабвенной государыни, – сказал пожилой кавалер, – тот же тембр и такая же дикция.

– Да, - сказал кесарь и заплакал, как малое дитя.

– Мне не хотелось бы думать, что этот соловей живой, – сказала принцесса.

– Ну, конечно, живой! Это птица! – говорили люди, доставившие подарки.

– А если птица, так пускай себе летит! – сказала принцесса и ни в коем случае не велела принимать королевича.

Королевич, однако, не дрогнул, размазал себе по лицу краску, и черную, и коричневую, поглубже напялил шапку и постучался к кесарю.

– Здравствуй, – говорит, – государь. Нет ли во дворце для меня какой работы?

– Эх, – говорит кесарь, – кто теперь только не ищет работы? Но, знаешь, мне, пожалуй, нужен человек – за свиньями ходить. Очень уж у меня много свиней.

И вот определили королевича дворцовым свинопасом, отвели ему каморку в свинарнике. Делать там покамест было нечего, а он весь день трудился и к вечеру смастерил хорошенький горшочек. По краям горшочка висели бубенчики, и ежели в нем что варилось, они дивно звенели на старинный лад:

Ах, мой милый Августин,
Все промчалось в миг один.

Но суть-то была в том, что, стоило подержать палец над паром, валившим из горшка, и сразу узнаешь, что стряпают нынче в любой кухне города. Это вам не какая-нибудь роза!

Шла, стало быть, принцесса со своими фрейлинами гулять, проходила мимо, услышала, что за напев звенит, остановилась и вся просветлела. Она ведь и сама умела играть «Ах, мой милый Августин». Это было единственное, что она играла, и, к тому же, одним только пальцем.

– Это сочинение, которое я играю, – сказала она. – Свинопас у нас, выходит, с образованием. Эй, кто-нибудь, зайди к нему и спроси, что стоит инструмент.

Пришлось одной из фрейлин пойти. Ну, она, само собой, надела деревянные башмаки.

– Что возьмешь за горшочек? – спросила фрейлина.

– Я хотел бы десять поцелуев принцессы, – говорит свинопас.

– Господи, помилуй, – сказала фрейлина.

– Меньше никак нельзя, – отозвался свинопас.

– Ну, что он говорит? – спрашивает принцесса.

– Язык не поворачивается повторить, – отвечает фрейлина. – Это отвратительно.

– А ты шепотом.

И фрейлина ей шепнула.

– Это нарушает этикет, – сказала принцесса и пошла прочь. Но прошла она самую малость, и бубенчики опять нежно зазвенели:

Ах, мой милый Августин,
Все промчалось в миг один.

– Послушай, – сказала принцесса, – спроси-ка, не хочет ли он получить десять поцелуев моих фрейлин?

– Благодарю покорно, – ответил свинопас. – Десять поцелуев принцессы или горшок остается у меня.

– Скука-то какая! – сказала принцесса. – Придется уж вам встать со всех сторон, чтобы никто этого не видел.

Фрейлины встали со всех сторон, расправили свои пышные платья, и свинопас получил десять поцелуев, а принцесса – горшок.

То-то стало весело. Весь вечер и весь день горшочек без устали варил, и не было такой кухни в городе, о которой они бы не знали, что там нынче готовят, – и у камергера и у сапожника.

– Мы знаем, кому нынче подадут сладкий суп и омлет, а кому кашу и свиную отбивную. До чего же интересно!

– Необычайно интересно! – сказала обергофмейстерша.

– Вы только помалкивайте. Я все-таки дочь кесаря!

– Ясное дело. Разве мы не понимаем? – сказали все.

А свинопас, которым прикинулся королевич, – им-то и в головы не шло, что никакой он не свинопас, – дня не пропускал, чтобы что-нибудь не смастерить. Сладил он трещетку: взмахнешь – звенят все вальсы, польки и галопы, какие только плясали от сотворения мира.

– Прелесть, – сказала принцесса, проходя мимо. – Я в жизни не слыхала лучших композиций. Эй, кто-нибудь, зайди к нему и спроси, что стоит инструмент? Но целоваться я с ним больше не собираюсь.

– Он хочет сто поцелуев принцессы! – говорит фрейлина, которая ходила разведать.

– Я полагаю, он помешался, – сказала принцесса и пошла прочь, но прошла самую малость и остановилась. – Искусство надо поощрять! – сказала она. – Я же дочь кесаря! Скажи ему, что он, как в прошлый раз, получит десять поцелуев, а остальные может добрать у моих фрейлин.

– Нам это было бы неприятно, – сказали фрейлины.

– Что за чепуха? – сказала принцесса. – Если я могу его целовать, так вы и подавно можете. Не забывайте, что я вам плачу и вас кормлю. – И пришлось фрейлине снова к нему идти.

А он говорит: – Сто поцелуев принцессы или каждый остается при своем!

– Становитесь вокруг, – сказала принцесса, и фрейлины встали вокруг, а он принялся ее целовать.

– Что там у свинарника за сборище? – спросил кесарь, выйдя на балкон. Он протер глаза и надел очки. – Да это фрейлины что-то затеяли. Пойду-ка на них погляжу. – И он подтянул сзади туфли, совсем уже стоптанные.

И заторопился же он, черт подери!

А как до двора добрался, пошел тихонечко. Фрейлины были очень заняты: они считали поцелуи, чтобы все было по-честному, чтобы свинопас не получил лишнего и не упустил своего, вот они кесаря и не углядели. А он встал на цыпочки.

– Это что такое? – спросил он, увидав, что они целуются, и в то время, как свинопас получал восемьдесят шестой поцелуй, стукнул дочку туфлей по голове.

– Убирайтесь вон! – сказал кесарь. Он разгневался, а потому и принцесса и свинопас были изгнаны из пределов государства.

Теперь она горько плакала, свинопас бранился, а дождь хлестал, как из ведра.

– Ах, я невезучая! – говорила принцесса. – Ну что бы мне выйти за прекрасного королевича. Какая я несчастная!

А свинопас зашел за дерево, стер с лица краску – и черную и коричневую, сбросил бедную одежду, и в своем королевском наряде стал так хорош, что принцесса невольно ему поклонилась.

– Отныне я тебя презираю, – сказал он. – Ты не хотела выйти за честного королевича. Для тебя ничего не значили ни роза, ни соловей, А ради жалких безделок ты готова была целовать свинопаса. Вот ты и получила.

Он ушел в свое королевство и захлопнул дверь у нее перед носом. А она осталась на улице и могла разве что петь:

Ах, мой милый Августин,
Все промчалось в миг один.

1839-1841

Соловей

Как ты, конечно, знаешь, китайский император – китаец, и все его подданные, стало быть, тоже китайцы. Дело давнее и потому есть резон послушать эту историю, покуда она вовсе не выветрилась из памяти. Дворец у императора был роскошней всех на свете, весь фарфоровый, а фарфор самый дорогой, но до того хрупкий, что опасно даже дотронуться, и это постоянно приходилось иметь в виду. В саду росли чудесные цветы и к тем, что были всех чудеснее, подвязывали серебряные колокольчики, колокольчики то и дело позвякивали, и нельзя было пройти мимо цветов, чтобы на них не поглядеть. Что говорить, в императорском саду все было устроено на редкость искусно. И простирался он так далеко, что и сам садовник не ведал ему конца. Если идти да идти,

начинался дивный лес, деревья стояли высокие, а озера были необычайной глубины. Лес тянулся до самого синего моря, тоже очень глубокого, под склоненными ветками проходили большие корабли, а на ветках жил соловей, который пел так сладко, что даже бедный рыбак, у которого и других забот хватало, идя среди ночи вытягивать невод, замирал и вслушивался, если соловей начинал петь.

– Ах, господи, до чего же хорошо! – говорил он, но надо было заниматься своим делом и он забывал о птице. Однако на следующую ночь, когда он опять туда приходил и птица опять начинала петь, он говорил то же самое: – Ах, господи, до чего же хорошо!

Со всех концов земли прибывали в столицу путешественники и все восхищались дворцом и садом. Но если случалось кому из них услышать соловья, обязательно говорили: – Ничего лучше нет!

Воротясь на родину, путешественники рассказывали, что видели, и ученые написали множество книг про город, дворец и сад. Не обходили и соловья, его хвалили больше всего, а кое-кто из пишущих стихи сложил, несколько просто прекрасных – и все про соловья в лесу над морем.

Книги ходили по свету и порой попадались императору. Он сидел на золотом троне и все читал, да читал. И каждую минуту кивал головой, – приятно было читать роскошные описания города, дворца и сада. Однако дальше говорилось: – Но лучше всего – соловей!

– Это еще кто? – сказал император. – Соловей? Я такого не знаю. В моей империи и даже в моем собственном саду водится подобная птица? Никогда не слышал. Впервые случилось прочесть.

И он позвал своего первого кавалера. Это был человек весьма важный. Если кто-нибудь из нижестоящих осмеливался с ним заговорить или задать ему какой-нибудь вопрос, он отвечал только – Пф! – а это ведь ничего не означает.

– У нас вроде должна обитать некая необыкновенная птица, именуемая «Соловей», – сказал император. – Утверждают, будто это самое замечательное, что есть в моей огромной империи.

Почему же мне об этом не было своевременно доложено?

– Я никогда прежде не слышал этого имени, – сказал кавалер. – Он при дворе не принят!

– Мне угодно, чтобы он явился сегодня же вечером и спел для меня, – сказал император. – Целый мир знает, что у меня есть, а я понятия об этом не имею.

– Я никогда прежде не слышал этого имени, – сказал кавалер, – но я буду искать и я его обнаружу.

Но где его было искать? Кавалер бегал вверх и вниз по лестницам, носился по залам и коридорам, но никто из попадавшихся навстречу, и слыхом не слышал про соловья. Тогда кавалер опять побежал к императору и сказал, что это, конечно, не что иное, как пустая басня из тех, какие обыкновенно и печатают в книгах. – Вашему императорскому величеству не следует верить всему, что понапишут. Это все злонамеренные измышления и черная магия.

– Но книгу, где я прочел про соловья, прислал великий японский император, стало быть, это не может быть неправдой. Я хочу слышать соловья. Он должен быть здесь сегодня вечером. Я отношусь к нему с величайшей благосклонностью. А если он не явится, всех придворных после ужина будут бить палками по животам.

– Тсинг пе! – сказал кавалер и снова забегал по лестницам вверх и вниз, и стал опять носиться по залам и коридорам, и половина придворных бегала следом, ведь никто из них, понятно, не хотел быть битым палками по животу. У каждого встречного они спрашивали о необыкновенном соловье, которого знает весь свет, но при дворе никто не знает.

Наконец, попалась им на кухне бедная девочка. Она сказала: – О, господи! Ну, конечно, я знаю соловья. Ах, как он поет! Мне дозволено каждый вечер относить моей бедной маме объедки со стола, она живет у самого моря, и когда на обратном пути я устаю и отдыхаю в лесу, я слушаю, как поет соловей. У меня почему-то слезы льются и кажется, будто это мама меня целует.

– Маленькая кухарка! – сказал кавалер. – Если ты проводишь нас к соловью, я прикажу, чтобы тебя на

кухне зачислили в штат, и устрою тебе разрешение присутствовать при императорской трапезе. Дело в том, что соловей приглашен сегодня ко двору!

И вот все они отправились в лес, где обычно пел соловей. Половина придворных пошла. По дороге замычала корова.

– О, – сказал камер-юнкер, – вот он! Какая восхитительная сила в крохотной твари! Но я его наверняка уже слышал.

– Нет, это корова, она мычит, – сказала кухонная девочка. – Нам еще далеко.

Потом на болоте заквакали лягушки.

– Прелестно! – сказал китайский дворцовый священник. – Теперь я его слышу. Его голос подобен звучанию самого малого из храмовых колоколов.

– Нет, это лягушки, – сказала маленькая кухарка. – Но теперь, по-моему, мы уже скоро его услышим.

И тут соловей запел.

– Это он! – сказала девочка. – Слушайте! Слушайте! А вон его видно! И она указала на серую птичку, сидевшую на ветке.

– Немыслимо! – сказал кавалер. – Я представлял его себе совсем не так. Как он обыденно выглядит! Все его краски поблекли, когда он увидел вокруг такое множество благородных людей.

– Соловушка! – громко сказала маленькая кухарка. – Нашему милостивому императору угодно, чтобы ты для него спел.

– С удовольствием, – ответил соловей и запел, раз этого хотели.

– Точно стеклянные колокольчики, – сказал кавалер. – Взгляните на это горлышко, как оно напряжено. Странно, что мы раньше его никогда не слышали. При дворе ему обеспечен большой успех.

– Угодно ли императору, чтобы я еще спел? – спросил соловей, который думал, что император тоже был там.

– Достопочтенный соловушка, – произнес кавалер, – мне доставляет особое удовольствие пригласить вас нынче вечером на дворцовое торжество, где вы очаруете его императорское величество своим прелестным пением.

– Это пение лучше бы слушать в лесу, – сказал соловей, но, узнав, что так угодно императору, принял приглашение.

Дворец был весь разукрашен, стены и пол из тончайшего фарфора, сверкали в лучах тысяч и тысяч золотых фонариков. В коридорах расставили чудесные цветы, от которых звон мог исходить с полным основанием. Шла такая беготня и такой стоял сквозняк, что все колокольчики непрестанно звенели и собственный голос было не услышать.

Посреди большого зала, подле трона, был установлен золотой шест, на котором надлежало сидеть соловью. Собрались все придворные и даже маленькая кухарка получила позволение постоять за дверью, – она была ныне удостоена звания действительной кухарки. Все нарядились в лучшее, что у них было, и теперь разглядывали серую птичку, которой кивнул император.

Соловей пел так чудесно, что у императора полились слезы и покатались по щекам, и тут соловей запел еще лучше, хватая за самое сердце. Император был доволен и сказал, что повесит соловью на шею свою золотую туфлю. Но соловей поблагодарил, он был уже полностью вознагражден.

– Я видел слезы императора, какого еще сокровища мне желать? Слезам императора свойственна чудодейственная сила. Видит бог, я свою награду получил. – И опять полилось сладостное, прекрасное пение.

– Вот оно самое действенное кокетство, какое только может быть, – говорили все дамы вокруг, и каждая набрала в рот немного воды, чтобы вода булькала при разговоре. Дамам казалось, что они теперь совсем как соловей. Даже лакеи и горничные выказали удовлетворение, а это многое значит – им-то угодить трудней всего. Соловей имел неоспоримый успех!

Его оставили при дворе, отвели ему отдельную клетку и предоставили право два раза в день и один раз ночью выходить на прогулку. К нему приставили двенадцать слуг, которым надлежало крепко его держать за шелковую ленту, привязанную к ногам. Радости в таком гуляньи немного.

Весь город толковал о необычайной птице, и встречаясь люди говорили – один: – Соло!, – другой: – Вью! – И, понимая друг друга, вздыхали. Мало того, одиннадцать лавочников назвали в его честь своих сыновей Соловьями, хоть ни у одного не было и намека на голос.

Однажды прибыл к императору пакет, на котором стояло «Соловей».

– Вот и еще одна книга о нашей прославленной птице, – сказал император. Но это была не книга, а упакованное в коробке небольшое произведение искусства, искусственный соловей, – точь в точь, как живой, но сверх того еще весь усыпанный алмазами, рубинами и сапфирами. Когда его заводили, он пел одну из песен настоящего соловья, и шевелил при этом хвостом, и сверкал серебром и золотом. На шее у него висела лента, а на ленте написано: «Соловей повелителя Японии ничто пред соловьем повелителя Китая». – Превосходно, – сказали все, а тот, кто доставил искусственного соловья, был тут же удостоен звания «Собственный его величества поставщик соловьев».

– Теперь они должны спеть вдвоем – недурной дуэт получится.

Пришлось им спеть вместе, но ничего хорошего не вышло, потому что настоящий соловей пел, как ему поется, а в искусственном вертелся валик. – Его вины тут нет, – сказал капельмейстер. – Он поет с гораздо большим чувством ритма и совершенно в духе моей школы. – Тут уж искусственному соловью надо было спеть одному. Он имел ничуть не меньший успех, чем настоящий, и при этом куда лучше выглядел, – блестял, как браслет или брошка.

Он спел одну и ту же песню тридцать три раза и нисколько не устал. Люди бы охотно послушали его и еще, однако император счел, что надо и живому соловью немного попеть, – но где же он, право? Никто не заметил, что он выпорхнул в открытое окошко и улетел себе в зеленый лес.

– Ну, на что это похоже? – сказал император. И придворные сочли, что соловей оказался весьма неблагодарной тварью. – А все же лучшая из птиц у нас в руках, – сказали они.

И пришлось искусственному соловью снова петь. Придворные слушали одну и ту же песню уже в тридцать четвертый раз, но все еще не знали ее наизусть, выучить ее было довольно-таки трудно. И капельмейстер чрезвычайно хвалил птицу, он и впрямь уверял, что она лучше настоящего соловья не только по внешнему виду и множеству великолепных алмазов, но и по самой сути.

– Видите ли, ваше величество, и вы все, милостивые государи, с настоящим соловьем никогда не угадаешь, что тебя ждет, а с искусственным все заранее определено. Будет так, и никак иначе. Его можно объяснить, можно его раскрыть и понять человеческим разумом, как расположены валики, как они вертятся и в какой последовательности.

– Именно так мы и думали, – сказали все, и капельмейстеру было дозволено в следующее воскресение продемонстрировать птицу народу.

– Надо и народу ее послушать, – сказал император. И народ послушал и получил полное удовольствие, словно упился чаем, – это уже нечто совершенно китайское, – и все говорили – О, – поднимали указательный палец и качали головами. И только бедные рыбаки, слыхавшие настоящего соловья, говорили: – Славно поет и даже похоже, а чего-то нехватает, сам не знаю чего!

Настоящий соловей был изгнан из империи.

Искусственная птица заняла его место на шелковой подушке у постели императора, кругом разложили пожалованные ей подарки, золото и драгоценные камни, и в своем звании «Собственного его величества ночного столика певца» она достигла первого разряда с левой стороны. Император, надо сказать, отдавал предпочтение той стороне, где расположено сердце, а сердце и у императора слева. И капельмейстер написал об искусственной птице сочинение в двадцати пяти томах, сочинение вышло весьма ученое и весьма длинное, напичканное самыми трудными китайскими словами, и потому все говорили, что его прочли и поняли, иначе они бы выказали свою глупость и их бы поколотили палками по животам.

Миновал год, император, придворные и все прочие китайцы знали уже наизусть каждый звук песни искусственного соловья. Но именно поэтому она им нравилась больше всякой другой, ведь они сами могли подпевать и охотно это делали. Уличные мальчишки пели – Ти-ти-ти. Буль-буль-буль! – и государь-император пел то же самое. Что говорить, это было превосходно.

И вот в один прекрасный вечер, когда искусственная птица пела особенно хорошо, а император внимал ей, лежа в постели, внутри птицы раздалось: – Хлоп!, – что-то вдруг прыгнуло: – Щелк! – все колесики закрутились и музыка смолкла. Император вскочил с постели и приказал сейчас же позвать своего лейб-медика. Но чем тот мог помочь? Потом привезли часовщика, и после долгих осмотров и разговоров он кое-как починил птицу, но заявил, что ее теперь надо шадить, потому что шестеренки износились, а если их заменить, погибнет и прежняя музыка. Это было очень печально.

Отныне искусственной птице полагалось петь лишь раз в году, и даже это было для нее опасно. Но капельмейстер выступил с небольшой речью полной многозначительных слов, и сказал, что все обстоит так же хорошо, как и прежде, и, стало быть, все обстояло так же хорошо, как и прежде.

Миновало еще пять лет и пришла по-настоящему большая беда. Вся страна, в сущности, любила своего императора, а теперь он заболел, и говорили, что ему не долго осталось жить. Уже был избран новый император, а народ еще толпился на площади и спрашивал кавалера о здоровье своего государя.

– Пф! – говорил он и качал головой.

Холодный и бледный император лежал в своей огромной роскошной постели. Придворные считали его уже покойником и спешили поздравить нового императора. Камердинеры выбегали поболтать обо всем об этом, а у камеристок на чашку кофе собиралось большое общество. Везде и всюду, в залах и коридорах постелили сукно, чтобы не был слышен шум шагов, и потому стало совсем тихо, ну, совсем тихо.

Но император был еще жив.

Окоченевший и бледный он лежал в своей роскошной постели с бархатным балдахином и тяжелыми золотыми кистями. Окно было открыто и луна светила на императора и на искусственную птицу.

Бедный император едва дышал, у него на груди словно бы кто-то уселся. Он раскрыл глаза и увидел, что это смерть сидела у него на груди, надев его золотую корону, держа в одной руке золотую императорскую саблю, а в другой – его великолепное знамя. А кругом, из складок огромного бархатного балдахины, высовывались странные головы, одни мерзкие и гнусные, другие ласковые и нежные, – это были добрые и дурные деяния императора, и все они взирали на него теперь, когда смерть сидела у него на сердце.

– А помнишь об этом? – шептали они друг за другом. – А это вспоминаешь? – И рассказывали столько, что пот катил у него со лба.

– Я про это ничего не знал, – говорил император. – Музыка! Музыка! Бейте в большие китайские барабаны, чтобы мне не слышать всего, что они говорят.

А они продолжали свое, и смерть, как китаец, кивала, соглашаясь со всем, что говорили.

– Музыка! Музыка! – кричал император. – А что же ты, милая золотая птичка? Ну, спой же, спой. Я не жалел тебе ни золота, ни драгоценностей, я собственоручно повесил тебе на шею мою золотую туфлю. Ну, спой же, спой!

Но птица молчала, не нашлось никого, кто ее бы завел, а иначе она не пела. А смерть делала свое, уставясь на императора огромными пустыми глазами, и было совсем тихо, ужасающе тихо!

И вдруг за окном раздалась прелестная песня. Это на ветке сидел маленький живой соловей. До него дошел слух о беде, постигшей императора, и он прилетел, чтобы спеть, даруя ему утешение и суля надежду. И меж тем, как он пел, призраки делались бледней и бледней, и быстрее и быстрее бежала кровь в ослабевшем теле императора; и сама смерть прислушалась и сказала: – Дальше, соловушка, дальше!

– А ты отдашь мне прекрасную золотую саблю? А ты отдашь мне драгоценное знамя? А ты отдашь мне императорскую корону?

И за каждую песню смерть возвращала сокровище, и соловей пел и пел. Он пел о тихом погосте, где растут белые розы и цветет бузина, а свежую траву орошают слезы тех, кто покамест жив. Смерть ощутила, что тоскует по своему саду и, подобно холодному белому туману, растаяла в окне.

– Спасибо, спасибо, – сказал император. – О, птичка, ниспосланная с небес! Я знаю тебя! Я изгнал тебя из моей империи, и все же ты развеяла недобрые видения, витавшие над моей постелью, и отогнала даже смерть от моего сердца. Как могу я тебя вознаградить?

– Ты меня уже вознаградил, – сказал соловей. – Ты заплакал, когда впервые меня услышал, и этого я никогда не забуду. Для певца нет ничего драгоценнее слез. Но теперь ты спи и набирайся сил. Я спою тебе еще.

И он запел, а император погрузился в сладостную дрему. О, как живителен и благотворен был сон!

Солнце стояло за окном, когда император пробудился, бодрый и здоровый. Слуги к нему не спешили, они думали, что он мертв. Один лишь соловей сидел подле него и пел.

– Ты должен всегда быть со мной, – сказал император. – Ты будешь петь только тогда, когда захочешь, а искусственную птицу я разобью вдребезги.

– Не делай этого, – сказал соловей. – Она ведь старалась как могла. Пусть она по-прежнему будет при тебе. Я не могу жить во дворце, но если ты мне позволишь к тебе прилетать, когда мне захочется, я смогу вечером посидеть на ветке над твоим окном и спеть для тебя, чтобы тебе и порадоваться и поразмыслить. Я буду петь тебе о тех, кто счастлив, и о тех, кто страдает. Я буду петь о добре и зле, которые, окружая тебя, остаются тебе невидимы. Куда только не залетает певчая птичка – и к бедному рыбаку и под крышу хлебопашца – ко всякому, кто далек от тебя и твоего двора. Твое сердце мне нравится больше, чем твоя корона, и все же в короне есть отблеск чего-то

священного. Я прилечу и еще тебе спою. Но ты должен дать мне одно обещание.

– Все, что угодно, – сказал император и встал, облаченный в мантию, которую сам надел, и держа у сердца тяжелую от золота саблю.

– Я прошу тебя об одном. Никому не рассказывай, что у тебя есть маленькая птичка, которая все тебе говорит. Так будет гораздо лучше.

И соловей улетел.

Слуги пришли поглядеть на своего умершего императора... и так и остались стоять, а император сказал: – Доброе утро!

1843

Безобразный утенок

В деревне было просто превосходно. Стояло лето, хлеба поспевали, овес наливался, сено уже сгребли и сложили в стога, и журавль ступал среди них своими длинными красными ногами, лопоча по-египетски – именно этому языку он выучился у матери. Вдоль пашен и лугов тянулся густой лес, где за глухими зарослями скрывались озера необычайной глубины. Да, в деревне было воистину превосходно! Озаренную солнцем старую усадьбу окружали глубокие каналы; от забора до самой воды земля поросла лопухами, и были они такие большие, что под иными и ребенок мог бы встать, не сгибаясь, и было все дико, словно в глухом лесу. Там-то и сидела на яйцах утка; ей приходилось высидывать птенцов, но это ей уже наскучило, потому что тянулось очень долго, а гости к ней навевались не часто; остальные утки предпочитали плавать себе по каналу, нежели тратить время на то, чтобы покрякать с ней вместе под лопухами.

Наконец, яйца, одно за другим, стали лопаться. – Пип! Пип! – сказала каждое, и все желтки ожили и просунули клювы наружу.

– Кряк! Кряк! – сказала утка, и они сразу зашумели, как могли, и стали глядеть из-под зеленых

лопухов во все стороны, и мать им это не запрещала, поскольку зеленое полезно для глаз.

– Как, однако, огромен мир! – говорили утята, которым теперь было, конечно, куда привольнее, нежели в яйце.

– Вы думаете, это весь мир? – спросила мать. – А он простирается еще далеко по ту сторону сада до самого пасторского поля, где я, впрочем, никогда не бывала! Вы все здесь у меня? – продолжала она и поднялась. – Нет, еще не все. Самое большое яйцо на месте. Сколько же это будет продолжаться? Мне это уже совсем теперь надоело». – И она уселась обратно.

– Ну, что слышать? – спросила старая утка, пришедшая с визитом.

– С одним яйцом конца не видать! – отвечала наследка. – Никак не лопнет! Но ты погляди на остальных, это самые очаровательные утята, каких я только видела в жизни. И вылитый отец! А сам, негодяй, и проведать меня не зайдет.

– Дай-ка взглянуть на яйцо, которое не лопается, – сказала старуха. – Можешь мне поверить, оно – индюшачье. Я тоже однажды так попалась. И натерпелась же я потом с детьми. Они ведь – и сказать-то чудно – воды боялись. И не столкнуть их было туда. Я и крикаю и кричу – ничего не помогает. Дай-ка я взгляну. Конечно, индюшачье! Оставь ты его и лучше поучи детей плавать!

– Я все-таки еще чуток посижу, – сказала утка. – Раз уж я столько сидела, могу и еще посидеть.

– Дело твое! – сказала гостя и ушла.

Наконец, большое яйцо лопнуло. – Пип! Пип! – сказал птенец и вылез наружу. Он был велик и безобразен. Утка его оглядела. – Очень уж большой утенок, – сказала она. – И выглядят остальные совершенно иначе. Неужто и впрямь индюшенок? Ну, это скоро выяснится. На воде-то он у меня будет, даже если придется самой его туда столкнуть.

На следующий день стояла дивная прекрасная погода, и солнце озаряло зеленые лопухи. Утка-мать отправилась со всей семьей к каналу. – Бултых! – это она кинулась в воду. – Кряк! Кряк! – сказала она, и следом, друг за другом, кинулись утята. Вода сомкнулась над их головами, но все они тотчас

вынырнули и чудесно поплыли. Лапки шли сами собой, и все утята были в воде, и безобразный серый плыл вместе со всеми.

– Нет уж, никакой это не индюшонок! – решила утка. – Взглянуть только, как он чудесно лапками работает и как прямо держится. Это моя кровиночка! И в сущности, он очень даже красивый, если как следует приглядеться. Кряк! Кряк! Идите за мной, я выведу вас в большой свет и представлю птичьему двору. Но только не отрывайтесь от семьи, чтобы никто на вас не наступил, и берегитесь кошки!

И они прибыли на птичий двор. А там стоял несусветный шум; два семейства вели сражение за голову угря, которая, впрочем, кошке и досталась.

– Видите, как устроен этот мир? – сказала утка-мать, облизывая клюв, ей ведь тоже хотелось рыбки. – А ну-ка, двигайте лапками! – сказала она. – Учтите, что вам стоит крякнуть и поклониться вон той старой утке. Ни у кого здесь нет более благородных предков. Она испанских кровей и потому такая толстая. Видите, у нее красненькая тряпочка на лапке, – это очень красиво и, к тому же, это самое почетное отличие, какого только может удостоиться утка. Оно означает, что ее не хотят потерять и что узнавать ее надлежит и людям и животным. Ну, крякайте же! И не заворачивайте вы носки внутрь. Благовоспитанный утенок держит носки врозь, как отец и мать. Вот, глядите! Теперь наклоните головы и скажите: – Кряк!

Так они и поступили, но остальные утки глядели на них со всех сторон и прямо вслух говорили: – Полюбуйтесь! Не угодно ли получить этокое прибавление! Как будто нас мало было до сих пор! И фу! – что среди них за урод? Такого-то уж мы не потерпим! – И тут же одна утка подлетела и клюнула его в затылок.

– Оставьте его в покое, – сказала мать, – он никого не трогает.

– Мало ли что! Все равно очень уж он велик и, вообще, какой-то странный, – сказала утка, которая его клонула. – И надо его за это поколотить!

– У вас прелестные дети, – сказала старая утка с тряпочкой на лапке, – все очень хорошенькие, кроме

этого, который не удался. Мне бы хотелось, чтобы вы его исправили.

– Это невозможно, ваше сиятельство, – сказала утка-мать, – он некрасивый, но душа у него добрая, и плавать он ничуть не хуже остальных, я бы сказала даже несколько лучше. Мне кажется, он, когда подрастет, похорошеет или станет с годами поменьше. Он слишком долго лежал в яйце, вот и фигурой не вышел. – и она уткнулась ему в затылок и погладила ему перышки. – Потом это ведь селезень, – сказала она. – А для мужчины внешность не имеет значения. По моему он свое возьмет и выбьется.

– Остальные утята очень милы, – сказала старуха. – Чувствуйте себя здесь как дома. А если найдете голову угря, разрешаю отдать ее мне.

И они чувствовали себя как дома.

Но бедного утенка, который вылупился из яйца последним и безобразно выглядел, утки и куры клевали, щипали и подымали насмех. – Не в меру велик! – говорили все, а индюк, который родился при шпорах и считал себя поэтому императором, распуская перья, словно корабль паруса, бросался на утенка и клокотал, покамест гребень на голове не становился весь красный. Бедный утенок не знал, куда ему деваться. Было обидно, что он безобразно выглядит и что над ним глумится весь птичий двор.

Так прошел первый день, а дальше пошло еще хуже. Бедного утенка преследовали все, даже его братья были до того жестоки, что поминутно говорили: – Хоть бы кошка тебя, обрзину, утащила. – И мать говорила: – Глаза бы тебя не видали! – И утки его щипали, и куры его били, и девочка, которая кормит птицу, отталкивала его ногой.

Он убежал и перелетел через забор, малые птахи, сидевшие на кустах, в страхе разлетелись. – Это потому, что я безобразен, – подумал утенок и побежал, куда глаза глядят. Попал он на большое болото, где живут дикие утки. Там он пролежал всю ночь, измученный и удрученный.

А утром дикие утки стали летать и заметили нового товарища. – Ты кто будешь? – спрашивали они, и утенок вертелся из стороны в сторону и кланялся, стараясь, как мог.

– Ты исключительно безобразен, – говорили дикие утки, – но нас это не касается, если только ты не замышляешь у нас жениться и войти к нам в семью. – Бедняга! Он и не помышлял о том, чтобы жениться, позволили бы полежать в камышах да попить болотной воды.

Он пролежал так два полных дня, и вот явились туда двое диких гусей или, точнее сказать, два диких гусака, ибо это были мужчины. Они не так еще давно вылупились на свет, и потому были чрезвычайно горды собой.

– Слушай, приятель! – сказали они, – ты так безобразен, что мы к тебе расположены всей душой. Давай летать вместе – станешь перелетной птицей. Согласен? Тут поблизости на одном болоте есть приятные гусынечки, они из тех девочек, что и сами тебе скажут: – Кряк! Может счастье свое найдешь, хоть ты и безобразен.

– Вдруг раздалось «Пиф! Паф!» и оба гусака упали мертвыми в камыши, и вода обагрилась кровью. «Пиф! Паф!» – раздалось опять, и целая стая диких гусей поднялась над камышами, и снова раздались выстрелы. Шла большая охота. Охотники залегли вокруг топи, а некоторые даже засели на деревьях, высившихся над камышами. Голубой дымок, словно облако, окутывал темные стволы и стелился над водой. В трясину кинулись охотничьи собаки, – плюх, плюх, – камыш и тростник клонились из стороны в сторону. Бедный утенок насмерть испугался. Только он собрался спрятать голову под крыло, как прямо перед ним оказалась огромная страшная собака, язык вываливался у нее из пасти, а в глазах полыхала отвратительная злоба. Оскалив острые зубы, она нацелилась на утенка, и – плюх, плюх, – побежала дальше, так его и не тронув.

– Благодарение богу! – вздохнул утенок, – Я так безобразен, что даже собаке тошно меня кусать.

И так он лежал, не шелохнувшись, покуда в камышах свистела дробь и раздавался выстрел за выстрелом.

Только к ночи все стихло, но бедный малыш не спешил подняться, он ждал еще несколько часов, потом огляделся и побежал со всех ног. Он мчался по

лугам и полям, но тут разыгралась такая буря, что едва удавалось сдвинуться с места.

К вечеру достиг он бедной избушки, до того убогой, что она сама уже не понимала, в какую сторону ей валиться, и лишь оттого стояла. Буря одолевала утенка, и ему порой приходилось ложиться наземь, чтобы удержаться. Тут он заметил, что дверь соскочила с нижней петли и висит криво, и можно сквозь щель проскочить в избу, так он и поступил.

В избе жила старуха с котом и курицей. Кот, которого она звала сыночком, умел выгнуть спинку и помурлыкать; он испускал даже искры, но для этого надо было погладить его против шерсти. А у курицы были совсем короткие ноги, за что ее и прозвали «цыпочка-коротконожка»; она отлично неслась, и старуха любила ее, как родное дитя.

Утром чужого утенка сразу заметили, и кот стал урчать, а курица кудахтать.

– Что там еще? – сказала старуха и поглядела кругом, но видела она плохо и приняла утенка за жирную утку, отбившуюся от владельца.

Драгоценная находка! – сказала она. – Теперь у меня будут утиные яйца. Только бы это не оказался селезень! Придется проверить!

Три недели держали утенка на проверке, но он не снес ни одного яйца. Кот был в доме хозяином, а курица хозяйкой. И они всегда говорили: – Мы и остальной мир. – Им казалось, что одно равно другому, и они даже составляют лучшую половину. Утенок считал, что можно иметь и другое мнение, но курица этого не допускала.

– Яйца ты класть можешь? – спрашивала она.

– Нет!

– Ну, так и помалкивай!

А кот говорил: – А можешь спинку выгнуть, или помурлыкать, или искры пустить?

– Нет!

– Какое же у тебя может быть свое мнение, когда разумные люди говорят?

И утенок сидел в углу, у него было плохое настроение. Он подумал о солнце и чистом воздухе, ему отчаянно захотелось поплавать, и он не смог удержаться, чтобы не признаться в этом курице.

– Чего тебе нехватает? – спросила она. – Делать тебе нечего, вот и захандрил. Ты клади яйца или хоть помурлычь, – как рукой снимет.

– Но ведь плавать так приятно! – сказал утенок, – так приятно нырнуть, чтобы волны перекатывали через тебя, а ты уходил в глубину.

– Что и говорить, большая радость! – сказала курица. – Ты совсем спятил. Спроси у кота – он самый умный из всех моих знакомых – нравится ему плавать или нырять? Я уже не говорю о себе. Спроси хоть у нашей хозяйки, у старушки, – умнее ее нет никого на свете. Ты полагаешь, ей хочется плавать или нырять, чтобы через нее перекатывались волны?

– Вы меня не понимаете! – сказал утенок.

– Мы тебя не понимаем? Кто же тебя тогда поймет? Не хочешь же ты быть умней и кота и хозяйки! О себе я говорить уже не стану! Ты не воображай, а лучше благодари создателя за добро, что выпало тебе на долю. Или ты не живешь в тепле, и нет у тебя общества, в котором можно кое-чему поучиться? Но ты пустозвон. Что с тобой толковать! Можешь мне поверить, я добра тебе желаю. Я тебе говорю весьма неприятные вещи, а это делают только настоящие друзья. Ты, главное, старайся, и учишь класть яйца или мурлыкать и пускать искры.

– Я пойду, пожалуй, поброжу по свету, – сказал утенок.

– Да, ступай, – ответила курица.

И утенок ушел. Он и плавал и нырял, но все живые твари по-прежнему презирали его за безобразие.

Настала осень, листья в лесу пожелтели и посохли; ветер их подхватывал и они пускались в пляс, а небеса холодели; из тяжелых облаков сыпались градины и снежинки, а на заборе сидел ворон и, дрожа на лютном морозе, кричал: – Кар-р! Кар-р! – да если о таком только подумать, и то замерзнешь. Худо было бедному утенку.

Однажды вечером, когда закат был несказанно хорош, из кустов вылетела целая стая громадных прекрасных птиц – никогда утенок не видел таких красивых; они сверкали белизной и длинные их шеи изгибались; это были лебеди; они издавали какие-то

удивительные звуки, простирали свои огромные великолепные крылья и улетали из холодного края в жаркие страны, к незамерзающему морю. Они поднимались все выше и выше, и юного безобразного утенка охватило смятение. Он колесом заходил по воде и вытянул им вслед шею, испуская такой громкий и странный крик, что и самому стало страшно. Все не мог он забыть прекрасных счастливых птиц и, когда их совсем уже не стало видно, он нырнул до самого дна, но и вынырнув был еще не в себе. Он не знал, как этих птиц зовут и куда они летят, но они нравились ему, как никто никогда не нравился. Он ничуть им не завидовал, ему и на ум не взбрело пожелать для себя такого великолепия. Он – несчастное безобразное создание! – уже и тем был бы счастлив, что его бы терпели утки.

А морозы все крепчали да крепчали! Утенку приходилось без отдыха плавать, чтобы только вода не замерзала, но каждую ночь клочок воды, по которому он плавал, становился все меньше и меньше. Подмораживало так, что лед хрустел. Утенку нужно было непрерывно работать ногами, чтобы вода вокруг него не застыла. Наконец, он выбился из сил, не мог даже пошевелиться, и примерз ко льду.

Шел поутру крестьянин, увидав утенка, подошел, разбил своими деревянными башмаками лед и отнес птенца жене. В доме он ожил.

Дети хотели с ним поиграть, но утенок решил, что они его хотят помучить, и со страху угодил в крынку с молоком, так, что молоко растеклось по полу. Хозяйка всплеснула руками, а он от этого кинулся в бочонок с маслом, оттуда в кадку с мукой, и опять выскочил. Ну, и вид же у него был! Хозяйка кричала и носилась за ним с кочергой, дети ловили утенка, сбивая друг друга с ног, со смехом и криком. И то благо, что дверь стояла открытой и удалось шмыгнуть в кусты на свежий снег, – там он упал в изнеможении.

Однако, очень уж было бы печально пересказывать все беды и горести, какие довелось утенку терпеть в ту суровую зиму. Он лежал в тростниках на болоте, когда солнце снова стало пригревать. Запели жаворонки – это была сама весна.

И утенок сумел тотчас расправить крылья, они плескались шумней, чем прежде, и держали его крепче, – не успел он оглянуться, как оказался в большом саду, где цвели яблони, а сирень благоухала, склоняя свои длинные зеленые ветви к извилистым протокам. О, все тут было чудесно и дышало весной. И вот из зарослей вышли три прекрасных белых лебедя, они шуршали перьями и без видимых усилий скользили по воде. Утенок узнал великолепных птиц и овладела им невыразимая тоска.

– Полечу-ка я к ним, к этим царственным птицам. Они убьют меня за то, что я, столь безобразный, посмел к ним приблизиться. Но мне все равно! Пусть лучше они убивают, нежели знать, что тебя и дальше будут щипать утки, будут бить куры, будет отталкивать ногой девочка, которая кормит птицу, нежели сызнова вынести такую тяжелую зиму. – И он полетел к воде и поплыл навстречу великолепным лебедям, а они заметили его и, шурша перьями, двинулись к нему. – Убейте меня! – сказала несчастное создание, склоняя голову к воде и ожидая конца, – но что предстало ему в чистой воде? Внизу лежало его отражение, только это была уже не прежняя неуклюжая, черно-серая птица, безобразная и мерзкая, а настоящий лебедь.

Что с того, что родился среди уток, ежели рожден из лебединого яйца!

Он был даже рад всем несчастьям и превратностям судьбы, какие пришлось претерпеть. Лишь после них мог он сполна ощутить всю прелесть счастья, выпавшего ему на долю. И большие лебеди плыли рядом и гладили его клювами.

В саду появились дети, они бросали в воду зерно и хлеб, и самый маленький закричал: – Смотрите – новый! – И другие дети тоже стали кричать: – Новый прилетел! – И они хлопали в ладоши и плясали, а после привели отца и мать, и в воду полетели хлеб и пирожные, и все говорили: – Новый – красивее всех! Такой молодой и такой прекрасный! – И старые лебеди склонились перед ним.

И так ему стало стыдно, что он спрятал голову под крыло, хоть и сам не знал отчего. Он был сверх меры счастлив, но нисколько не был горд, ибо доброе

сердце не ведает гордыни. Он помнил, как его преследовали и травили, и слышал теперь, как все говорят, что он красивее самых красивых птиц. Сирень склонила к нему свои ветви прямо в воду, и солнце сияло жарко и ласково. И он зашуршал перьями, вытянул гибкую шею и радостный крик вырвался из самой глубины его души: – И не мечтал я даже о таком счастье, покуда был молодым безобразным утенком!

1842 – 1843

Тень

Где солнце и впрямь печет, так это в жарких странах. Люди там становятся краснокожими, а в самых жарких даже и чернокожими. Но ученый муж с севера только еще прибыл в жаркие страны. Сперва он рассчитывал, как в родном городе, целыми днями носиться, куда вздумается, но скоро пришлось от этого отвыкать. Пришлось ему, как всякому разумному человеку, сидеть дома. Ставни и двери днем держали закрытыми. Снаружи казалось, что все спят или уехали. На узкой улочке, в которой он жил, дома стояли так, что солнце жгло с утра до вечера, и выдержать это было действительно тяжело. Ученый муж с севера был толковый молодой человек. Ему все казалось, что он сидит в пылающей печи, это его изматывало, он совсем исхудал, даже тень его и та как-то опала и стала гораздо короче, нежели дома. Солнце изнуряло даже ее. Оба оживали только к вечеру, когда солнце садилось.

Любо-дорого было на это смотреть. Стоило внести в комнату свечу, как тень подымалась по стене до самого потолка, такая она становилась длинная, ей необходимо было потянуться, чтобы снова ощутить в себе силу. Ученый выходил на балкон и тоже потягивался, и едва на чистом ночном небе показывались звезды, он чувствовал, что оживает. На всех балконах, — а в теплых странах каждое окно с балконом, — появлялись люди; свежий воздух нужен даже и тому, кому не в диковинку стать краснокожим. И внизу и сверху закипала жизнь. И портной, и сапожник, и всякий прочий люд высыпал на улицу, выносили столы и стулья, зажигали свечи, тысячи

свечей; и один говорил, другой пел, а кто-то и просто прогуливался, катили кареты, и мулы бежали рысцой — динь-динь-дон — звеня колокольчиками; с пением двигались похоронные процессии, уличные мальчишки пускали сверкающих чертиков, звонили церковные колокола, — ничего не скажешь, на улице и впрямь было весьма оживленно. В одном лишь доме, стоявшем как раз против того, где жил иностранный ученый, царила тишина. А кто-то все же там жил, коль на балконе стояли цветы, и коль они пышно цвели под палящим солнцем. Не могли бы они цвести, если бы их не поливали, стало быть, кто-то должен был их поливать. Стало быть, там должны были быть люди. По вечерам там тоже раскрывали двери на балкон, но внутри было темно, по крайней мере, в комнате, выходявшей на улицу, а из внутренних покоев доносилась музыка. Иностранный ученый находил ее прекрасной и бесподобной, но, быть может, это было одно лишь воображение, потому что все в жарких странах казалось ему прекрасным и бесподобным, чуть только солнце переставало палить. Владелец дома, где ученый поселился, говорил, что не знает, кто живет в доме напротив, людей там никто не видал, а что до музыки, то на его взгляд, очень уж она скучна. — Можно подумать, что кто-то разучивает пьесу, которая у него не выходит, все одну и ту же. Сам себе говорит: — Выучу! — А выучить не может, сколько ни играет.

Как-то иностранец проснулся среди ночи — спал он у открытой двери на балкон, портьера колыхалась на ветру, и ему почудилось, что от балкона напротив исходит необыкновенное сияние, цветы полыхают как пламя, светясь всеми красками, а среди цветов стоит стройная хорошенькая девушка и тоже вся светится. Свет бил ему в глаза, он со страху их вытаращил, и тут совсем уже проснулся. Он мгновенно вскочил с кровати, неслышно скользнул за портьеру, но девушка пропала, пропало и сияние, цветы уже не светились и все же были красивы, как всегда. Дверь там стояла раскрытой, и доносилась музыка, до того нежная и ласковая, что и в самом деле хотелось погрузиться в сладостные мечты. Это было какое-то колдовство, но кто же в том доме жил? И где был туда вход? В первом

этаже кругом помещались лавки, а не могут же люди все время ходить через них.

Однажды вечером иностранец сидел на балконе, а в комнате, почти прямо у него за спиной, горела свеча, и тень его, естественно, падала на стену дома напротив. Так и сидела эта тень среди цветов на противоположном балконе, и когда иностранец шевелился, шевелилась и тень, так оно всегда ведь и бывает.

— Пожалуй, кроме моей тени там нет ни одной живой души, — сказал ученый муж. — Как она изящно расположилась среди цветов, а дверь, между тем, открыта. Вот бы ей догадаться и войти, поглядеть, что там, а вернувшись рассказать мне, что она там видела. Сделай-ка полезное дело, — сказал он, словно в шутку. — Будь добра, войди в комнату. Ну, пойдешь? — И он кивнул тени, а тень кивнула ему. — Ну, теперь иди, да смотри, надолго не пропадай. — Тут иностранец встал, и тень его на противоположном балконе тоже встала. Иностранец повернулся, и тень тоже повернулась. И если бы кто-нибудь за ними наблюдал, он заметил бы, что тень вошла в полуоткрытую дверь противоположного балкона в то самое мгновение, когда иностранец вернулся к себе в комнату, задержав за собой длинную портьеру.

Утром ученый муж отправился выпить кофе и почитать газеты. — Что такое? — сказал он, очутившись на солнце, — У меня нет больше тени? Так она в самом деле вчера вечером ушла и не вернулась? Это уже досадно.

Он пришел в раздражение, не столько, впрочем, оттого, что пропала тень, сколько оттого, что знал историю человека без тени и знал, что дома, на севере, все ее знают. Вернись он домой и начни рассказывать свою историю, скажут, что он всего-навсего подражатель, а это было ему никак не нужно. Он и решил на сей счет не распространяться, что было с его стороны весьма разумно.

Вечером он опять вышел на балкон. Свечу он поставил у себя за спиной, ибо знал, что тень любит пользоваться своим господином, как ширмой, но приманить ее не удалось. Он и приседал, и вытягивался во весь рост, но тени все не было, тень все

не являлась. Он произносил: — Гм, гм! — ничто не помогало.

Это было крайне огорчительно, однако, в жарких странах все так быстро растет, что через какие-нибудь восемь дней он, к великому своему удовольствию, заметил, что у него в ногах на солнце вырастает новая тень, значит старый корень уцелел. Через три недели у него была уже довольно сносная тень, которая, когда он отправился домой, на север, всю дорогу росла да росла и стала, наконец, такой длинной, что и половины бы достаточно.

Итак, ученый муж воротился домой и стал писать книги о том, что есть правда, что есть добро и что есть красота, и так оно шло дни и годы, и прошло много лет.

Однажды вечером он сидел у себя в комнате и в дверь тихо постучали. Он сказал: — Войдите! — но никто не вошел. Тогда он открыл дверь и увидел человека до того тощего, что как-то даже смутился. К тому же, человек был очень хорошо одет, это было, видимо, весьма важное лицо.

— С кем имею честь говорить? — спросил ученый. — Так я и думал, что вы меня не узнаете, — сказал нарядный господин. — Я теперь до такой степени во плоти, что у меня даже мускулы и костюм. Вы, пожалуй, и не предполагали встретить меня в таком виде? Не узнаете разве свою старую тень? Или вы уже не верили, что я вернусь? У меня дела пошли чудесно, с тех пор, как я вас покинул, я во всех отношениях стал богаче; если надо откупиться от службы, мне это по карману. — И он забренчал множеством драгоценных брелоков, висевших у него на часах и взялся за толстую золотую цепь, которую носил на шее. А на пальцах у него блестели перстни с бриллиантами, и все бриллианты были настоящие.

— Не могу придти в себя, — сказал ученый муж. — Что все это значит?

— Да уж нечто не совсем обыкновенное, — сказала тень. — Но вы и сами человек не обыкновенный, а я, как вам известно, с младенчества следовал за вами по пятам. Чуть только вы сочли, что я достаточно созрел, чтобы стоять на собственных ногах, я пошел своим путем. Положение у меня

блестящее, но мне страстно захотелось повидать вас прежде, чем вы умрете, — умрете же вы когда-нибудь! Да и страну хотелось повидать, — от тоски по родине никуда не денешься. Я знаю, вы завели себе другую тень. Может, я с ней или с вами должен рассчитаться, так не откажите в любезности, скажите.

— Не может быть! Неужели это в самом деле ты? — сказал ученый муж. — Это же замечательно! Никогда не предполагал, что можно встретить свою старую тень в качестве самостоятельного человека.

— Вы мне только скажите, что мне надо заплатить, — сказала тень, — я не люблю быть в долгу.

— Как можешь ты такое говорить? — сказал ученый муж. — О каком долге речь? Ты свободен, как всякий человек, я чрезвычайно рад твоему счастью. Присаживайся, старый дружище! И расскажи, как это все произошло, и что ты там, в жарких странах, видел в доме напротив?

— Это-то я вам расскажу, — сказала тень и села, — но вы зато обещайте никогда никому не рассказывать — ни в этом городе, ни в любом, где нам доведется встретиться, — что я прежде был вашей тенью. Я собираюсь жениться, я ведь не одну семью могу прокормить.

— Будь спокоен, — ответил ученый, — я никому не скажу, кто ты, собственно, такой. Вот моя рука — я обещаю. Слово честного человека.

— Слово честной тени, — сказала тень. Только так она и могла сказать. Впрочем, и в самом деле было удивительно, до какой степени она стала человеком. Одета она была во все черное, на ней был прекрасный черный фуляр, лакированные ботинки и шляпа, которую можно было сложить так, что не оставалось ничего, кроме дна и полей, не говоря уже об известных нам брелоках, золотой цепи и перстнях с бриллиантами. Да, тень была необычайно хорошо одета и это делало ее полноценным человеком.

— Теперь я вам все расскажу, — сказала тень, и насколько могла твердо поставила ноги в лакированных ботинках на руку новой тени ученого, лежавшей, как пудель, у его ног — то ли она это сделала из высокомерия, то ли затем, чтобы новая тень не могла никуда сбежать. Однако новая тень лежала

тихо и спокойно, желая все, как следует, услышать. Ей хотелось знать, как обрести свободу и стать самому себе господином.

— Знаете, кто жил в доме против нас? — спросила тень. — Самое прекрасное создание. Там жила поэзия. Я провел там три недели, и это все равно, что я прожил бы три тысячи лет и прочел все, что было когда-либо написано в стихах или в прозе, уж вы мне поверьте, это правда; я все видел и все знаю.

— Поэзия! — Воскликнул ученый муж. — В больших городах она часто живет отшельницей. Поэзия! Я видел ее одно только мгновение, и сон застилал мне взор! Она стояла на балконе и светилась, как северное сияние. Продолжай! Продолжай! Ты был на балконе, ты вошел внутрь, и там...

— Я попал в прихожую, — сказала тень. — Вы всегда сидели у себя на балконе и глядели на эту прихожую. Там не было света, там царил полумрак, но дверь была открыта, а за ней виднелись другие двери и длинная анфилада комнат и залов, а там уже было светло, меня бы этот свет просто убил, подожди я к девушке сразу. Но я был благоразумен и выбрал подходящее время, так всегда ведь и следует поступать.

— И что же ты увидел? — спросил ученый муж.

— Я все увидел, я все вам расскажу, но... поверьте, я это говорю отнюдь не из высокомерия — я теперь свободный человек, и весьма образованный, не говоря уже о занимаемом мною положении и моем исключительном богатстве — и я бы все-таки хотел, чтобы вы говорили мне «Вы».

— Простите великодушно, — сказал ученый муж. — Никак не вытравить давнюю привычку. Но вы совершенно правы, и я не буду про это забывать. Расскажите же мне подробно, что вы видели.

— Все, — сказала тень, — я видел все и знаю все.

— Как же выглядели внутренние покои, — спросил ученый муж. Походилили они на примолкший лес? Или на храм божий? Или на звездное небо, каким его видишь с горных вершин?

— Все там было, — сказала тень. — Я, правда, внутрь туда не входил. Я остался в прихожей, в полумраке, но позиция моя все равно была

исключительно хорошей. Я видел все и знаю все. Я был при дворе поэзии, я побывал у нее в прихожей. —

Но что же вы все—таки видели? Ходили там по залам античные боги? Сражались древние герои? Играли красивые дети и рассказывали, что им снилось?

— Да говорю же я вам, что я там был, и вам должно быть ясно, что я видел все, что можно увидеть. Если бы вы туда попали, вы потеряли бы облик человеческий, а вот я его обрел! Притом я познал самого себя, свою природу и свою родственную связь с поэзией. Будучи при вас я об этом и не помышлял. Но вы и сами знаете, когда солнце всходило или заходило, я частенько становился необычайно велик, а в лунном свете бывал едва ли не заметнее вас самих. Я тогда сам себя не понимал, а в прихожей понял — и стал человеком! Я вышел оттуда, разом достигнув зрелости, но вас уже больше не было в жарких странах. Став человеком, я устыдился ходить, как прежде. Мне понадобились ботинки, костюм, и весь человеческий глянец, по которому людей и различают. Я понял, куда мне кинуться, — вам я могу признаться, не станете же вы писать об этом в какой-нибудь книге, — я кинулся под юбку к пирожнице и там притаился. А она и знать не знала, что там скрывалось. Только к вечеру я вышел оттуда. Я бежал при луне по улицам, я вытягивался вдоль стен, и они ласково щекотали мне спину, я подымался вверх, я спускался вниз, я заглядывал через окна в самые верхние этажи и даже на крыши, я заглядывал туда, куда никто не мог заглянуть, и видел то, чего никто другой не видел и никто другой не должен был видеть. По сути дела этот мир отвратителен! Никогда бы я не стал человеком, если бы не считалось, что быть человеком это какая-то особая добродетель. Сколько невообразимого видел я у женщин и у мужчин, у родителей и у сладеньких бесподобных деточек. Я видел то, чего не надо знать никому из людей и что все они жаждут узнать — изъяны соседа. Мне бы газету выпускать, вот бы ее читали, но я писал каждому персонально, и в городах, где я появлялся, поднимался переполох. Как они меня боялись и как они ко мне подлизывались! Профессор устроил мне

ученое звание профессора. Портной охотно шил мне новые костюмы – их теперь надолго хватит. Чеканщик чеканил для меня монету, а женщины говорили как я хорош собой. Вот я и стал таков, каков есть. А теперь позвольте с вами проститься. Вот моя карточка, я живу на солнечной стороне и в дождь всегда дома. – И с этим тень ушла.

– Все это, однако, странно, – заметил ученый муж. Прошли дни и годы, и тень явилась опять. – Как дела? – спросила она. – Ах, – сказал ученый муж, – я пишу о правде, о добре, о красоте, но люди и слышать о них не хотят, я в полном отчаянье и растроен до глубины души.

– А я вот не расстраиваюсь, – сказала тень. – Я жирею, это единственное, что имеет смысл. Вы не знаете жизни. Это опасно для здоровья. Вам нужно проветриться. Этим летом я собираюсь путешествовать. Едьте со мной! Я бы рад был попутчику. Не хотите ли поехать в качестве моей тени? Мне бы очень приятно было взять вас с собой. Дорогу я оплачу.

– Это уже слишком, – сказал ученый муж. – С какой стороны взглянуть! – сказала тень. – Путешествие вам полезно. А если вы станете моей тенью, дорога вам ничего не будет стоить.

– Это уж вы перебарщиваете! – сказал ученый муж. – Но такова жизнь, – сказала тень, – уверяю вас, она не изменится. – И с этим тень удалилась.

Дела ученого мужа обстояли довольно скверно, его преследовали заботы и печали, и все, что он говорил о правде, добре и красоте, для большинства было все равно, что розы для коровы. В конце концов, он заболел.

– От вас и впрямь осталась одна тень, – говорили ему люди, и ученый муж трепетал от мыслей, которые его при этом охватывали.

– Надо вам ехать на воды! – сказала тень, явившись к нему с визитом. – Больше вам ничто не поможет. Ради нашего давнего знакомства я вас возьму с собой. Я оплачу путешествие, а вы его опишете, а кроме того, поможете мне скоротать время в дороге. Я собираюсь на воды. У меня что-то борода не растет, – это ведь тоже болезнь, – бороду надо

иметь. Будьте благоразумны и примите мое предложение. Мы поедем как друзья.

И они отправились в путешествие. Тень была теперь хозяином, а хозяин тенью. Они ехали вместе, вместе скакали верхом и вместе шли пешком, они были рядом, или один впереди, другой позади, или, напротив, тот позади, а этот впереди – в зависимости от положения солнца. Тень непременно занимала более почетное место, но ученый муж не слишком об этом задумывался. У него было доброе сердце, и был он мягкий и приветливый человек. Однажды он сказал тени: — Раз уж мы путешествуем вместе, и с младенчества вместе росли, не выпить ли нам брудершафт? Наши отношения станут гораздо непринужденней.

— Вы говорите это из лучших побуждений и вполне откровенно, — сказала тень, которая теперь была, собственно, хозяином, — я хочу быть столь же откровенен и побуждения мои тоже самые лучшие. Как человек науки вы отлично знаете, до чего причудлива природа. Некоторые люди не выносят прикосновения бумаги — им становится дурно. У других, если провести гвоздем по стеклу, начинаются судороги. У меня возникает подобное чувство, когда вы говорите мне «ты». Я чувствую себя, как в пору прежнего моего положения при вас, — притиснутым к земле. Как видите, это всего лишь чувство — я вовсе не зазнаюсь. Я не могу вам позволить говорить мне «ты», но сам я охотно буду говорить вам «ты», и, таким образом, ваше пожелание наполовину исполнится.

— Отныне тень говорила прежнему хозяину «ты». — Это уж совсем несообразно, — подумал он, — я говорю ей «вы», а она мне «ты». — Но приходилось терпеть.

На водах, куда они прибыли, оказалось множество иностранцев и среди них прелестная королевская дочь, страдавшая от того, что видела слишком зорко, а это вызывало серьезное беспокойство.

Она тотчас заметила, что вновь прибывший не похож на прочих господ. — Говорят, он здесь потому, что у него борода не растет. Но я-то вижу истинную причину — у него нет тени!

Ей это показалось занятным и на прогулке она заговорила с иностранцем. Королевской дочери лишние церемонии ни к чему, и она сказала ему напрямик: — Я знаю, чем вы больны, — у вас нет тени! — Ваше королевское высочество находится на пути к выздоровлению, — сказала тень. — Я знаю, ваша беда была в том, что вы слишком хорошо видели, но это прошло, вы поправились. Тень у меня как раз есть и к тому же необыкновенная. Разве вы не видите, кто постоянно следует за мной? У других людей тени, как тени, а я терпеть не могу обыденного. Слугу ведь наряжашь пышнее, чем одеваешься сам. Вот я и решил нарядить мою тень человеком. Как видите, я ей даже сделал тень. Это, конечно, обходится недешево, но мне нравится иметь что-нибудь незаурядное.

— Неужто, — подумала принцесса, — мне и впрямь полгчало? Здешние воды лучшие, какие есть, а вода в наше время обладает чудодейственной силой. Но я домой покамест не поеду. Здесь становится забавно. Этот иностранец мне нравится. Только бы у него борода не выросла, а то ведь уедет.

Вечером королевская дочь в огромном зале танцевала с тенью. Принцесса была легка как пушинка, но тень была еще легче пушинки. Такого партнера принцессе встречать не доводилось. Она сказала ему из какой она страны, и он знал эту страну, он там бывал, только принцессы в ту пору не было дома. Он и сверху и снизу заглядывал в окна дворца, он и то видел, и другое видел, и поэтому мог поддержать разговор и делал такие намеки, что она была изумлена. — Он, должно быть, самый умный человек на свете. — Она прониклась к нему почтением. А во время следующего танца она в него влюбилась, и тень сразу это заметила, потому что принцесса смотрела как бы сквозь нее. Они станцевали еще раз, и принцесса была близка к тому, чтобы открыть сердце, но проявила благоразумие, подумала о стране и короне и о многих людях, которыми она вынуждена повелевать. — Он умный человек, — сказала себе принцесса, — это хорошо. И он великолепно танцует, это тоже хорошо. Но насколько основательны его знания? Это не менее важно! Надо его проэкзаменовать. — И она задала ему такой трудный

вопрос, что сама не могла бы на него ответить, а тень скорчила невероятную рожу.

— Вы не можете ответить, — сказала королевская дочь.

— Я это знал еще школьником, — сказала тень. Я думаю, даже моя тень, стоящая в дверях, ответит.

— Ваша тень? — сказала королевская дочь. — Это было бы замечательно.

— Я не утверждаю, что она так уж наверняка и ответит, — сказала тень, — но я надеюсь. Она много лет следует за мной и многое от меня слыхала, — по-моему, она ответит. Но позвольте, ваше королевское высочество, вас предупредить: она гордится, что слышет человеком, и, чтобы она была в хорошем настроении — а ответит она лишь в хорошем настроении — надобно с ней обходиться как с человеком.

— Это меня устраивает, — сказала королевская дочь.

И она подошла к ученому мужу, стоявшему в дверях, и побеседовала с ним о солнце и луне, о зеленых лесах и людях, здешних и пришлых. И он отвечал очень толково и складно.

— Сколь же мудр должен быть человек, у которого даже тень так умна! — подумала принцесса. — Для моего народа и моей страны будет просто счастьем, если я возьму его себе в мужья, а я это сделаю.

На том они — королевская дочь и тень — и порешили, но никто не должен был это знать, покуда принцесса не вернется к себе в королевство.

— В том числе и моя собственная тень, — говорила тень, у которой были свои соображения. Они прибыли в страну, которой королевская дочь правила, когда была дома.

— Послушай, приятель, — сказала тень ученому мужу. — Я теперь счастлив и всемогущ, насколько это вообще возможно. Я хочу кое-что и для тебя сделать. Ты будешь жить у меня во дворце, будешь ездить со мной в королевской карете и получать по сто тысяч риксдалеров в год, если согласишься, чтобы все называли тебя тенью, и не станешь говорить, что когда-то был человеком. Кроме того, раз в году, когда я, озаренный солнцем, буду сидеть на балконе, чтобы народ на меня поглядел, тебе придется полежать у моих ног, как положено тени. Я хочу тебе сказать, что

я женюсь на королевской дочке, и сегодня вечером свадьба.

— Ну, это уже ты хватил через край, — сказал ученый муж. — Не хочу и не буду. Это значило бы обмануть всю страну и заодно королевскую дочь. Я все скажу, скажу, что я — человек, а ты — тень, и только одета как человек.

— Никто не поверит, — сказала тень. — Будь благоразумен или я прикажу позвать стражу.

— Я пойду прямо к королевской дочери, — сказал ученый муж.

— Но я—то там буду раньше, — сказала тень, — а ты сядешь в тюрьму. — Пришлось ему сесть в тюрьму, потому что охранники слушали того, про кого было известно, что за него собирается королевская дочь.

— Ты дрожишь, — сказала королевская дочь, когда тень к ней явилась. — Что-нибудь стряслось? Ты сегодня вечером должен быть здоров, мы же хотим сыграть свадьбу.

— Я пережил самое страшное, что можно пережить, — сказала тень. — Подумай только, — да что говорить: разве голове бедной тени под силу такое вынести? Подумай только, моя тень лишилась рассудка, она вообразила, что стала человеком, а я — подумай только — а я стал ее тенью.

— Это ужасно, — сказала принцесса. — Надеюсь, она арестована.

— Да, конечно! Но я боюсь, что она никогда уже не придет в себя. — Бедная тень! — сказала принцесса. — Ей не повезло. Было бы истинным благодеянием освободить ее от остатка жизни, которая в ней еще теплится. И если я верно рассудила, мне представляется необходимым покончить с этим без всякой огласки.

— Но это жестоко, ведь она же мне верно служила, — сказала тень и сделала вид, что вздыхает.

— Ты — благородный человек! — сказала королевская дочь.

Вечером по всему городу горела иллюминация, и был дан залп из пушек: — Бум! — И солдаты брали на караул! Вот это была свадьба! Королевская дочь и тень вышли на балкон показаться народу и еще раз послушать, как он кричит: — Ура!

Ученый муж этого великолепия уже не слышал,
его к тому времени утервили.

1846—1847

Ледяная дева

I Малыш Руди

А теперь отправимся в Швейцарию и познакомимся с чудесной горной страной, где отвесные скалы поросли лесом; давайте заберемся на спящие взор снежные поляны и спустимся оттуда на зеленые луга, где шумливые речки и ручейки спешат, словно им страшно замешкаться и не поспеть к морю, в котором положено исчезнуть навеки. Солнце греет долину, греет оно и тяжелые снежные глыбы на высотах, и с течением лет они сплавляются в сверкающие пласты льда, преображаясь в грохочущие лавины и громоздящиеся ледники. Два таких ледника расположены у Шрекхора и Веттерхора в ущельях, неподалеку от горного городка Гриндельвальда; поглядеть на них любопытно, и ради этого летом сюда съезжается множество иностранцев; они проходят в ущелья через высокие заснеженные горы, проходят они сюда и долиной, и тогда они вынуждены несколько часов подниматься. Покуда они поднимаются, долина уходит все дальше вниз, и они видят ее словно бы с воздушного шара. Порой над ними, на вершинах гор, словно плотные, тяжелые дымчатые гардины, повисают облака, а в долине, где раскидано множество бурых деревянных домиков, еще светит солнце, и зеленеющий в его лучах лоскуток становится совсем как бы прозрачным. Вода шумит, бурлит и бежит вниз, вода журчит и звенит наверху, кажется, что скалу обвивают серебряные ленты.

Вдоль дороги, ведущей в гору, стоят бревенчатые дома, перед каждым растет картофель, без него не обойтись: ртов за всякой дверью хватает, детишек полно, вот им и будет еда. Детишки выскакивают из любого домика и снуют вокруг иностранцев, пешком ли те пришли или в каретах приехали; вся эта куча детей занята торговлей, они продают изящные резные домики вроде тех, что стоят в горах. И в дождь и в солнце ребячий рынок со своим товаром на месте.

Лет тому около двадцати здесь частенько видали, всегда, впрочем, поодаль от остальных ребят, маленького мальчика, который тоже торговал; он

стоял с таким сосредоточенным видом и руки его так крепко сжимали коробку с товаром, словно он не хотел с ним расстаться; но именно из-за этой серьезности и из-за того, что мальчуган был совсем еще мал, его как раз и замечали и подзывали, и он зачастую торговал удачнее всех, сам не понимая почему. Чуть повыше, на горе, жил его дед, который и вырезал эти прелестные домики, и там у них в комнате стоял старый шкаф, где вдоволь было разной резьбы; были там и щипцы для орехов, и ножи, и вилки, и шкатулки с венками из листьев и скачущими сернами; всякий ребенок только бы радовался, глядя на них, но малыш – звали его Руди – с куда большим интересом поглядывал на старое ружье, висевшее под потолком; дед говорил, что ружье достанется ему, но сперва надо стать большим и сильным, иначе не сумеешь им пользоваться.

Как мальчик ни был мал, ему уже приходилось пасти коз, и если быть хорошим пастухом – значит скакать по горам как коза, то Руди был хорошим пастухом, он еще и повыше забирался, нравилось ему доставать с деревьев птичьи гнезда; лихой он был и отважный; а вот улыбался только у kloкочущего водопада или же внемя грохоту лавины. С другими детьми он никогда не играл; он бывал с ними, только если дед посылал с товаром, а Руди это не слишком любил, куда охотнее он бродил в одиночку по горам или же сидел с дедом и слушал его рассказы о старом времени и о племени, жившем поблизости, в родном ему Мейрингене. Племя это жило тут не от сотворения мира, объяснял дед; оно было пришлое, а пришло с севера, где проживали его предки, которые звались шведами. Нужен все же кой-какой разум, чтобы такое понять, а Руди понимал, но еще больше ума он набирался у обитавших в доме животных. Там жила большая собака Айола, оставшаяся после отца Руди, да еще кот. Он сделал для Руди непомерно много уже тем, что выучил его лазанию.

— Залезем-ка на крышу, — говорил, бывало, кот, и все было ясно и понятно: ведь малое дитя, не умеющее говорить, превосходно понимает и кур, и уток, и кошек, и собак, их понимаешь ничуть не хуже, чем отца с матерью, надо только и впрямь быть младенцем. А тогда и дедушкина палка может заржать и

превратиться во всамделишную лошадь с головой, копытами и хвостом. У некоторых детей, такая понятливость держится дольше, чем у остальных, таких называют отставшими в развитии и говорят, что у них затянулось детство. Да мало ли что говорят!

— Залезем-ка, малыш, на крышу! – было первое, что понял Руди из кошачьих речей. – А насчет того, чтобы свалиться, это все фантазии: если не боишься, так и не свалишься. Пошли, ставь одну лапку сюда, другую туда! Цепляйся передними лапами! Гляди в оба и спину выгибай! Тут щель, так ты прыгай и крепко цепляйся, я так именно и поступаю.

И Руди тоже так поступал; вот он частенько и сиживал с котом на гребне крыши, и на верхушках деревьев, и даже на краю скалы, куда кот не долезал.

— Выше! Выше! – говорили деревья и кустарники. – Видишь, как высоко мы забрались и как крепко держимся на самом откосе!

И Руди всходил на вершину, откуда солнце еще не встало, и там глотал свой утренний напиток – свежий, бодрящий горный воздух; напиток, изготовить который может один лишь господь, а людям дано только ознакомиться с рецептом, где сказано: свежий аромат горных трав и немного мяты и тмина с лугов. Все тяжелое вбирали в себя нависающие облака, ветер прочесывал их еловыми лесами, и от запаха хвои воздух становился еще чище и еще свежей. Его-то Руди и пил по утрам.

Солнечные лучи, благословенные отпрыски солнца, целовали его в щеки, а Головокружение было уже тут как тут, однако не смело приблизиться, и ласточки с дедушкиного дома, на котором было никак не меньше семи гнезд, летели к нему и его козам, щебеча: «И вы и мы! И вы и мы!» Они приносили приветы от домашних и даже от двух кур, единственных птиц в доме, с которыми Руди, впрочем, не общался.

Как ни мал он был, ему уже пришлось попутешествовать и для такого малыша даже довольно далеко: родился он в кантоне Вале, и сюда его перенесли через горы; не так давно он пешком ходил к Штауббаху, который, словно серебристая вуаль, трепещет перед заснеженной, ослепительно белой

сверкающей горой Девы – Юнгфрау. И в Гриндельвальде у большого ледника он тоже побывал, но это печальная история: там умерла его мать, и там, как говаривал дед, Руди утратил детскую веселость. Когда мальчонке и года не было, он, судя по письмам матери, чаще смеялся, чем плакал, а с тех пор, как побывал в расщелине ледника, словно бы душу ему подменили; хоть дед и не много про то говорил, в горах всё знали в подробностях.

Отец Руди был, как известно, почталыоном; большая собака, что жила в доме, всегда сопровождала его в переходах через Симплон к Женевскому озеру. В долине Роны, в кантоне Вале, и теперь жили родные Руди с отцовской стороны, брат отца был храбрый охотник на косуль и прославленный проводник; чуть мальчику стукнул год, как он лишился отца, и мать решила вернуться с ребенком к своим родственникам на Бернское нагорье; отец ее проживал в нескольких часах пути от Гриндельвальда, был он резчик по дереву, и заработка ему хватало на жизнь. В июне пошла она с ребенком на руках вместе с двумя охотниками на косуль домой через Гемми, чтобы попасть в Гриндельвальд. Они прошли уже большую часть пути, перебрались через горный хребет и вышли на снежную равнину, уже видна была родимая долина и раскинувшиеся по ней знакомые домики; предстояла одна только трудность – перебраться через вершину большого ледника. Незадолго перед тем выпал снег, и расщелину, хотя и не доходившую до дна ложины, где шумела вода, однако же довольно глубокую, замело; молодая женщина с ребенком на руках поскользнулась, провалилась и пропала; не донеслось ни крика, ни вздоха, слышно было только, что плачет ребенок. Прошло больше часа, прежде чем два ее спутника сумели принести из ближайшего домика веревки и палки и, потратив немало сил, извлекли из расщелины, как им сперва показалось, два трупа. Они сделали все возможное, но к жизни удалось вернуть лишь ребенка, и у старого деда вместо дочери оказался в доме внук, малыш, который прежде больше смеялся, чем плакал, но теперь, казалось, и улыбнуться бы не сумел; преображение свершилось, должно быть, в расщелине ледника, в волшебном ледяном мире, где,

как верят швейцарские крестьяне, грешным душам пребывать до судного дня.

Словно бурный водопад, застывший стеклянными зеленоватыми пластами, ледник громоздит одну ледяную глыбу на другую, а внизу клокочет поток талого снега и льда. Глубокие ущелья и бескрайние пропасти – это чудесный хрустальный дворец, и живет в нем королева ледников – Ледяная дева. Она, убивающая и уничтожающая, – наполовину дитя воздуха, наполовину могущественная властительница вод; она быстрее лани подымается на заснеженные вершины высочайших гор, где самый искусный проводник, прежде чем сделать шаг, должен вырубить ступеньку, она переплывает бурную реку на тонкой сосновой ветке, прыгает с одной ледяной глыбы на другую, и ветер развеивает ее длинные белоснежные волосы и голубовато-зеленое одеяние, сверкающее подобно водам в глубинах швейцарских озер.

– Сотру в порошок! Не выпущу! Я тут хозяйка! – говорит она. – Украла у меня мальчика, красавца мальчика, которого я целовала, да вот не доцеловала до смерти. Опять он с людьми, он пасет в горах коз и лезет вверх, все выше, чтобы от всех уйти, да от меня-то не уйдет. Он мой, и я его достану.

Она уже и Головокружение молила исполнить ее просьбу. Ледяной деве в летнюю пору очень уж душно на лугах среди мяты, а Головокружению ведь не в тягость и подняться и нагнуться, и одному и втроем: у Головокружения много братьев, их целая стая. Ледяная дева выбрала самого сильного из всех, такого, что и в доме и на лоне природы дело свое справит. Сидят братцы на перилах или на парапетах, носятся, как белки, по утесам, спрыгнут оттуда и на воздухе держатся, словно пловцы на воде, – так и завлекают обреченных в бездну. И Головокружение и Ледяная дева липнут к людям, как полипы ко всему липнут. Вот Головокружение и к Руди собралось пристать.

– Как же, пристанешь к нему! – говорило Головокружение. – Ничего не получается. Кот, подлец, научил его своим приемам. Есть в этом сыне человеческом какая-то сила, которая меня отстраняет, не могу достать мальчишку, даже если он над пропастью на ветке висит, а уж как бы я ему охотно

пятки пощекотало или толкнуло, чтобы кубарем полетел. Да вот не выходит!

— Выйдет! – отвечала Ледяная дева. – У кого-то из нас двоих выйдет! У меня! У меня!

— Нет! Нет! – неслось по горам эхо церковного колокола, это была песня, это было слово, это был слитный голос всех других духов природы, нежных, добрых и любящих детей солнца. Каждый вечер повисают они над горными вершинами и простирают свои розовые крылья, которые, покамест солнце садится, пылают все красней и красней, так что альпийские выси пламенеют. (Люди зовут это «альпийским заревом»). Когда же солнце заходит, они забираются на скалы, в белый снег, и спят, покуда солнце опять не встанет, и тогда снова являются. Более всего им по душе цветы, мотыльки и люди, а из людей они особо отличали Руди.

— Не поймаете вы его! Не получите вы его! – говорили они.

— Мне и постарше и посильней ловить доводилось! – говорила Ледяная дева.

А дети солнца затягивали песню о страннике, у которого в бурю сорвало плащ и унесло вихрем.

— Ветер уносит покров, да не человека; вы, дети силы, его хоть и достанете, да не удержите. Он сильнее и вдохновеннее даже нас, духов! Он восходит выше солнца, нас породившего, он знает заповедное слово, чтобы повелевать ветрами и водами, и те ему служат и повинуются; за тяжелое вы взяли дело, за непосильное, а ему-то идти все выше.

Чудесен был хор, звучавший точно колокола!

И каждое утро солнечные лучи проникали сквозь маленькое окошко дедовского дома, падая на спящего ребенка. Дети солнца его целовали, они хотели отогреть, растопить, вытравить ледяные поцелуи девственной повелительницы ледников, полученные им, когда вместе с мертвой матерью он лежал в глубине ледяной расщелины, из которой спасся, пожалуй что, чудом.

II На новое место

И вот Руди стукнуло восемь. Дядя, живущий по ту сторону хребта, в долине Роны, пожелал взять малыша к себе; там легче было чему-нибудь выучиться, чтобы зарабатывать на жизнь. Дед признавал это и позволил мальчику уехать.

Пора было Руди отправляться. Но, и кроме деда, со многими надо было проститься, и прежде всего с Айолой, старой собакой.

— Твой отец был почтальон, а я — почтовая собака, — сказала Айола. — Мы с ним, бывало, и вверх и вниз хаживали; по ту сторону хребта я всех знаю — и собак и людей. Тратить много слов не в моей натуре, но нынче, раз уж нам теперь долго не придется разговаривать, я хочу все же высказаться. Я тебе расскажу историю, о которой давно размышляю — мне все никак ее не осмыслить; у тебя это тоже не получится, да и не в том суть. Я из нее вот что извлекла: ничто в мире не разделено поровну, ни между собаками, ни между людьми; не всем сидеть на ручках да лакать молоко! Сама-то я так не жила, но видела однажды, как молодой пес ехал в почтовой карете и занимал отдельное место. А его хозяйка, или, точнее, женщина, которой он был хозяином, везла с собой бутылку молока и все его поила и угощала пряниками, а он есть не желал, только все обнюхивал, а она за ним потом доедала. Я бежала рядом с каретой по грязи, голодная, как только собака может быть голодна, и меня грызла мысль, что не все тут ладно — да и мало где все ладно. Хорошо бы тебе сидеть на ручках да в экипаже ездить, только ведь этого своим трудом не добьешься; я вот не добилась, сколько ни выла, как ни брехала.

Таково было слово Айолы, и Руди обнял ее за шею, поцеловал ее влажную морду и взял на руки кота, но тот оцетинился.

— Хоть дружбе нашей и конец, не хочу пускать против тебя в ход когти. Лазай по горам — лазать-то я тебя выучил. Только никогда не думай, что сорвешься, и все будет в порядке! — И кот удрал: не мог же он допустить, чтобы Руди заметил печаль в его взоре.

Мимо прошли куры, одна была без хвоста — какой-то путешественник, возмнивший себя охотником, отстрелил ей хвост, приняв за хищную птицу.

— Руди решил жить за горами! — сказала курица.

— Вечно у него спешка, — сказала другая, — а я терпеть не могу прощаться. — И обе засемили прочь.

Он и с козами простился, и те заблеяли:

— Ме! Мы! Ме! — очень у них это вышло горестно. В ту пору двум толковым проводникам надо было как раз перебраться на другую сторону Гемми, и Руди пешим ходом отправился с ними. Для такого малыша это был утомительный поход, но хватило у него и выдержки и сил, чтобы идти без усталости.

Ласточки их немного проводили, распевая:

— И вы и мы, и вы и мы!

Дорога шла над бурливой Лючиной, вырывающейся из черного ущелья гриндельвальдского ледника сотнями ручейков. Мостами служили опрокинутые стволы деревьев и каменные глыбы; дошли они до ольшаника и поднялись в гору в том самом месте, где ледник отделяется от скалы, а после двинулись по леднику, то обходя ледяные глыбы, то через них перебираясь; Руди карабкался по скалам, глаза его сверкали от счастья, и он так твердо ступал подбитыми железом горными ботинками, словно там, где он проходил, ему непременно надо было оставить след.

Горные потоки, намывая на поверхность ледника землю, вроде как покрывали его штукатуркой, но и сквозь нее просвечивало голубовато-зеленое стекло льда; приходилось обходить небольшие озера, таящиеся за торосами, случалось проходить и совсем рядом с огромным камнем, покачивающимся на краю расщелины, и камень вдруг терял равновесие, падал, катился, и эхо из глубоких ледяных ущелий отзывалось на его грохотанье.

Все выше они поднимались и выше; ледник тоже уходил ввысь, подобно неистовому потоку, внезапно застывшему ледяными глыбами меж крутых скал. Руди вспомнил, что когда-то говорят, он лежал с матерью в глубине одной из этих обдающих морозным дыханием пропастей; но вскоре он отвлекся, и

собственная история уже не выделялась среди других, которые довелось ему слышать. Когда мужчинам казалось, что подъем очень уж крут для мальчика, они протягивали ему руку, но он был вынослив и на скользком льду стоял не менее твердо, нежели косуля. Они шли вдоль подножия скалы, ступали по голым камням, проходили мимо низкорослых сосен и опять выбирались на зеленые поляны; все менялось кругом, все обновлялось, а над ними высились заснеженные горы, имена которых знает здесь каждый ребенок: Юнгфрау, Менх и Эйгер. Никогда еще Руди не забирался так высоко, никогда еще не видал он бескрайнего снежного моря, и вот оно простирало перед ним свои недвижные снеговые волны, с которых ветер сдувал порой белые клочья, словно пену с морских волн. Ледники тут стояли, если там можно сказать, рука об руку, и в каждом таился стеклянный дворец Ледяной девы, властью и волей которой вершились тут и расправа и погребение. Солнце сияло, снег слепил глаза, словно был осыпан сверкающими бело-голубыми алмазами. Несметные тьмы насекомых, по преимуществу мотыльки и пчелы, лежали мертвыми на снегу: то ли они слишком высоко залетели, то ли ветер поднимал их все выше, откуда они от холода не испустили дух. Над Веттерхорном, словно черный, искусно расчесанный клок шерсти, висело зловещее облако; оно опускалось и все ближе было то, что в нем таилось, готовое выплеснуться, — фен, неукротимый в своей ярости. Впечатления от этого путешествия — и дальний путь, и ночной привал в горах, и глубокие ущелья, где вода с незапамятных времен точила камень, — Руди никогда уже не мог забыть.

На другом берегу снежного моря стояла заброшенная каменная постройка, где можно было переночевать; там нашлись и сосновые ветки и древесный уголь; путники разожгли очаг, и как могли, расположились на ночь; мужчины сели у огня, они курили и пили теплый ароматный напиток, который сами приготовили; Руди тоже получил свою долю, и начался разговор о таинственных существах, живущих в Альпах, об огромных диковинных змеях, обитающих в глубинах озер, о скоплениях полночных призраков,

во сне переносящих людей по воздуху в чудесный плавучий город Венецию, о диком пастухе, который гонит своих черных овец на луга, и пусть никто их не видал, все ведь слышали звон колокольчиков и зловещий рев стада. Руди слушал с интересом, но без боязни, — он не ведал страха, и ему показалось, что он различает этот таинственный глухой рев. Да, рев становился все отчетливее, уже и мужчины его различали. Они прервали беседу, прислушались и велели Руди не засыпать.

Это подул фён, могучий ураган, врывающийся с гор в долину, сокрушающий деревья, словно тростинки, и переносящий строения с одного берега реки на другой, как мы переставляем шахматные фигуры.

Прошел час, и Руди сказали, что все миновало и можно спать; утомленный трудным переходом, он заснул, как по команде.

Спозаранку они вышли в путь. В тот день солнце озарило для Руди новые горы, новые ледники и новые снежные равнины; они были уже в кантоне Вале, по другую сторону горного хребта, который виден из Гриндельвальда, но до нового жилья было еще далеко; иные ущелья, иные луга, леса и тропы предстали ему, явились иные дома, иные люди; и что за люди — сплошь уроды со злобными, жирными, бело-желтыми лицами, и на шее у каждого торчит тяжелый, уродливый зоб; это были кретины, они едва передвигались и по-идиотски глядели на гостей; женщины выглядели особенно ужасающе. И с такими людьми придется жить?

III Дядя

В доме у дяди, к которому он прибыл, жили, благодарение богу, такие же люди, каких он привык видеть; там был один лишь кретин, несчастный, слабоумный парень. Этим жалким созданиям, по их убогости и беспомощности, в кантоне Вале положено было жить по очереди месяца по два на попечении каждой семьи; бедняга Саперли жил как раз в доме дяди, когда Руди туда прибыл.

Дядя все еще был лихим охотником и, сверх того, знал толк в бочарном деле. Жена его оказалась крохотной подвижной женщиной с птичьим лицом, орлиными глазами и длинной, покрытой пушком шеей.

Все тут было для Руди ново – и наряды, и нравы, и привычки, и даже язык; впрочем, ребенку он вскоре стал понятен. Все тут выглядело не в пример богаче, нежели в доме деда. Жилая комната была больше, стены украшены рогами косуль и до блеска начищенными ружьями, над дверью висел образ божьей матери, а перед ним – свежие альпийские розы и заженная лампада.

Дядя, как уже говорилось, был в этом краю одним из самых умелых охотников и притом опытейшим проводником. Руди суждено было стать в его доме любимчиком; один любимчик там, впрочем, уже был – старый, ослепший и оглохший охотничий пес, который не мог, как бывало, ходить на охоту, но в доме не забывали его прежнее усердие, он считался как бы членом семьи, и жилось ему неплохо. Руди погладил пса, но тот не любил посторонних, а Руди был еще для него посторонним; правда, длилось это недолго, мальчик быстро нашел дорогу к сердцам.

— У нас в кантоне Вале не так уж худо! – говорил, бывало, дядя. – Серны покамест не вывелись, они вымирают помедленнее, чем каменные козлы. Нынче тут куда получше, чем в прежние времена. Хоть временам этим и воздают с лихвой, в нашу-то пору получше будет, прорвали в мешке дыру, вот и просквозило долину, а то ведь со всех сторон заперта была.

— Новое всегда хорошо, если старое поизносилось, — говаривал он порой, и, когда бывал весел, рассказывал о своей юности и о годах, когда отец его еще был полон сил, а Вале, по его слову, — завязанным мешком со множеством несчастных, больных кретинов. Да тут пришли французские солдаты – это уж были доктора что надо: разом болезнь истребили, и больных заодно. Уж насчет того, чтобы дать жару, они были мастера, они это на любой манер понимали, и девушки ихние не отставали. – Тут дядя подмигнул жене, по рождению француженке, и засмеялся. – Французы и по камню так давали, что ему

не устоять было. Они пробили сквозь скалы Симплонскую дорогу, и теперь я трехлетнему дитяти могу сказать: «Отправляйся в Италию. Только держись большой дороги!» И дитя, если только с дороги не сойдет, до Италии доберется! – И дядя затянул французскую песню и закричал: — Да здравствует Наполеон Бонапарт!

Так Руди впервые узнал о французах и о Лионе, огромном городе на Роне – дядя там бывал.

— За несколько лет Руди станет умелым охотником на серну, способности у него есть, — говорил дядя и учил мальчика держать ружье, целиться и стрелять; он брал его на охоту и велел пить теплую кровь убитой лани: кто ее пьет, у тех голова не закружится. Он открыл ему, в какую пору и с какой стороны ждать лавину – в обед или вечером, судя по тому, куда и как светит солнце; он советовал внимательно наблюдать за сернами и учиться у них прыгать, твердо удерживаясь на ногах; а если в ущелье не окажется опоры для ног, надобно упереться локтями, удержаться икрами и бедрами, и даже затылком, если придется, надо уцепиться. Серны не глупы, они выставляют дозорных, но охотник должен быть еще умней и заходить так, чтобы его не почуяли; он их и одурачить может – повесит куртку да шляпу на свою палку, вот и примут серны куртку за человека; этакую потеху дядя учинил однажды, когда они с Руди охотились.

Скалистая тропа была очень узка, да никакой тропы даже и не было, лишь едва заметный выступ над самой пропастью. Снег там наполовину растаял, порода крошилась, чуть на нее ступишь, поэтому дядя лег наземь и пополз. Каждый камень, срывающийся с утеса, падал, ударялся, подпрыгивал и катился дальше, и так скакал с утеса на утес, покуда не затихал в черной глубине. Руди стоял шагах в ста от дяди, на последнем надежном уступе, и оттуда увидал, что над дядей парит могучий коршун, стремящийся взмахом крыла стряхнуть ползущего червя в пропасть и сделать своей добычей. Дядя смотрел только на серну да на козленка, показавшихся на той стороне ущелья, а Руди не спускал глаз с птицы, он понял, чего она хотела, и уже держал ружье наготове; серна вдруг отпрянула,

дядя выстрелил, и животное сразила смертельная пуля, а козленок так прытко поскакал прочь, словно всю жизнь готовился бежать от опасности. Огромная птица, испугавшись выстрела, полетела дальше, но дядя ничего не заметил и только от Руди узнал, что ему угрожало.

И вот, когда они в чудесном настроении возвращались домой и дядя насвистывал песенку, памятную с детства, поблизости вдруг раздался странный звук: они огляделись, посмотрели ввысь и увидели, как там, на вершине, над откосом вздымается снежный покров, как он колышется, словно полотно на ветру. Снеговые гребни разламывались, точно надтреснутые мраморные плиты, и обращались в низвергающийся пенистый поток, испускавший рокотание, подобное глухим раскатам грома; это шла лавина, валившая хоть и не прямо на Руди и дядю, но рядом, совсем рядом с ними.

– Держись, Руди! – закричал дядя. – Держись изо всех сил!

И Руди обхватил ствол ближайшего дерева, а дядя залез на ветку и крепко за нее держался, покамест лавина катила в отдалении, но воздушные волны, грозные плавники лавины, ломали и крушили окрест деревья и кусты, словно тростинки, и разбрасывали их далеко вокруг. Руди притиснуло к земле; ствол дерева, за который он ухватился, будто подпилили, крону его отшвырнуло далеко в сторону – там, среди поломанных веток, дядя лежал с разможенной головой, рука еще не остыла, но лица было не узнать. Руди стоял дрожащий и бледный; он впервые в жизни испугался, впервые довелось ему пережить миг ужаса.

Поздним вечером пришел он с печальной вестью домой, где отныне воцарилось горе. Жена дяди молчала, не плакала, и лишь когда принесли покойника, боль ее излилась. Бедный кретин залез в постель, и весь день его не было видно; только под вечер подошел он к Руди.

– Напиши за меня письмо. Саперли не может писать, Саперли может письмо на почту снести!

– Письмо от тебя? – спросил Руди. – Кому же?

– Господу Христу.

– Кого ты имеешь в виду?

И полудурок, как они называли кретина, поглядел на Руди умиленным взором, сложил руки и торжественно и тихо вымолвил:

– Иисуса Христа! Саперли хочет письмо послать, попросить, чтобы это Саперли мертвый лежал, а не хозяин.

Руди пожал ему руку.

– Туда письма не доходят. Письмо нам его не вернет.

Тяжело было Руди объяснить эту невозможность.

– Теперь ты единственная наша опора! – сказала приемная мать, и Руди стал опорой семьи.

IV Бабетта

Кто в кантоне Вале стреляет лучше всех? Это всякая серна знает. Каждая скажет: «Остерегайся Руди!» А кто из стрелков красивей всех? «Конечно, Руди!» — говорят девушки, но уж они не скажут: «Остерегайся Руди!» Не скажут этого и почтенные их мамы — ведь он клянется им столь же приветливо, сколь и молодым девушкам; он и смел и весел, щеки у него загорелые, зубы белые, сверкающие, глаза как уголья черные и полные огня, красивый он парень, и лет ему не больше двадцати. Ему и ледяная вода не страшна, он и в ней плавает, и притом чувствует себя в воде, как рыба, и как никто лазает по скалам, лепится к ним, точно улитка, такие у него мышцы и сухожилия; это и по прыжкам его видать, — прыгать-то ведь его сперва кот учил, а после серны. Нет проводника лучше Руди, не сыскать другого, чтобы вполне на него положиться, он бы на этом мог целое состояние составить, а вот бондарная работа, которой дядя его тоже выучил, не пришлась ему по душе; его увлекала охота, она и денежки давала. Руди был, как говорится, хорошей партией, только бы нос не вздумал задирать. На танцах о нем все девушки мечтали, а некоторые даже и во сне его видели.

– Он на танцах меня поцеловал, — сказала Анетта, дочка учителя, своей ближайшей подруге, хотя этого не следовало говорить даже и ближайшей подруге. Но трудно удержать такое в тайне, оно вырывается, как песок из дырявого мешка. И скоро стало известно, что

Руди, такой приличный и порядочный, целуется на танцах, а он-то и поцеловал вовсе не ту, кого больше всего хотелось поцеловать.

– Будьте начеку! – сказал один старый охотник. – Он поцеловал Анетту – начал с буквы А, этак он скоро всю азбуку перецелует.

Один поцелуй на танцах – больше не о чем было посплетничать на его счет, и поцеловал-то Анетту, а ведь совсем не она была светом его души.

Неподалеку от Бе, на берегу бурной горной речушки, под огромными ореховыми деревьями жил богатый мельник; дом у него был большой, трехэтажный, с крохотными башенками, крытый сперва гонтом, а сверху листовым железом, которое сверкало на солнце и при луне. На самой высокой башенке блеснул флюгер – стрела, пронзающая яблоко: это должно было напоминать о выстреле Телля. Мельница выглядела красиво и богато, словно нарочно, чтобы ее запечатлеть и описывать, но дочь мельника не удалось бы ни запечатлеть, ни описать – так, во всяком случае, казалось Руди, хотя в сердце его она запечатлелась: из глаз ее проникли туда столь жаркие лучи, что начался настоящий пожар, он вспыхнул неожиданно, как и всякий пожар, и самое удивительное было то, что дочь мельника, прелестная Бабетта, и понятия об этом не имела, они с Руди и двух слов не сказали.

Мельник был богат, и благодаря его богатству Бабетта занимала высокое положение, и добраться до нее было нелегко, но нет такой вершины, говорил себе Руди, до которой нельзя было бы добраться, надо только лезть вверх, а оттуда уже не свалишься, если думать об этом не будешь. Эту науку Руди еще дома постиг.

Надо было однажды Руди побывать по делу в Бе, а туда ехать – целое путешествие, железной дороги ведь еще не было. От ронского ледника к подножию Симплонских гор, меж крутых и отлогих хребтов, простирается широкая долина Вале со своей могучей рекой Ронной, которая часто выходит из берегов, все круша и затопляя поля и дороги. Между городами Сьоном и Сен-Морисом долина выгибается, вроде как рука в локте, и у Мориса становится до того тесна, что

места хватает лишь для русла реки да узкой проезжей дороги. Охраняя кантон Вале, который здесь кончается, как часовой на горе, стоит старая башня и смотрит вверх каменного моста на другой берег, где помещается таможня. Там начинается кантон Во и сразу же будет город Бе. Это край изобилия и плодородия. Идешь словно по саду, везде каштаны и орех; куда ни глянь – высятся гранатовые деревья и кипарисы; тепло, как на юге, будто попал в Италию.

Руди пришел в Бе, справил свои дела и стал глазеть по сторонам, но даже и работники с мельницы, не говоря уже о Бабетте, не попадались ему навстречу. Не так все вышло, как должно бы.

Настал вечер, воздух дышал ароматом дикого тмина и цветущей липы, на поросшие зеленым лесом горы словно бы опустилась мерцающая голубоватая пелена; кругом стояла тишина, но то не была тишина сна или смерти, нет, природа, казалось, затаила дыхание, замерла, словно затем, чтобы сфотографироваться на голубом небосводе. Повсюду, среди деревьев и в открытом поле стояли столбы, на которых висели провода телеграфа, проведенного через тихую долину; к одному столбу было прислонено что-то неподвижное, вроде бы высохшее бревно: это был Руди, притихший, как и все кругом; он не спал и отнюдь не умер, но подобно тому, как вести об огромных мировых событиях или сообщения необычайной значимости для одного человека бегут по проводам, не выдающим этого ни дрожанием, ни даже звуком, точно так же и Руди пронзали пламенные мысли о счастье его жизни, в последнее время его не оставявшие. Глаза его были прикованы к одной точке, едва различимой в листве, к огню, горевшему у мельника в доме, в комнате, где жила Бабетта. Руди стоял так тихо, что можно было подумать, будто он целится в серну, но в эти минуты сам он был подобен серне, которая порой на минуту замирает, точно высеченная из камня, перед тем, как внезапно, едва скатится камешек, прыгнуть и убежать; так встрепенулся и Руди – явилась мысль.

– Не надо унывать! – воскликнул он. – Надо пойти на мельницу! Здравствуйте, господин мельник, добрый день Бабетта. Не упадешь, если думать об этом

не станешь. Надо же Бабетте хоть раз меня увидеть, если я буду ее мужем.

И Руди улыбнулся, повеселел и отправился на мельницу, он знал, чего хочет, — он хотел жениться на Бабетте. Река с шумом несла свои бело-желтые воды, над бушующим потоком нависли ивы и липы. Руди шел по тропке и, как поется в старой детской песенке, —

К мельнику явился в дом,
Да хозяев не застал, —
Побеседовал с котом.

Кошка стояла на ступеньках, выгибая спинку и говоря «мяу». Но для Руди ее речь не имела смысла, он постучался, никто не услышал, никто не отворил. «Мяу!» — сказала кошка. Будь Руди ребенком, он бы понимал язык животных и уразумел, что кошка сказала: «Никого дома нет». А так пришлось идти на мельницу, наводить справки; там он все и узнал. Хозяева уехали далеко, в город Интерлакен, «inter lacus» — «промеж озер», как в толковывал ему в школе учитель, отец Анетты. Вот как далеко был мельник, и Бабетта с ним вместе. Там нынче с утра началось состязание стрелков, и протянется оно восемь дней. Туда соберутся швейцарцы всех немецких кантонов.

Бедный Руди и впрямь неудачно выбрал день для визита в Бе, пришлось ему уходить ни с чем, что он и следал, отправившись через Сен—Морис и Сьон к себе в горы, однако это его не обескуражило. Когда на следующее утро взошло солнце, хорошее настроение давно уже к нему вернулось, впрочем, оно никогда его и не оставляло.

«Бабетта в Интерлакене, в нескольких днях пути отсюда, — сказал он себе. — Путь туда далек, если идти по широкой большой дороге, но не так уж далек, если перевалить через горы, а это самая подходящая дорога для охотника на серну, этой дорогой я ходил уже прежде, она ведет ко мне на родину, туда, где я в детстве жил у бабушки, и к тому же в Интерлакене стрелковое состязание! Я хочу всех там победить, так же как хочу всех победить в сердце Бабетты, когда доведется с ней познакомиться!»

С легкой котомкой, куда он уложил свой праздничный наряд, с ружьем и ягдташем Руди отправился через горы кратчайшим путем, который был, однако, довольно длинен. Но это стрелковое состязание лишь началось и будет длиться еще неделю; все это время, как объяснили Руди, мельник с Бабеттой проведут у своих родных в Интерлакене; Руди пошел через Гемм – и он хотел выйти к Гриндельвальду.

Бодро и весело шагал он, вдыхая легкий, горный воздух. Долина уходила все ниже, горизонт отступал все дальше, вот снежная вершина, вот еще снежная вершина, и вот уже сверкающие белые хребты Альп. Руди знал каждую гору, он пошел к Шрекхорну, уткнувшему в небеса свой усыпанный белой пудрой каменный палец.

Наконец он перевалил через горы. Зеленые луга спускались в родную ему долину; дышать было легко, и на душе было легко; гора и долина блистали изобилием цветов и зелени, сердце переполняла уверенность юности: старости не будет, смерти не будет, надо жить, властвовать, наслаждаться. Он был свободен как птица, и легко ему было как птице. И ласточки порхали над ним и пели, как в детстве: «И мы и вы! И мы и вы!» Все парило и ликовало.

Внизу лежал зеленый бархатный луг, усеянный бурями деревянными домишками, и воды Лючины шумели и гудели. Руди смотрел на ледник, зелеными стеклянными краями касавшийся грязного снега; заглядывал в глубокие трещины, поглядывал и на верхние и на нижние ледники; он слышал звон церковных колоколов, словно бы приветствовавших его возвращение на родину; сердце его билось сильнее и до того переполнялось, что Бабетте на какой-то миг даже не стало в нем места, так распирали сердце нахлынувшие воспоминания.

Он сызнова шел той самой дорогой, на которой, бывало, мальчиком стоял с другими детьми у края канавы, продавая резные деревянные домики. Там наверху, за соснами, все еще стоял дедушкин дом. Там жили чужие люди. По дороге бежали дети, они хотели что-нибудь продать, один протянул ему альпийскую розу. Руди принял это за добрый знак и подумал о

Бабетте. Вскоре он был уже внизу и шел по мосту, висевшему над местом, где сливались два рукава Лючины; лиственных деревьев становилось больше, ореховые роняли густую тень. И вот он увидел развевающийся флаг, белый крест на красном поле – цвета швейцарцев и датчан; перед ним был Интерлакен.

«Другого такого прекрасного города и нет», — подумал Руди. Швейцарский город в праздничном убранстве! Он не то что другие города, эти груды грузных каменных строений, тяжеловесных, неприветливых и высокомерных; нет, все здесь выглядит так, словно деревянные домики сами сбегали с гор в зеленую долину, к прозрачной стремительной речке и, один чуть впереди, другой чуть отступя, встали в ряд, образуя улицу, самую прекрасную на свете улицу; она, конечно, порядком выросла с тех пор, как Руди видал ее ребенком; ему казалось, что она составила из тех прелестных деревянных домиков, которые вырезал дед и которыми дома был полон шкаф, только они стали куда больше, как, впрочем, и старые каштаны. Каждый дом с резными наличниками на окнах, резьбой на балконе и выдающейся вперед крышей был гостиницей – так его называли, и был прелестен и грациозен; перед каждым была разбита клумба, глядевшая на широкую замощенную дорогу, дома стояли по одной стороне дороги, иначе они заслонили бы зеленую поляну, где паслись коровы с колокольчиками, звеневшими, словно на альпийских лугах. Поляна была окружена горами, которые как раз посредине расступались, так что была отчетливо видна сверкающая под снегом Юнгфрау, самая красивая из швейцарских гор.

Сколько там была нарядных господ и дам из чужих краев, сколько сошло туда жителей из самых разных кантонов! У каждого стрела в венке, надетом на шляпу, торчал номер его места в очереди стрелять. Слышались музыка и пение, шарманка и духовые, крики и шум. Дома и мосты были украшены стихами и эмблемами, развевались флаги и знамена, ружья стреляли одно за другим, и для ушей Руди это была самая лучшая музыка. В этой сумятице он совсем позабыл про Бабетту, ради которой сюда пришел.

Стрелки устремились к мишеням, и Руди вскоре оказался самым ловким, самым счастливым среди них, его пули ложились в самое яблочко.

— Кто этот неизвестный молодой охотник? — спрашивали кругом. — Он говорит по-французски, как в кантоне Вале! Но и по-нашему, по-немецки он хорошо объясняется! — говорили некоторые.

— Он в детстве жил под Гриндельвальдом, — заметил кто-то.

Жизнь в парне кипела, глаза его сверкали, и взор и руки были уверенные, вот он и попадал в цель. Счастье прибавляет смелости, а смелости Руди и так хватало. Вскоре у него оказалось множество друзей, его чествовали, перед ним преклонялись, о Бабетте он и думать почти забыл. Вдруг чья—то тяжелая рука стукнула его по плечу и сиплый голос спросил по—французски

— Вы из кантона Вале? Руди обернулся и увидел толстого мужчину с красным убаженным лицом, это был богач мельник из Бе. Своим огромным телом он заслонил милую, изящную Бабетту, но она тотчас выглянула и сверкнула черными глазами. Богачу мельнику было приятно, что охотник из его кантона стреляет лучше всех и все его почитают. Руди и впрямь везло, те, ради кого он сюда шел и о ком тут почти что и позабыл, сами его отыскивали.

Когда земляки встречаются в чужом краю, они всегда узнают друг друга и заводят разговор. Руди стрелял так метко, что оказался первым на стрелковом празднестве, а у мельника было столько денег и такая хорошая мельница, что он был первым человеком дома, в Бе, поэтому мужчины пожали друг другу руки, чего они прежде никогда не делали. И Бабетта тоже доверчиво протянула Руди руку, и он так ее пожал и так поглядел, что девушка стала пунцовой.

Мельник рассказал о долгом пути, который они проделали, чтобы попасть сюда, и о больших городах, которые они видели; это было настоящее путешествие: они и пароходом плыли, и по железной дороге ехали, и в почтовой карете.

— Я прошел более коротким путем, — сказал Руди. — Я перевалил через горы. Нет таких дорог, по которым нельзя пройти.

— И шею себе свернуть, — сказал мельник. — Похоже, вы еще себе шею свернете, при вашей-то удали.

— Если думать об этом не будешь, то и не свалишься, — сказал Руди.

Родственники мельника в Интерлакене, у которых он с Бабеттой был в гостях, пригласили Руди к ним заглянуть, ведь он же был из того же кантона, что их родные. Руди был рад этому приглашению, счастье ему благоприятствовало, как, впрочем, и всякому, кто полагается на самого себя и не забывает, что «господь дарует нам орехи, но колоть их за нас не станет».

И вот Руди сидел у родных мельника, словно тоже был членом семьи. Выпили за здоровье лучшего стрелка, Бабетта с ним чокнулась, и он ее поблагодарил.

Под вечер они все гуляли по чудесной дороге мимо нарядных гостиниц и старых ореховых деревьев, и столько там было людей и такая давка, что пришлось Руди дать Бабетте руку. Он сказал, что очень рад встретить жителей кантона Во. Во и Вале — добрые соседи. Он выказал свою радость столь сердечно, что Бабетта сочла нужным пожать ему руку. Они шли рядышком, словно давно уже были знакомы, и забавная она была, эта милая маленькая девушка!

«До чего легко ей удается, — подумал Руди — подметить смешное и преувеличенное в платьях и манерах приезжих дам; и она это делала не затем вовсе, чтобы над ними поглумиться, — ведь это могли быть очень достойные и даже добрые, хорошие люди». Бабетта это понимала, потому что у нее крестная — англичанка, очень почтенная дама. Восемнадцать лет назад, когда Бабетту крестили, она жила в Бе и подарила Бабетте дорожную булавку, приколотую у девушки на груди. Крестная дважды написала, а в этом году они должны были повидаться здесь в Интерлакене, с ней и ее дочерьми, которые, по мнению Бабетты, были уже старыми девами — ведь им было под тридцать, а ей восемнадцать.

Маленький ротик ни на миг не закрывался, и все, что Бабетта говорила, представлялось Руди необычайно важным, и он тоже рассказал то, что имел рассказать, — про то, как часто он бывал в Бе, как

хорошо знает мельницу, как часто глядел на Бабетту, хотя она его, вероятно, никогда не замечала; и про то, как он в последний раз пришел на мельницу с мыслями, которых и выговорить не смеет, а она и ее отец были в отъезде, были далеко, но не так далеко, чтобы нельзя было перелезть через стену, преграждавшую путь.

Да, он сказал все это и сказал еще больше; сказал, что он ее любит и что пришел сюда только ради нее, а вовсе не ради стрелкового состязания. Бабетта притихла – очень уж много открыл он ей сразу.

А покамест они шли, солнце опустилось за высокую скалистую стену, и Юнгфрау во всем великолепии и блеске стояла, окруженная зеленым венцом окрестных гор. Множество людей глядело на нее; и Руди с Бабеттой тоже глядели на эту красоту.

– Нет ничего красивее этого, — сказала Бабетта.

– Ничего, — сказал Руди и поглядел на Бабетту. — Завтра мне надо отправляться, — сказал он минутой позже.

– Приходи к нам в Бе, — прошептала Бабетта, — отцу это будет приятно.

V На обратном пути

Ох, какую тяжесть пришлось Руди на себе тащить, когда на следующий день он шел через горы домой. У него было три серебряных кубка, два великолепных ружья и серебряный кофейник, который придется кстати, когда заведется свое хозяйство; но это было еще не самое драгоценное: нечто более драгоценное, более существенное нес он, или, вернее, несло его через горы. Погода, однако, была сырая, серая, скверная и дождливая; тучи, как траурный флер, повисли на горах, окутывая сияющие вершины. В лесу замирали последние удары топора, и стволы деревьев, издали казавшиеся тростинками, а вблизи превращавшиеся в тяжелые мачтовые сосны, катились по косоугору. Лючина издавала свои монотонные аккорды, выл ветер, собирались тучи. Вдруг рядом с Руди зашагала молодая девушка; он не замечал ее раньше, пока она не оказалась совсем близко, она тоже хотела перебраться через горы. В глазах у нее была

какая-то необычайная сила, взора от них не оторвать, а сами они удивительно ясные, глубокие, бездонные.

– А ты кого-нибудь любишь? – спросил Руди. Он думал теперь только о том, чтобы любить.

– Никого я не люблю, – отвечала девушка и засмеялась, но было видно, что она и словечка правды не скажет. – Незачем делать крюк! – продолжала она. – Нам надо взять левее, так будет ближе.

– К пропасти, конечно, ближе, – сказал Руди. – И с таким знанием дороги ты хочешь стать проводником?

– Я знаю дорогу, – сказала она, – и у меня голова на плечах, а ты потерял голову еще в долине; здесь, на высотах, надо помнить о Ледяной деве: говорят, она людей не очень-то жалуется.

– Я ее не боюсь, – сказал Руди, – она меня не смогла удержать, когда я ребенком был, а теперь я не маленький, и подавно уйду.

А становилось все темней, хлынул дождь, и повалил снег, белый и блестящий.

– Дай мне руку, я помогу тебе подняться, – сказала девушка и коснулась его холодными как лед пальцами.

– Ты мне поможешь? – сказал Руди. – Я покамест не нуждаюсь в бабьей помощи, чтоб куда-нибудь залезть!

И, уходя от нее, он быстрее зашагал вперед. Вьюга обволокла его своей пеленой, ветер свистел, а за спиной слышались смех и девичье пение; странное оно было. Должно быть, это привидение из свиты Ледяной девы. Руди слышал о таких делах еще мальчиком, когда ночевал в горах, переходя в кантон Во.

Снег падал реже, облака остались внизу, он оглянулся – сзади никого, но он слышал смех и пение, и непохоже было, чтобы это смеялся и пел человек. Когда Руди добрался наконец до самого высокого перевала, откуда горная тропа вела уже в долину Роны, он увидел в направлении Шамуни на чистой голубой полоске неба две светлые звезды, они сияли и сверкали, и он подумал о Бабетте, о себе, о своем счастье, и мысли эти его согрели.

VI Визит на мельницу

– Ну и роскошные вещи ты принес! – сказала старуха приемная мать, ее удивительные орлиные глаза вспыхнули, а тонкая шея стала чаще дергаться.

– Везет же тебе, Руди! Дай-ка я тебя поцелую, мальчик мой дорогой!

И Руди разрешил себя поцеловать, но по лицу его было видно, что он применяется к обстоятельствам, к небольшим домашним неудобствам.

– Какой ты красивый, Руди, – сказала старуха.

– Не выдумывай, – сказал Руди и засмеялся, но ему было приятно, что она так говорит.

– И опять я скажу, – сказала старуха, – везет же тебе.

– Тут ты, пожалуй, права, – сказал Руди и подумал о Бабетте.

Никогда еще не испытывал он подобной тоски по долине.

«Должно быть, они уже дома, – сказал он сам себе. Они уже два дня назад собирались быть дома. Надо сходить в Бе!»

И Руди пошел в Бе и застал мельника с дочкой дома. Его хорошо приняли и передали ему поклоны от родни из Интерлакена. Бабетта говорила не много, она стала совсем молчаливой, но говорили ее глаза. И Руди был этим совершенно удовлетворен. Мельник, который вообще любил поговорить сам – он привык, что его шутки и остроты вызывают смех, недаром же он богатый мельник, – на сей раз, казалось, предпочитал послушать Руди. А тот рассказывал об охотничьих приключениях, об опасностях и трудностях, которые подстерегают на скалистых утесах охотника за сернами, о том, как приходится перебираться по зыбким снежным выступам, какие вьюга налепит на краю скалы, и по неверным мосткам, какие она перекинет над пропастью. Руди выглядел очень храбрым, и меж тем как он рассказывал об охотничьей жизни, о мудрости косуль и об их отважных прыжках, о могучем фёне и о катящихся лавинах, глаза его сверкали; он ясно видел, что с каждой новой историей все больше располагает

мельника к себе; особенно тому пришлось по вкусу рассказы о коршунах и бесстрашных королевских орлах.

Неподалеку отсюда, в кантоне Вале, есть орлиное гнездо, искусно свитое под нависающим краем утеса, а в гнезде – птенец, которого никак не достать. Недавно один англичанин предлагал Руди пригоршню золота, если тот согласится достать птенца живьем. «Но всему есть граница – сказал Руди. – Орленка не достать, глупо за это братья».

И вино лилось, и речь лилась, но вечер показался Руди очень коротким, хотя после первого посещения мельницы он воротился домой в полночь.

Какое-то время в окне еще горел свет, проникая сквозь зеленые ветви деревьев; на крышу из слухового окна вышла кошка, живущая в комнате, а по желобу пришла кошка, живущая на кухне.

– Знаешь, какая на мельнице новость? – спросила кошка, живущая в комнате. – Тайное обручение! Отец еще ничего не знает. Целый вечер Руди и Бабетта наступали под столом друг другу на лапы, они и на меня раза два наступили, но я не стала мяукать, чтобы не привлекать внимания.

– Я бы замаякала, – сказала кошка, живущая на кухне.

– Что пристало делать на кухне, не пристало делать в комнате, – сказала кошка, живущая в комнате. – Хотелось бы мне, однако, знать, что мельник скажет, когда узнает об обручении.

Да, Руди тоже хотелось бы знать, что скажет мельник, но долго дожидаться, покуда это выяснится, он не стал.

Несколько дней спустя над Роной, по мосту, соединяющему кантоны Вале и Во, громыхал омнибус, а в нем сидел Руди, как всегда веселый, предвкушая благословение, которое он получит нынче вечером. А когда настал вечер и омнибус катил той же дорогой обратно, Руди опять сидел там, едуци домой, а на мельнице кошка, живущая в комнате, бегала с новостями:

– Эй ты, которая на кухне, слышала? Мельник знает все! Хорошенький же это приняло оборот! Руди пришел сюда под вечер, и они с Бабеттой долго

шушукались и шептались, стоя в коридоре у самой двери мельника. Я лежала у их ног, но они на меня и внимания не обращали. «Я иду прямо к твоему отцу, – сказал Руди, – у меня намерения честные». – «Пойти мне с тобой? – спросила Бабетта. – Ты будешь смелее». – «Я достаточно смел, – сказал Руди, – но если это будет при тебе, ему, хочешь не хочешь, придется быть полубезнее». И они пошли. Руди при этом наступил мне на хвост! Руди ужасно неловок! Я крикнула «мяу»!, но ни он, ни Бабетта и слушать не стали. Оба вошли, а я юркнула вперед и сразу прыгнула на спинку стула – откуда было мне знать, что тут Руди еще вытворит. Но мельник его сразу выдворил. Это было сделано недурно! За дверь, в горы, к сернам, пусть в них метит, а не в нашу Бабетту!

– Но что же они говорили? – спросила кошка, живущая на кухне.

– Что говорили? Всё говорили, что надо сказать, если идет сватовство. «Я люблю ее, она любит меня, и где хватает молока на одного, хватит и на двоих».

– «Но она сидит для тебя слишком высоко, – сказал мельник, – она сидит на мешке с крупой, а крупа из чистого золота, и, сам понимаешь, тебе до нее не дотянуться!» – «Ничто не бывает слишком высоко, чтобы нельзя было дотянуться, если пожелаешь», – сказал Руди, очень уж он дерзкий. «Но ведь орленка ты не можешь достать, сам на днях говорил. А Бабетта сидит повыше!» – «Я достану их обоих», – сказал Руди. «Хорошо, я вручу тебе Бабетту, если ты вручишь мне живого орленка, – сказал мельник и засмеялся так, что слезы выступили у него на глазах. – А теперь, Руди, спасибо, что навестил, приходи завтра, дома никого не будет! Будь здоров, Руди!» И Бабетта тоже сказал ему «будь здоров!», но так жалобно, как котенок, который еще слеп и не видит матери. «Даю слово, – сказал Руди. – Не плачь, Бабетта, я принесу орленка». – «И шею себе, надеюсь, свернешь, – сказал мельник, – так что мы от тебя избавимся». Вот это значит выдворить. Теперь Руди ушел, и Бабетта сидит и плачет, а мельник поет по-немецки – он выучил песню во время путешествия. Я не стану огорчаться, это ведь не поможет.

– Ну, надо все-таки сделать вид, что ты огорчена,
– сказала кошка, живущая на кухне.

VII Орлиное гнездо

С горной тропы долетала песня, полная бодрости и благого духа. Это пел Руди. Он шел к своему другу Везинанду.

– Ты должен мне помочь. Мы еще Рагли прихватим. Мне надо достать орленка из-под края скалы.

– А пятна с луны ты сперва стереть не собираешься? Это столь же просто, – сказал Везинанд.
– Ты, я вижу, сегодня развеселился.

– Так я ведь хочу жениться. Но довольно шутить. Ты должен знать, что у меня происходит.

Вскоре Везинанд и Рагли знали, чего Руди хочет.

– Отчаянный ты парень! – сказали они. – Тому не бывать. Шею себе свернешь!

– Кто про это не думает, тот не свалится, – сказал Руди.

За полночь пошли они с лестницами, канатами и шестами; сквозь заросли по камням, каждую минуту готовым сорваться, дорога вела все выше и выше, в ночную тьму. Внизу шумела вода, вверху бежала вода, по небу плыли набухшие облака. Охотники приблизились к скалистому откосу, там было еще темней, каменные кручи почти смыкались, и лишь сквозь узкую щель вверху проглядывало небо; подле них и под ними простиралась пропасть, и в ее глубине бурлила вода. Все трое сидели тихо, намереваясь переждать утренние сумерки, когда орел улетит. Сперва надлежало покончить с ним, потом уже можно будет думать о том, чтобы схватить орленка. Руди замер и был безгласен, словно камень, на котором он сидел; держа ружье наготове, он не спускал глаз с верхнего разлома, где под нависающей скалой притаилось гнездо. Трое охотников долго ждали.

И вот высоко над ними возник резкий, свистящий звук, что-то огромное повисло в воздухе, заслоняя свет. Едва орел вылетел из гнезда, на него были наведены два ствола; раздался выстрел, какое-то время простертые в воздухе крылья еще двигались, а после

птица пошла вниз, словно желая заполнить всю расщелину своим телом и своими могучими крыльями и увлечь в своем падении охотников за собой. Орел упал на дно пропасти, и под ним затрещали деревья и кусты.

И тут началась настоящая облава; чтобы достать до гнезда, связали три самых длинных лестницы, поставили их на краю пропасти, на последней точке, за которой уже начинался откос, но до гнезда не достали. Оставался еще порядочный кусок до того места, где под нависшим краем утеса скрывалось гнездо, и этот кусок скалы был гладким, как стена. Посовещавшись, пришли к тому, что ничего не придумать лучше, нежели сбросить сверху в ущелье еще две лестницы, связав их хорошенько, чтобы потом прикрепить к тем трем. С трудом втащили эти лестницы на самый верх и там их связали: лестницы перекинули за выступающий край скалы, и они повисли, качаясь над пропастью; вскоре Руди уже стоял на нижней ступеньке. Было морозное утро. Над черным ущельем подымался густой туман. Руди сидел, как муха на зыбкой соломинке, которую птица, сооружая гнездо, обронила на фабричную трубу. Но если соломинка сломается, муха может улететь, а Руди мог только свернуть себе шею. Ветер свистел, и в пропасти шумела вода, сбегавшая с таявшего ледника, дворца Ледяной девы.

Теперь, как паук, который хочет что-то зацепить своей длинной качающейся нитью, он привел лестницу в движение и, когда в четвертый раз задел верхушку лестницы, подымавшейся снизу, схватил ее. Твердой и сильной рукой привязал он эту лестницу к той, на которой стоял, и все же обе они шатались, точно дверь на ослабевших петлях.

Пять длинных лестниц, достигших гнезда, отвесно свисая вдоль стены утеса, казались тростинкой. Оставалось самое страшное: надо было лезть как кошка, но Руди это умел, кот его выучил. Он не ощущал Головокружения, которое шло за ним по воздуху и тянуло к нему свои руки, подобные полипам. Теперь он сидел на самой ближней ступеньке, и тут заметил, что этого еще мало, чтобы заглянуть в гнездо, – он мог только дотянуться до него рукой; он попробовал, насколько крепко держатся

толстые переплетающиеся ветви, образующие низ гнезда, и, сыскав неподвижную, подтянулся на ней над лестницей; теперь его грудь и голова оказались над гнездом, и в нос ему ударил удушающий запах падали – внутри лежали разлагающиеся ягнята, косули и птицы. Головокружение, которое не могло с ним совладать, дышало ему этими ядовитыми испарениями в лицо, надеясь его одурманить, а внизу, в черной зияющей глубине, над бегущей водой сидела Ледяная дева со своими длинными зелено-белыми волосами, обратив к нему, как два ружейных ствола, свои смертоносные глаза.

«Теперь я тебя поймаю!»

В углу орлиного гнезда он увидел большого и сильного птенца, еще не умеющего летать. Не спуская с него глаз и держась изо всех сил одной рукой, другой он набросил силок на юного орленка. Орленок был пойман живьем; ноги его опутала веревка, и Руди перекинул силок с птицей за спину, так что силок висел под ним, покамест Руди, спускаясь с помощью брошенной ему веревки, не коснулся носками ступеньки лестницы.

Держись твердо! Не думай, что свалишься, и никогда не свалишься! Таково было старое правило, и Руди следовал ему: он держался твердо, лез вверх, был убежден, что не упадет, и в самом деле не падал.

И вот зазвучала песня, сильная и радостная. Руди стоял на твердыне скалы, держа орленка.

VIII Какие новости могла рассказать кошка, живущая в комнате

– Получайте, что хотели! – сказал Руди, когда вошел к мельнику в Бе, поставил на пол большую корзину и снял платок. Показались два желтых, подведенных черным глаза, таких сверкающих, таких диких, словно они хотели спалить и пожрать все, что видели; короткий могучий клюв раскрылся, красная шея была покрыта пухом.

– Орленок! – воскликнул мельник. Бабетта закричала и отпрянула, но не могла отвести взор ни от Руди, ни от орленка.

– Ты себя запугать не даешь! – сказал мельник.

– А вы зато твердо держите слово, – сказал Руди, – каждому свое.

– Почему же ты не свернул себе шею? – спросил мельник.

– Крепко держался, – ответил Руди. – Я теперь всегда буду так. Я Бабетту крепко буду держать. – Сперва надо ее получить, – сказал мельник и засмеялся.

Бабетта знала, это был хороший знак.

– Давайте достанем орленка из корзины. Страшно смотреть, как он глаза таращит. Как ты его поймал?

Руди пришлось рассказать, и глаза у мельника делались все больше.

– С твоим мужеством и везением ты и трех жен прокормишь, – сказал мельник.

– Спасибо, спасибо вам! – воскликнул Руди.

– Впрочем, Бабетта покамест еще не твоя, – сказал мельник и шутя стукнул молодого охотника по плечу.

– Знаешь, какие на мельнице новости? – сказал кошка, живущая в комнате, кошке, живущей на кухне. – Руди принес нам орленка и взамен получает Бабетту. Они целовались, не прячась от отца. Это все равно что обручение. Старик уже не брыкался и когти припрятал, после обеда лег спать, а их оставил нежничать. Им столько надо сказать друг другу, что они и к сочельнику не кончат.

Они и в самом деле не кончили к сочельнику. Ветер кружил бурую листву, долину и горы заметало снегом. Ледяная дева сидела в своем огромном дворце, который зимой становится еще больше. На стенах утесов, где летом, низвергаясь водяной завесой, струятся горные потоки, повис ледяной покров и торчали саженные сосульки, подобные слоновьим бивням. Гирлянды фантастических ледяных кристаллов сверкали на усыпанных снегом соснах. Ледяная дева вместе с воющим ветром носилась над долиной. Снежный покров простирался до самого Бе, и Ледяная дева могла туда добраться и увидеть, что Руди теперь сидит в доме куда дольше обычного, ведь сидит он там с Бабеттой. Летом собирались сыграть свадьбу, и у них звенело в ушах от дружеских толков на сей счет. На мельнице сияло солнце, там цвела

прекраснейшая альпийская роза – веселая, улыбающаяся Бабетта, красивая, как весна, с наступлением которой все птицы станут петь о лете и о дне свадьбы.

– Как это они могут столько сидеть, клонясь головами друг к другу? – сказала кошка, живущая в комнате. – Довольно уже с меня их мяуканья!

IX Ледяная дева

Весной расцвели пышно-зеленые гирлянды ореховых и каштановых деревьев, особенно пышны они были от моста у Сен-Мориса до берегов Женевского озера, вдоль дороги, тянувшейся по Роне, выносившей свое могучее течение из-под зеленого ледника, ледяного дворца, где жила Ледяная дева, того дворца, откуда она вместе с быстрым ветром выбегает на заоблачные снежные равнины, чтобы полежать на солнышке, утопая в снеговой перине. Сидит она там, и зоркие очи ее глядят на долину, по которой, точно муравьи по озаренному солнцем камню, деловито снуют люди.

– Эй вы, избранники духа, как именуют вас дети солнца! – сказала Ледяная дева. – Черви вы ползучие! Прокатится снежный ком и сокрушит и опустошит ваши грады и дома! – И она еще выше подняла голову и поглядела напоенным смертью взором и вверх и вниз. Но снизу доносился грохот, скалы раскалывались. Это было дело рук человеческих! Это прокладывали туннель для железной дороги! –

Кротоми заделались! Проходы пробивают – вот стрельба отчего. Кабы я свои дворцы стала двигать, стоял бы грохот почище грома небесного!

Над долиной курился дым, тянувшийся подобно развевающейся вуали: это был плюмаж паровоза, влекущего по новопроложенному пути поезд – извивающуюся змею, сочленения которой были вагоны. Поезд несся как стрела.

– Эти избранники духа, – сказала Ледяная дева, – изображают владык. Но власть природы превыше их власти. – И она засмеялась, запела, и над долиной зазвенел ее голос.

– Лавина покатилась, – говорили люди.

Но дети солнца еще громче пели о человеческой мысли, власть которой огромна: она укрощает море, двигает горы, заселяет долины, мысль человеческая повелевает силами природы. В эту пору на снежную равнину, где нежилась Ледяная дева, вышла группа путешественников; люди привязались друг к другу канатами, образуя на скользком льду у края пропасти как бы единое тело.

– Черви вы ползучие! – сказала Ледяная дева. – Еще хотите властвовать над природой! – И она отвернулась и с презрением поглядела на долину, где пыхтел паровоз.

– Вот они где сидят, умники! Они сами во власти силы! Я вижу их всех: один сидит в стороне, надменный, как король. А вон их целое скопище. Половина спит. А когда пышущий паром дракон остановится, все вылезут, и каждый побежит своей дорогой. Разбегутся умники по земле. – И она захохотала.

– Опять катит лавина, — говорили внизу, в долине.

– Нас-то ей не достать, — сказали двое из сидевших на спине пышущего паром дракона. Эти двое были единая, как говорится, душа. Это были Руди и Бабетта, и мельник был тут же.

– Я тут в качестве багажа, — говорил он, — как неизбежное зло!

– Вот тоже пара! – сказала Ледяная дева. – Много косуль я погубила, миллионы альпийских роз переломала и самые корни их вытравила. Я их истреблю, этих умников, этих избранных духа, — и она захохотала.

– Опять катит лавина! – говорили внизу, в долине.

Х Крестная

В Монтре, небольшом городке, который вместе с Клараном, Ферне и Креном образует гирлянду, опоясывающую северо-восточный берег Женевского озера, жила Бабеттина крестная, знатная англичанка, с дочками и одним молодым родичем. Они только еще приехали, но мельник их уже посетил и рассказал о Бабеттином обручении, о Руди, об орленке, о

посещении Интерлакена – короче говоря, рассказал всю историю. Им она пришлась по душе, и они почувствовали расположение к Руди, к Бабетте и к самому мельнику. Надо было с ними со всеми повидаться, и вот мельник, Бабетта и Руди ехали туда. Бабетта должна была повидать крестную, а крестная – Бабетту.

От расположенного на берегу Женевского озера городка Вильнева отправляется пароход, который за полчаса оказывается в Ферне, лежащем чуть пониже Монтре. Здешний берег воспет поэтами; под ореховыми деревьями у зелено-голубого озера сидел, бывало, Байрон, слагая звучную поэму об узнике, заточенном в угрюмый Шильонский замок. Там, где в воде отразился Кларан со своими печальными ивами, бродил Руссо, размышляя об Элоизе. Рона струит свои воды мимо высоких, одетых снегом савойских вершин; неподалеку от ее устья, лежит островок, такой маленький, что с берега кажется, будто это челнок. Это утес. Какая-то дама лет сто назад приказала укрепить его камнями, обложить дерном и посадила там три акации, которые своей тенью одевают теперь весь островок. Бабетту поразил этот лоскуток земли, он был, на ее взгляд, самым прекрасным из всего, что они увидели за время путешествия. «Надо бы там побывать, обязательно надо бы там побывать, необыкновенно приятно было бы там побывать», – подумала она. Но пароход прошел мимо и, как положено, прибыл в Ферне.

Отсюда небольшое общество двинулось в гору; дорога шла между белыми, озаренными солнцем стенами, ограждавшими виноградники, разбитые близ Монтре, где фиговые деревья роняют тень на крестьянские дома и в садах растут лавр и кипарис. На полпути до вершины находился пансион, в котором жила крестная.

Встретили их как нельзя более радушно. Крестная оказалась высокой приветливой дамой с круглым улыбающимся лицом; в детстве, должно быть, ее головка походила на Рафаэлева ангелочка, теперь же это была голова постаревшего ангела с пышными седыми волосами. Дочки были изящные, изысканные, длинные и стройные. А у молодого кузена,

находившегося при них и с головы до ног одетого в белое, были рыжие волосы и такие же бакенбарды, до того огромные, что их хватило бы на троих джентльменов; он сейчас же обратил на маленькую Бабетту пристальное внимание.

Роскошно переплетенные книги, ноты и рисунки были раскиданы по столу; через открытую балконную дверь виделось прекрасное, простирающееся вдаль озеро; оно было такое ровное и тихое, что савойские горы с городами, лесами и снежными вершинами, опрокинувшись, отражались в нем, как в зеркале.

Руди, обычно столь бодрый, жизнерадостный, непосредственный, был там, как говорится, не в своей стихии. Он двигался так, словно ступал по гороху, рассыпанному на скользком полу. Как медленно шло время! Он был как на каторге! А тут еще отравились гулять! И все шли тоже до крайности медленно. Руди приходилось делать два шага вперед и шаг назад, чтобы не отбиться от остальных. Они спустились к старому сумрачному Шильонскому замку на скалистом островке, поглядеть на кол для пыток и тюрьму для смертников, на ржавые цепи в каменных стенах, на каменные нары для приговоренных к смерти, на люк, сквозь который несчастных вываливали на железные зубья, торчавшие из пены прибоя. Видеть это почиталось за удовольствие. Место казни было вознесено поэмой Байрона к вершинам поэзии. Но Руди все равно чувствовал, что это место казни; он облокотился на широкий каменный подоконник и глядел вниз, на глубокие зеленовато-голубые воды, и дальше – на одинокий маленький островок с тремя акациями: вот бы ему туда, подальше от этой болтливой компании! Но Бабетта была необыкновенно весела. Ей было очень приятно, сказала она потом, а кузена она сочла очень порядочным человеком.

– Балбес он порядочный! – сказал Руди, и это был первый случай, когда ей не понравилось то, что он сказал. Англичанин подарил ей на память о Шильоне книжечку – французский перевод поэмы Байрона «Шильонский узник», чтобы Бабетта могла ее прочесть.

– Книга, может, и недурна, – сказал Руди, – но этот прилизанный шалопай, который ее подарил, мне не по душе.

– Он выглядит, как мешок без муки, – сказал мельник и засмеялся собственной остроте. Руди тоже засмеялся и заметил, что это удачно и точно сказано.

XI Кузен

Когда несколько дней спустя Руди пришел на мельницу, он застал молодого англичанина там. Бабетта как раз угощала его вареной форелью, которую обложила листьями петрушки, чтобы рыба выглядела аппетитнее. Все это было отнюдь не обязательно. Чего англичанин добивался? Что ему здесь было нужно? Чтобы Бабетта ему угождала и его угощала? Руди ревновал, и Бабетте это доставляло удовольствие; ей приятно было постигать все стороны его души – и сильные и слабые. Любовь еще была для нее игрой, и она играла сердцем Руди, хоть он и был, надо это признать, ее счастьем, единственным смыслом ее жизни, лучшим и прекраснейшим на свете. И все же, чем он становился угрюмее, тем веселее сверкали ее глаза; она не остановилась бы и перед тем, чтобы поцеловать белокурого англичанина с рыжими баками, если бы Руди из-за этого в бешенстве ринулся прочь: ведь именно это показало бы ей, как сильно он ее любит. Это, конечно, нехорошо и неумно со стороны маленькой Бабетты, но ведь было-то ей всего-навсего девятнадцать лет. Она не думала ни о чем, и меньше всего о том, что ее поведение может показаться молодому англичанину куда более дерзким и легкомысленным, нежели это приличествует честной дочери мельника, к тому же обрученной.

Мельница стояла на дороге, которая шла из Бе мимо покрытых снегом скалистых вершин, именуемых на местном диалекте Бесорожьем, неподалеку от бурного горного ручья, пенящегося как мыльная вода. Мельницу, однако, вертел не он; большой жернов вращал по преимуществу маленький ручей, сбегавший со скал по другую сторону реки; пройдя сперва по каменной трубе, он набирал силу, выбивался вверх и тек по широкому закрытому деревянному желобу,

перекинутому над бурной рекой. Желоб до того переполнялся водой, что она вытекала, но и этот мокрый, скользкий путь все же мог прельстить того, кому хотелось поскорей добраться до мельницы; такая идея и пришла молодому англичанину. Весь в белом, точно работник с мельницы, он пополз вечером по желобу, ориентируясь на свет из Бабеттина окошка. Лазанью он был не обучен, так что чуть не упал в реку, но обошлось мокрыми рукавами и замызганными брюками. Промокший и грязный явился он к Бабеттину окну, залез на старую липу и стал кричать совой; подражать другим птицам он не умел. Бабетта услышала крик и глянула сквозь тонкую занавеску наружу, но, увидав человека в белом, поняла, кто это может быть, и сердце ее забилось от страха, но также и от негодования. Она тотчас погасила свечку, убедилась, что окно заперто на все задвижки, и предоставила англичанину и дальше кричать и выть.

Ужасно было бы, если бы в это время на мельнице оказался Руди, но Руди на мельнице не было, вышло, однако еще хуже – он стоял под окном. Началась громкая, гневная перепалка, назревала драка, того и гляди дойдет и до убийства. Бабетта в страхе открыла окно, позвала Руди и попросила его уйти; она сказала, что не может допустить, чтобы он тут оставался.

– Ты не можешь допустить, чтобы я оставался? – крикнул он. – Стало быть, вы сговорились! Ты поджидаешь доброго дружка, получше меня. Стыдись, Бабетта!

– Ты отвратителен! – сказал Бабетта. – Я тебя ненавижу! – И она зарыдала. – Уходи, уходи!

– Я такого не заслужил, – сказал он и ушел, щеки его пылали, и сердце его пылало. Бабетта бросилась на кровать и заплакала: – Я так тебя люблю, Руди! А ты можешь обо мне так плохо думать!

И она разозлилась, страшно разозлилась, но это было для нее хорошо, иначе горе было бы очень уж глубоким, а так она сумела заснуть здоровым сном, свойственным юности.

XII Злые силы

Руди покинул Бе и отправился домой, он стремился в горы, туда, где свежий морозный воздух, где лежит снег и властвует Ледяная дева. Далеко внизу остались лиственные деревья, похожие на картофельную ботву; сосны и кусты становились все ниже, альпийские розы росли прямо на снегу, пятна которого стлались, как полотно в белильне; голубела горечавка, Руди смял ее прикладом.

Наверху показались две косули. Глаза у него заблестели, мысли обрели новое направление, но он был еще слишком далеко, чтобы выстрелить наверняка. Он поднялся выше, туда, где меж камней росла одна жесткая трава; косули спокойно ходили по снежной равнине. Он прибавил шагу, кругом клубились облака, спускался туман, и Руди вдруг уткнулся в отвесную каменную стену. Хлынул дождь.

Он почувствовал сильную жажду, жар в голове и холод во всем теле; потянулся за фляжкой – она была пуста: торопясь в горы, он о ней не подумал. Прежде он никогда не болел, но сейчас испытывал недомогание; он устал, хотелось повалиться и заснуть, но кругом бежала вода; он попытался собраться. Порой у него начинало дрожать перед глазами, и вдруг он заметил то, чего никогда здесь прежде не видал – новенький низенький домик, прилепившийся к скале, а в дверях стояла молодая девушка; ему показалось, что это Анетта, дочка учителя, которую он однажды поцеловал на танцах, но была это вовсе не Анетта, и все же он видал ее прежде – не в Гриндельвальде ли, когда возвращался вечером из Интерлакена со стрелкового состязания?

– Как ты сюда попала? – спросил Руди.

– Я здесь живу. Пасу свое стадо!

– Твое стадо? Где же оно пасется? Здесь только снег да скалы!

– Много ты знаешь! – сказала она и засмеялась. – Здесь внизу, чуть пониже, прекрасный луг. Там и пасутся мои козы. Я уж их стерегу. Ни одна не пропадет: что мое, при мне останется.

– Ты, я вижу, храбрая, – сказал Руди.

– Ты тоже – ответила она.

– Дай молока, если у тебя есть. Пить хочется – мочи нет!

– Есть у меня кое-что получше молока, – сказала она. – Тут вчера были путешественники с проводником и оставили полбутылки вина, ты такого не пробовал. Они за вином не вернуться, я его не пью, так что выпей.

И она принесла вино, налила в деревянную чашу и подала Руди.

– Чудесно! – сказал он. – Никогда не пивал такого обжигающего вина! – Глаза его загорелись, жизнь и бодрость вернулись, а все печали и невзгоды словно испарились, опять пробудились бодрость и силы души.

– А ты все-таки Анетта, дочка учителя! – воскликнул он. – Поцелуй меня!

– Изволь, только отдай мне колечко, которое носишь на пальце.

– Мое обручальное кольцо?

– Ну да, – сказала девушка, налила в чашу вина, поднесла к его губам, и он выпил. Радость жизни заиграла у него в крови, весь мир, казалось, принадлежал ему, и огорчаться было нечего. Все сущее создано, чтобы нам наслаждаться, чтобы нам быть счастливыми! Река жизни – это река радости. Погрузиться в нее, отдаться ей – вот блаженство! Он поглядел на молодую девушку; это была Анетта, и все же не Анетта, однако же и никак не привидение, как называл он ту, кого встретил у Гриндельвальда. Эта девушка здесь, в горах, была свежа, как только выпавший снег, пышна, как альпийская роза, легка, точно козочка, и все же сотворена она была из Адамова ребра; она, как и Руди, была человеком. Он обхватил ее, глянул в ее дивные, ясные глаза; это длилось одно лишь мгновение, а вот подите объясните, выразите это словами – было ли то, что он испытал, воскрешением духа или смертью, возносился ли он ввысь, или погружался все глубже и глубже в мертвенную ледяную пасть: он видел ледяные стены зеленоватого стекла, вокруг зияли бездонные пропасти и, звеня, как колокольчик, стекала чистая, как жемчуг, вода, светившаяся голубым пламенем. Ледяная дева поцеловала его, и весь он до мозга костей ооченел, он закричал от боли, рванулся, пошатнулся и упал, у него

потемнело в глазах, но он раскрыл их снова. Злые силы свое сделали.

Альпийская девушка исчезла, низенький домик исчез, вода текла по нагой скале, и кругом лежал снег. Руди дрожал от холода, он промок до нитки, и пропало кольцо, обручальное кольцо, которое ему дала Бабетта. Ружье лежало рядом на снегу, он взял его, хотел выстрелить – оно дало осечку. Набрякшие облака, словно снежные валы, спускались в ущелье, там сидело Головокружение, карауля ослабевшую жертву, а в глубине ущелья грохотало, словно рушилась скала, жаждавшая раздавить и унести в бездну все, что ни попадется.

А на мельнице плакала Бабетта. Руди не являлся уже шесть дней, но ведь он был неправ, ему бы прощения просить – ведь она же его любит всем сердцем.

ХIII На мельнице

– От людей все-таки ничего, кроме бессмыслицы, не дождешься! – сказала кошка, живущая в комнате, кошке, живущей на кухне. – У Руди с Бабеттой все теперь разладилось. Она плачет, а он о ней и не думает!

– Мне такое не по душе! – сказала кошка, живущая на кухне.

– Мне тоже, – сказала кошка, живущая в комнате, – но близко к сердцу я принимать это не стану! Бабетта ведь может стать невестой рыжих бакенбард. Он, правда, тоже не показывается с тех пор, как намеревался залезть на крышу.

Злые силы делают свое и вокруг нас и внутри нас. Руди это познал на собственной шкуре и призадумался; что происходило тогда на горе с ним и в нем? Было ли то наваждение, или он бредил в лихорадке? Никогда прежде не бывало у него ни лихорадки, ни других болезней. Осуждая Бабетту, он заглянул и себе в душу. Он подумал о неукротимой буре, бушевавшей у него в сердце, о диком фёне, который рвался оттуда. Готов ли он открыться Бабетте во всем, исповедаться в каждой мысли, которая в минуту искушения могла обратиться в реальность?

Колечко ее он потерял, и благодаря этой потере она вновь обрела возлюбленного. А могла ли она ему исповедаться? Когда он думал о ней, казалось, что сердце рвется на части, столько вставало воспоминаний. Он словно бы видел ее перед собой, любящее, веселое, озорное дитя, и множество нежных слов, слетавших с ее уст от полноты сердца, согревали ему грудь, как солнечные лучи, и вскоре при воспоминании о Бабетте он видел лишь солнечный свет.

Да, она могла перед ним исповедаться, и она это сделает. Он пришел на мельницу, и дошло до исповеди: она началась с поцелуя и кончилась тем, что Руди кругом виноват; величайший его грех состоял в том, что он мог усомниться в Бабеттиной верности, это было с его стороны отвратительно. Подобная недоверчивость, подобная вспылчивость могли повернуть их обоих в беду. Ну, разумеется! И потому Бабетта прочла ему проповедь, которая ей самой понравилась и к тому же впрямь была в ее устах прелестна. Но в одном Руди прав: родич крестной – балбес; она хотела сжечь книгу которую он подарил, – пусть не останется даже и малости, чтобы ей о нем напоминать.

– Теперь все наладилось! – сказала кошка, живущая в комнате. – Руди опять здесь, они поняли друг друга, а это, они уверяют, и есть величайшее счастье!

– Я слыхала нынче ночью от крыс, – сказала кошка, живущая на кухне, – что величайшее счастье грызть сальные свечи и вдоволь иметь прогорклого сала. Кому же верить – крысам или влюбленным?

– Ни тем, ни другим, – сказала кошка, живущая в комнате. – Так всего безопасней!

Величайшее счастье для Руди и Бабетты еще только должно было начаться. Они ожидали прекраснейшего дня – так они величали день свадьбы. Но свадьбу предполагали справлять не в церкви Бе и не в доме мельника. Крестная пожелала, чтобы свадьбу праздновали у нее и венчание бы состоялось в прелестной церквушке в Монтре. Мельник настоял, чтобы это пожелание исполнить: он один знал, что крестная предназначала новобрачным. Подарок,

который им предстояло получить, стоил этой небольшой уступки. День был назначен. Накануне вечером они собирались отправиться в Вильнев, желая утром заблаговременно доехать паромом до Монтре, – так чтобы дочери крестной успели одеть невесту.

– Надо думать, хоть на следующий день они сыграют свадьбу и здесь, в доме, – сказал кошка, живущая в комнате, – не то я и «мяу» не дам за все это дело.

– Будет и тут угощение! – сказал кошка, живущая на кухне. – Уток порезали, голубей передушили, и целый козел висит на стене. У меня зубы чешутся, когда я это вижу. Завтра они отправляются.

Завтра! А нынче вечером Руди и Бабетта в последний раз сидели на мельнице как нареченные.

За окном пылали Альпы, звонили вечерние колокола, и дочери солнечных лучей пели: «Все будет хорошо!»

XIV Ночные видения

Солнце село, облака спустились в долину Роны, южный ветер, ветер из Африки, пронеслся над высокими Альпами, разрывая облака, и когда переставал дуть, на мгновение наступала тишина. Рваные облака повисали между поросшими лесом горами и быстротекущей рекой в виде каких-то фантастических созданий: вот морское чудовище доисторических времен, вот парящий в воздухе орел, вот лягушки, скачущие по трясине; они спускались к бурлящему потоку, они как будто плыли по нему и, однако же, плыли по воздуху. Поток влачил вырванную с корнем сосну, перед ней возникали водовороты: это была работа Головокружения и его братьев – они вертелись в бушующем потоке. Луна озаряла снег на вершинах гор, темные леса и странные белые облака, видения ночи и духов природы – жители гор видели их в окно, они стаями проплывали перед Ледяной девой. Она вышла из своего ледяного дворца, она сидела на утлом корабле, на вырванной с корнем сосне, и воды ледников несли ее по реке прямо к озеру.

«Гости на свадьбу едут!» – гудело и пело и в воде и в воздухе.

Наваждениями был полон мир, наваждениями полна была душа: Бабетте приснился странный сон.

Ей представилось, будто они с Руди женаты, и уже много лет как женаты. Он ушел охотиться на косуль, а она дома, и у нее сидит молодой англичанин с рыжими баками; глаза его нежно светятся, слова его обладают волшебной силой. Он протягивает руку, и приходится идти за ним. Они уходят из дома. Они идут вниз!.. И Бабетте кажется, что на сердце у нее какой-то груз, который становится все тяжелее, это грех против Руди, грех против бога. И вдруг она оказывается брошенной, платье ее разорвано шипами терновника, волосы поседел; убитая горем, глядит она ввысь и на краю скалы видит Руди – она протягивает к нему руки, не решаясь, однако, ни окликнуть его, ни попросить, да это было бы и бесполезно, ибо вскоре она замечает, что это вовсе не он, а его охотничья куртка и шляпа висят на посохе: охотники вешают их, чтобы обмануть косуль. И, не ведая горю границ, Бабетта начинает голосить: «О, лучше бы я умерла в день моей свадьбы, в самый счастливый мой день! Господи боже, это было бы благоденствие, это было бы величайшее счастье. Это была бы величайшая милость, которую можно даровать мне и Руди! Никто не ведает будущего и не знает, что ему предстоит!» И в безысходной тоске она кинулась в глубокую пропасть. Струна лопнула, раздался глас печали...

Бабетта пробудилась, сон миновал и растворился, но она знала, что снилось ей что-то ужасное, и при этом молодой англичанин, которого она уже несколько месяцев не видела и о котором думать не думала. Может быть, он в Монтре? Увидит ли она его у себя на свадьбе? Легкая тень тронула прелестные губки, брови нахмурились, но скоро у нее в очах опять сияла улыбка: на дворе светит солнце, и завтра она венчается с Руди.

Он был уже в доме, когда она спустилась, и вскоре они двинулись в Вильнев. Оба были безмерно счастливы, и мельник тоже: он смеялся и весь сиял, он был в хорошем настроении, он был добрым отцом и честным человеком.

– А теперь мы в доме хозяева! – сказала кошка, живущая в комнате.

XV Заключение

Еще не настал вечер, а трое баловней судьбы достигли Вильнева, где и поужинали. Мельник сел с трубкой в кресло, намереваясь немного подремать, а жених с невестой, взявшись за руки, вышли из города и пошли по большой дороге, тянущейся под поросшими кустарником скалами вдоль глубокого зеленовато-голубого озера; в прозрачной воде отражались серые стены и тяжелые башни мрачного Шильонского замке. Еще ближе был островок с тремя акациями, он выглядел как букет цветов, плывущий по воде.

– Хорошо там, должно быть! – сказал Бабетта. Ей очень захотелось туда попасть, и это желание могло тотчас же исполниться: у берега стояла лодка, канат, которым она была привязана, ничего не стоило отвязать. Не было видно никого, у кого бы спросить на это разрешения, и они без лишних слов сели в лодку, а грести Руди умел.

Весла, словно рыбы плавники, входили в упругую воду, такую податливую и, однако же, такую плотную, – у нее ведь есть и спина, чтобы тащить, и рот, чтобы глотать; сама кротость, она сладко улыбается и все же внушает ужас и грозит гибелью. Пенистый след тянулся за лодкой, в несколько минут достигшей островка, где нареченные сошли на берег. Там едва хватало места, чтобы потанцевать вдвоем.

Руди покружил Бабетту раза два или три, потом они сели на скамеечку под развесистой акацией; поглядели друг другу в глаза, взяли за руки, а все вокруг сияло в лучах заходящего солнца; сосновые леса на горных склонах стали лиловокрасными, как цветущий вереск, а там, где кончались деревья и обнажались камни, они словно бы прокалились насквозь, облака горели красным огнем, а озеро было точно свежий, пылающий лепесток розы. Постепенно на покрытые снегом вершины Савойских гор начинали ложиться тени, окрашивая их в темносиний цвет, но самые высокие пики сверкали, как красная лава; они на мгновение демонстрировали историю горообразования, когда эти расплавленные массы

подымались из недр земли и еще не потухли. Руди и Бабетте показалось, что они еще никогда не видели альпийское зарево таким ярким. Покрытый снегом Дан-дю-Миди сиял как полная луна, когда она показывается на горизонте.

– Какая красота! Какое счастье! – говорили влюбленные.

– Ничего лучшего земля не может мне дать! – сказал Руди. – Вечер, подобный нынешнему, равен целой жизни. Не раз, как и сейчас, ощущал я, что счастлив, и думал, что если бы мне тут же пришел конец, как счастливо я все же жил. Как прекрасен этот мир! И день кончался, и начинался новый, и мне казалось, что этот еще прекраснее. Господь, Бабетта, бесконечно благ!

– Я счастлива! – сказала она.

– Ничего лучшего земля не может мне дать! – воскликнул Руди.

И вечерние колокола донеслись с Свойских гор и с Швейцарских гор, а на Западе в золотом венце высилась темнозеленая Юра.

– Дай тебе бог, чтобы все было как лучше! – сказала Бабетта.

– Он даст! – сказал Руди. – Я завтра свое получу. Завтра ты будешь моей! Моей собственной любимой женой!

– Лодка! – закричала вдруг Бабетта.

Лодка, на которой они должны были вернуться, отвязалась и отплыла от острова.

– Я ее догоню! – сказал Руди, скинул куртку, снял сапоги, прыгнул в воду и быстро поплыл к лодке.

Холодна и глубока была зелено-голубая вода из горного ледника.

Руди глянул в глубину на одно только мгновение, и ему показалось, что он видит золотое кольцо – оно катилось, сверкало и играло. Он вспомнил кольцо, которое потерял, а кольцо становилось больше, оно обратилось в огромный искрящийся круг, внутри которого сиял прозрачный ледник. Бездонно-глубокие пропасти зияли по сторонам, и вода капала, звеня, как колокольчик, и светилась голубым огнем; за одно мгновение он увидел то, что придется описывать множеством слов: молодые охотники и молодые

девушки, мужчины и женщины, пропавшие некогда в провалах ледника, стояли пред ним живые, открыв глаза и улыбаясь, а снизу шел колокольный звон из погребенных под лавинами городов; весь приход преклонил колена под сводами храма, органные трубы там были из льда, а гудели горные потоки; Ледяная дева сидела на чистом, прозрачном дне, она приблизилась к Руди, поцеловала ему ноги, и тело его пронзил смертельный, леденящий трепет, электрический удар, огонь и лед – их ведь не различить при мгновенном касании.

«Мой! Мой! – звенело и вокруг и в нем. – Я целовала тебя, когда ты был ребенком, целовала тебя в губы! Теперь я целую пальцы твоих ног, целую твои стопы, ты мой, весь, целиком!»

И он исчез в прозрачной голубой воде.

Кругом было тихо, колокола отзвучали, последний звук пропал вместе с красным отблеском облаков.

«Ты мой!» – несло из глубины. «Ты мой!» – несло с высот, из бесконечности.

Вот истинная благодать – перейти от любви к любви, с земли на небеса.

Струна лопнула, раздался глас печали, ледяной поцелуй смерти покончил с бранным бытием, пролог завершился, пришел черед жизненной драмы, диссонанс обрел гармоническое разрешение.

Назовешь ли ты эту историю грустной?

Бедная Бабетта! Для нее это был ужасный час. Лодку относил все дальше. Никто на берегу не знал, что обрученные были на островке. Все ниже нависали облака, смеркалось. Она стояла одинокая, несчастная, отчаявшаяся. Над ней разразилась буря – молнии сверкали над Юрой, над Швейцарией, над Савойей, со всех сторон шли молнии на молнию, гром на гром, им не было конца, каждый тянулся долго. От молний становилось светло как днем, можно было разглядеть каждый листок, и снова все окутывала тьма. Молнии шли петлями, витками, зигзагами, они ударили в озеро, они вспыхивали повсюду, а эхо опять и опять повторяло удары грома. На той стороне втаскивали на берег лодки, все живое искало убежища – и тут хлынул дождь.

– Где же это Руди с Бабеттой в такую погоду? – сказал мельник.

Бабетта сидела, уронив голову, опустив руки, онемев от горя; она уже не плакала и не жаловалась.

– Под водой! – сказала она себе. – Он глубоко под водой, словно под ледником!

Она вспомнила, что рассказывал Руди о смерти своей матери и о своем спасении, – его ведь почти мертвым вытащили из расщелины ледника. «Ледяная дева его настигла!»

Сверкнула молния, ослепляющая, как солнечный свет на белом снегу. Бабетта вскочила, озеро в эту минуту поднялось, подобное сверкающему леднику, на нем стояла Ледяная дева, величественная, озаренная голубоватым сиянием, и у ног ее лежал мертвый Руди. «Мой!» – сказала она, и кругом опять были тьма, и мрак, и потоки воды.

«Лютая судьба! – стонала Бабетта. – Почему должен был он умереть, когда наступил день нашего счастья? Господи, проясни мне разум, просвети мне сердце! Я не постигаю твоего пути. Я бессильна перед твоим могуществом и мудростью».

И господь просветил ее. Как мгновенное воспоминание, как луч благодати, ей, словно въявь, точь-в-точь, как было, предстало все, что снилось минувшей ночью. Она припомнила каждое слово, которое произнесла, вспомнила, о какой милости просила для себя и для Руди.

«Горе мне! В сердце моем был росток греха. И сон мой предвещал будущее, струне которого надлежало оборваться ради моего спасения. Несчастливая я!»

Рыдая она просидела на островке всю ночь. В полной тишине, казалось, еще звучали обращенные к ней слова Руди, последнее что он сказал: «Ничего лучшего земля не может мне дать!» Они были сказаны от полноты счастья, они были повторены от безмерности страдания.

Прошло несколько лет. Озеро прекрасно, берега его тоже прекрасны, на виноградниках наливаются гроздья, мимо идут пароходы с развевающимися флагами, парусные лодки, как мотыльки, парят над

зеркальной водой; открыта железная дорога через Шильон, она уходит далеко в долину Роны. На каждой станции слезают иностранцы, они приезжают с путеводителями в красных переплетах и там вычитывают, какие достопримечательности следует осмотреть. Они посещают Шильонский замок, глядят оттуда на островок с тремя акациями и читают в книжке про обрученных, которые в 1856 году пристали к нему как-то вечерней порой, про смерть жениха и про то, что «лишь на следующее утро с берега услышали отчаянные крики невесты».

В путеводителе не сказано о тихой жизни Бабетты у отца, но не на мельнице, где теперь живут чужие люди, а в красивом доме неподалеку от станции, из окон которого она каждый вечер глядит поверх каштанов на снежные вершины, где некогда бродил Руди; она глядит вечерами на альпийское зарево: там, вверху, живут дети солнца, и они по-прежнему поют о путнике, с которого вихрь сорвал плащ, но унес покров, а не человека.

Розовый свет горит на горных снегах, розовый свет горит в каждом сердце, которое знает, что «господь все для нас устроит к лучшему». Но не всегда это открывается нам так ясно, как во сне открылось Бабетте.

Махмуд Гаиби (конец XVIII – начало XIX века)

Что сделалось с миром?

Что сделалось с миром? Где хмелевшие страстью
теперь?

Где султаны, своей опьяненные властью, теперь?

Где красавицы нежные, в трепет повергшие мир?

Где сраженные насмерть любовной напастью
теперь?

Где привыкшие жизни своей не щадить для любви,
Где они, кто в любви притерпелись к несчастью,
теперь?

Где же те, в чьих чертах отразился великий Аллах,
Где они, кто благою отмечен был частью, теперь?

Где теперь расточившие сердце в любовной тоске,
Словно сам Гаиби, что взывает к участию теперь?

Худые времена

Пришли худые времена,
настал какой-то странный год,
Ни сострадания, ни добра, –
стоит пора одних невзгод.

Тираны захватили мир, а мудрецов и след простыл,
День ото дня страшнее жить,
и с каждым днем тяжеле гнет.

Не стало в людях доброты, и благочестие ушло,
И как идут за днями дни, так за бедой беда идет.

Кто сердцем чист, того не чтут,
и дервишу почтения нет,
Кадят тирану, лишь тиран пример отныне подает.

Ответь Гаибу, о господь, какая ждет народ судьба?
Благие времена прошли.

Наш час последний настает.

Любовь моя

Любовь моя, о, где же ты? Что будет впереди?
 Испепелила ты меня и счастлива, поди?
 В разлуке скорбного, как я, попробуй-ка найди!
 Скажи, куда же ты ушла, взяв сердце из груди?

Любовь к тебе владеет мной и застит белый свет.
 Ты опозорила меня, и мне защиты нет.
 Уже не буду я никем укрыт и обогрет.
 Скажи, куда же ты ушла, взяв сердце из груди?

Ты всякий раз, открыв лицо, являешь, сколь сильна.
 Моя душа твоим огнем навек опалена.
 Вот-вот я в пепел обращаюсь, в тоске не зная сна.
 Скажи, куда же ты ушла, взяв сердце из груди?

Едва ли ступит кто другой на этот зыбкий путь.
 Но мне, живущему тобой, с него не повернуть.
 Я горьких слез не стану лить, хоть горе точит грудь.
 Скажи, куда же ты ушла, взяв сердце из груди?

Ты не желала счастья миг дать сердцу моему.
 Ты облегченья не дала смятенному уму.
 Гаиб, в разлуке жизнь твоя повергнута во тьму.
 Скажи, куда же ты ушла? Я плачу: пощади!

Пожалей меня

Ты умна и хороша, и прекрасен твой убор.
 От жестокости твоей слезы льются до сих пор.
 Твои очи – палачи, и ресницы как топор.
 Ты смешлива, как тюльпан; пожалей меня, мой хан,
 Не пугай меня, не лги, милая Аннасолтан.

Нарядилась ты затем, чтоб свести меня с ума.
 Обольстила ты меня, распалив себя сама.
 Но нарушила обет, и с другим свела вас тьма.
 Ты смешлива, как тюльпан; пожалей меня, мой хан,
 Не пугай меня, не лги, милая Аннасолтан.

Ты умна и хороша, и прекрасен твой наряд.
 Но вздыхателей твоих похвалы мои смирят.

Сам влюбленный Гаиби воспевать тебя ведь рад.
Ты смешлива, как тюльпан, пожалей меня, мой хан,
Не пугай меня, не лги, милая Аннасолтан.

Вот и старость стучится в дверь

Вот и старость стучится в дверь,
юность кончилась навсегда,
Приближается пятьдесят, – ненадежны мои года.

Но вкушая утех земных, ничего-то я не достиг,
А от прежних моих грехов
мне сегодня не счесть вреда.

Собутыльники и друзья,
с кем я странствовал по земле,
До поры, пока не помру, не придут ко мне никогда.

Но однажды явится в дом за моей душой Азраил,
И меня оставит Аллах, если даже вера тверда.

А едва из тела уйдет этот легкий сладостный дух,
Поглотит мою плоть и кровь
муравьев и червей орда.

О, когда б дозволил Аллах
и помог пророк Мухаммед,
Уберечь мой прах от червей, от последнего их суда.

К небесам воззвал Гаиби: окажите милость, молю,
Ради нескольких нежных строк,
что могу прочесть без стыда.

Видели мои глаза

Путь земной – тщета пустая, видели мои глаза;
Твердь лучится голубая, видели мои глаза;
Где гора, где даль морская, видели мои глаза;
Всюду есть душа живая, видели мои глаза.
Дар господень созная, видели мои глаза.

Гаиби твердит: всевышний,
ты мне счастье ниспошли,
Я в молитвах пять раз на день
преклоняюсь до земли,
Только в долг наличных денег
ты давать мне не веди,
Ведь и трон царя Давуда, задрожав, поник в пыли.
Взгляда в сторону Каабы с восхищеньем
ждет душа.

Роберт Браунинг 1812-1889

Кристина

Не глядеть ей на меня бы,
Коль моей любви чуралась;
Есть мужчины (по названью),
Для которых это малость,
Вот бы им она и душу
Открывала без опаски;
Я другой – она ведь знала,
На меня уставив глазки.

Что? Не верить этим взглядам?
Не могу, вот в чем и горе...
О, не ханжеский, конечно,
Взгляд, лепечущий, что «море
Дикий брег усеять жаждет
Жемчугами», что «объято
Сердце страстью к расточенью,
Коль оно не без возврата».

Бог судья, во что мы впали,
Но не в столь худую ересь,
Чтобы все ее кумиры
Вдруг во прах не разлетелись
И порыв чистейший духа
Не повлек своей дорогой
Прямо к праведной победе,
Прочь от гибели убогой.

Свет огней из мглы полночной,
Жар полдневного светила
Обратят в пустое славу,
Если спесь твой дух стеснила,
А ничтожные порывы,
Что хоть как-то уцелели,
Вдруг предстанут целью жизни,
В прочем прожитой без цели.

И возможно ли сомненье,
Что она, вперяясь взором,
Знала, с чем летят столетья

По неведомым просторам,
 Ибо там всему скончанье
 И не надо длить полета,
 Где в любви с душой другого
 Душу слить сумеет кто-то.

А не то опять потери,
 А не то опять утраты,
 А не то, глядишь, блаженством
 Снова стали мы богаты,
 Но не будет этой жизни
 И любви. Ей внятно было,
 Что друг к другу наши души
 Повлекла шальная сила.

Глянь! Бесстыдно насмехаясь,
 Чванный мир спустя мгновенье
 Попирает свет навеки;
 Дьявол, нам же во спасенье,
 Норовит умерить знанье,
 Погружая нас в унылость!
 Вот и повод зревшим бога
 Оценить, что им открылось.

Скрытый смысл теперь мне внятен!
 Пусть друг друга мы не встретим,
 Но ее обрел я сердцем,
 Доживать свой век мне с этим.
 Жизнь представит подтвержденье
 В нас обоих жившей силе,
 И начнется жизнь другая,
 Если здесь мы все свершили

Лаборатория

Чуть погляжу из под маски стеклянной –
 В кузнице вижу твоей окаянной,
 Что твои ловкие руки творят, -
 Где ж для нее приготовленный яд?

Вместе они; и ведь оба, конечно,
 Мнят, что рыдать я должна безутешно

В церкви пустой, и, себя не тая,
Громко смеются. Но вот она я!

Ты завари беспощадный напиток –
Пусть закипает в нем гнева избыток;
Нынче милей мне твой темный подвал,
Чем королевский торжественный зал.

Вот ведь смола накопилась какая,
На благородных стволах натекая!
Что это в склянке стоит голубой?
Чем бы послаще послать на убой?

Кабы твоими владеть закромами,
Шли бы ко мне наслаждения сами:
Смерть, заключенной в перчатку, в печать,
В перстень, в серьгу, я могла бы вручать.

Дам на балу я таблетку Полине,
Жить полчаса ей позволив отныне,
Да и Элизу моя будет власть
Замертво тут же заставить упасть.

Сделал? Но выглядит как-то уныло.
Пусть бы питье себя выпить манило!
Надо подкрасить его, а потом
Пусть насладятся красивым питьем.

Дивный сосуд! Миловидна плутовка,
Тем и взяла его смело и ловко,
Нет с ее взорами сладу –так вот:
Пусть в ней биение сердца замрет!

Раз увидав их, шептавшихся, рядом,
Долгим на ней задержалась я взглядом,
Думая: вот упадет. А она
Держится. Значит, отравы нужна.

Боли никак облегчать ей не надо –
Пусть ощутит приближение ада,
И не скупись на ожоги, старик,
Помнит *он* пусть искверканный лик.

Кончил? Снимай с меня маску. Что мрачен?
 Дай наглядеться, чем будет оплачен
 Груз моих бед, что она принесла, -
 Яд для нее не прибавит мне зла.

Вот тебе жемчуг – все рада отдать я.
 Хочешь – целуй, но не пачкай мне платья,
 Чтобы мой облик людей не пугал, -
 Я к королю отправляюсь на бал.

Утраченная возлюбленная

Итак, разрыв. А сколь он горек –
 Поди вперед узнай!
 Заполнен птахами твой дворик,
 Звенит прощальный грай.

Да и по лозам винограда
 Заметил я с утра,
 Что раскрываться почкам надо.
 Всему своя пора!

Рискнем ли все, как есть, оставить,
 Бродить рука в руке?
 Мы лишь друзья, но и друзья ведь
 С тобой накоротке.

Я не забуду глазок нежных,
 Ко мне стремивших взгляд,
 Я буду помнить, как подснежник
 Ты позвала назад.

Но, бормоча, как должно другу,
 Привычные слова,
 Как все, пожму тебе я руку,
 Лишь задержу едва.

Последняя верховая прогулка вдвоем

И молвил я: пусть даже так,
 И явлен мне судьбины знак,
 И в давней страсти проку нет,
 И смысл ушел из долгих лет –

Сбылось предвестье честь по чести,
 Душа не хочет знать обид
 И вновь тебя благодарит;
 Пускай надежды свет погас –
 Удержит память счастья час,
 И я прошу: в последний раз
 Давай верхом поедem вместе.

Моя любовь, надменный взор,
 Не выдававший до сих пор
 Минутных слабостей своих,
 Оборотив ко мне на миг,
 Как жребий бросила: «Не прочь я!»
 И вроде сызнова я жив,
 Коль не напрасен был порыв.
 Поскачет милая со мной!
 Я наделен еще одной
 Отрадой, - а ведь мир земной
 Погибнуть может нынче ночью.

Чу! Ты видал, как облака
 К тебе плывут издалека,
 Приязню солнца, и луны
 И звезд – всех враз – озарены.
 Гляди ж, любивший изначально
 Сильнее всех, как страсть растет,
 Заполняя небосвод,
 И льнут к ней звезды и луна, –
 Здесь рай, и плоть в нем не нужна!
 Чуть-чуть помедлила она
 И вдруг к груди моей припала.

И мы помчались вскачь. Душа,
 Как свиток свернутый, спеша
 Сполна раскрыться на ветру,
 Не слишком верует добру.
 Но что вымаливать подачки?
 К чему гадать, какой удел
 Нас ждал, случись, как я хотел?
 Она любить меня могла?
 Иль ненависть меня ждала?
 Пускай былое прячет мгла,
 Теперь мы предаемcя скачке.

Один ли я должник беды?
 Весь мир в трудах, а где плоды?
 Мы мчались, и душа моя
 Вступала в новые края,
 И я подумал: неудачам
 Подвержен всякий человек,
 Хоть он и трудится весь век.
 Убог итог его работ,
 Того ль сперва от них он ждет?
 Таков ли мысли был полет?
 Я ждал любви. Вот мы и скачем.

Где ум и руки – заодно?
 Где с думой дело сплетено?
 И где цела в поступке мысль?
 И воля с явью где слились?
 От скачки грудь ее ходила.
 У нас короны есть для тех,
 Кто все же вырвал свой успех,
 Для знатных есть черта меж дат,
 Флаг для тебя, простой солдат,
 И камни на костях лежат.
 А мне скакать, простите, мило.

О чем ты? Хочешь, может быть,
 Поэт, ритмично изъяснить
 Ты наши чувства? Учишь ты
 Сознанию высшей красоты
 И тут же рифмы сыплешь с ходу.
 Немного. Но хоть ты-то сам
 Обрел ли то, что хвалишь нам?
 Больной, измученный бедняк,
 Ты ближе к цели хоть на шаг
 Нас, не рифмующих никак?
 А я скачу себе в угоду!

Ваятель, ты искусству был
 Рабом, не пожалел ты сил –
 И вот Венера. Только чья
 Стоит девчонка у ручья?
 Она стократ милей и краше!
 Ты, музыкант, и сед, и стар,

Всю жизнь писал, да где твой дар?
Ты лучших не слыхал похвал,
Чем та, что «был велик запал,
Да моды век у песни мал».
А жизнь прошла, - мчат кони наши.

В чем счастье? О, когда б мне рок
Блаженство на земле предрек,
Он сталкивался бы со мной:
Хотя и ждет нас мир иной,
Оно, чтоб жить, необходимо.
Но вот нас к цели привело,
Лавр увенчал мое чело,
А счастлив я? Поди узнай!
Я все ищу, а мой-то край
Прекрасен, - лучше ль будет рай?
Но и она, и рай мчат мимо.

Молчит по-прежнему она!
Иль мы в раю, где нам дана
Судьба припасть к живым цветам,
Открывшимся однажды там
Ввысь устремленным нашим взглядам?
Иль так и будем мы скакать,
И будет жизнь идти опять,
Сменив лишь видимость свою?
Но я в ней вечность узнаю,
И смогут подтвердить в раю,
Что нам вовеки мчатся рядом.

Генрик Ибсен 1826-1906

Пер Гюнт

Драматическая поэма в пяти действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Осе, вдовая крестьянка.

Пер Гюнт, ее сын.

Две старухи с мешками зерна.

Аслак, кузнец.

Гости на свадьбе, старший на свадебном пиру,
музыканты и прочие.

Чета переселенцев.

Их дочери – Сольвейг и маленькая Хельга.

Владелец хутора Хэгстед.

Ингрид, его дочь.

Жених с родителями.

Три пастушки.

Женщина в зеленом.

Доврский старец.

Старший придворный троль. Остальные тролли,
тролицы и тролята.

Несколько ведьм. Гномы, кобольды, лешие и прочие.

Уродец. Голос из мрака. Птичий крик.

Кари, бобылиха.

Мг. Коттон

Monsieg Баллон – путешественники

Господа фон Эберкопф и

Трумпетерстроле

Вор и укрыватель краденого.

Анитра, дочь вождя бедуинов.

Арабы, рабыни, танцовщицы и прочие.

Колосс Мемнона (поющий). Сфинкс близ Гизе (без
речей).

Бегриффенфельдт, доктор философии, директор
сумасшедшего дома в Каире.

Гугу, реформатор малабарского языка.

Хуссейн, восточный министр.

Феллах с мумией.

Сумасшедшие и сторожа.

Норвежский капитан с командой.

Посторонний пассажир.

Пастор.

Толпа на похоронах.

Пристав.

Пуговичный мастер.

Некто сухопарый.

Действие длится от начала XIX века до шестидесятих годов и происходит частью в Гудбрандской долине и близлежащих горах, частью на Марокканском берегу, частью в пустыне Сахара, в сумасшедшем доме в Каире, на море и т. п.

Действие первое

Откос, поросший лиственным лесом, близ хутора Осе. Сверху сбегает речушка. В другой стороне - старая мельница. Жаркий летний день. Пер Гюнт, крепко сложенный парень лет двадцати, спускается по тропке. Мать его, Осе, маленькая и сухонькая, спешит за ним. Она сердита и бранит сына.

Осе

Врешь ты, Пер!

Пер Гюнт

(продолжая идти)

Чего мне врать-то?

Осе

Поклянись!

Пер Гюнт

На кой мне ляд?

Осе

Знаю вашего я брата:
Крутишь, – значит, виноват!

Пер Гюнт

(останавливаясь)

Да не врал я никогда.

Осе

(забегая вперед)

Нет ведь у тебя стыда,
Коли в самый сенокос
С места вдруг тебя сорвало,
И, гляжу, ружье пропало
И добычи не принес.
Не морочь старуху мать,
Все равно ведь не поверю,
Значит, нечего и врать,
Будто задал трепку зверю!
Где же встретил ты оленя?

Пер Гюнт

Подле Гендина.

Осе

(усмехаясь)

Угу.

Пер Гюнт

Он топтался на снегу,
Мордой тыкался в камень,
Мох щипал, а ветер был
Злой...

Осе*(по-прежнему)*

Дал боже пустельгу!

Пер Гюнт

Тут копыта заскрипели,
 Я дыханье затаил
 И гляжу – рога ветвятся.
 Стал к нему я пробираться
 И оленя, право слово,
 Увидал в кустах такого,
 Что в округе с юных дней
 Не видала ты стройней.

Осе

Где уж!

Пер Гюнт

Я курок спустил,
 Зверь упал. И, выиграв схватку,
 Я – к нему, что было сил,
 На него спешу забраться;
 За ухо его хватаю,
 Нож готовясь негодяю
 Ткнуть, не дрогнув, под лопатку, –
 Как начнет он заливаться
 Да как ринется, проклятый,
 Как швырнет меня назад!
 Выпал нож, в руке зажатый,
 И немедля был поднят
 Я оленьими рогами, –
 В клещи, стало быть, попал! –
 И наверх он поскакал
 Сумасшедшими прыжками.

Осе*(неволью)*

Господи!

Пер Гюнт

А ты видала
 Этот Гендин-то хребет?
 И конца ущельям нет,
 И утесов нет острей,
 Бездны, глетчеры, лавины!
 Мы с оленем для начала,
 Сизый воздух рассекая,
 Понеслись, нельзя быстрей,
 Аж до самой до вершины.
 Внове скачка мне такая;
 Огляделся я вокруг,
 А навстречу, вижу вдруг,
 Лучезарные светила,
 Скопом выйдя в небеса,
 Светят так, что ослепило, –
 Чуть не вытекли глаза.
 А огромные орлы
 В непроглядной этой дали,
 Как пушинки среди мглы,
 Невозвратно пропадали.
 Снежные крушились глыбы,
 И с вершин вода лилась.
 Целый ад пустился в пляс!
 Право, спятить мы могли бы.

Осе*(едва держась на ногах)*

Бог спаси!

Пер Гюнт

Пройти должны
 Мы до краю крутизны.
 Тут, сойдя с ума от страха
 И вопя, – помилуй бог! –

У оленя из-под ног
 Малая вспорхнула птаха.
 В сторону рванулся зверь,
 И несемся мы теперь
 С ним в провал, пути не зная.

Осе, чтобы не упасть, прислоняется к дереву.

(Пер продолжает)

Здесь пустыня ледяная,
 А внизу-то бездна ждет!
 И, смятеньем обуяны,
 Мы несемся сквозь туманы,
 Рассекаем птичьи стайки –
 И шарахаются чайки.
 Не сдержать никак полета,
 Вдруг внизу блеснуло что-то –
 Брюхом кверху зверь плывет.
 Это наше отраженье
 В озере пришло в движенье:
 Совершая воспаренье,
 Прямо к нам неслись они –
 Ведь у нас-то шло паденье!

Осе

(чуть не задыхаясь)

Пер! Скорее! Не тяни!

Пер Гюнт

Стало быть, олень небесный
 И олень, рожденный бездной,
 Сшиблись, и пошла мгновенно
 По воде бурлящей пена.
 В воду плюхнулись мы оба.
 Что рассказывать особо:
 Зверь поплыл, и я за ним,
 Вот и вылез.

Осе

А олень?

Пер Гюнт

Бродит в скалах по сей день.

(Щелкнув пальцами и повернувшись на каблуке.)

Сыщешь, так считай своим.

Осе

Как же не свернул ты шею?
 Как не покалечил ног?
 Голова-то как цела?
 Божья воля, разумею,
 Сына моего спасла.
 А до рваной что одежи,
 Где о ней и думать, боже,
 В толк-то взяв, что в скачке этой
 И пропасть сыночек мог.

(Вдруг замолкает, разинув рот и уставясь на сына широко раскрытыми глазами, наконец, найдя слово, вскрикивает.)

Ну и мастер же ты врать!
 Этаких на свете мало!
 Сказкой стал морочить мать!
 Да как в девках я жила,
 В двадцать лет, ее слыхала –
 Это Гудбранда дела,
 Не твои!..

Пер Гюнт

А почему
 Мне не совершить такого?

Осе*(в сердцах)*

Ложь чужую тащат снова,
 К ней приладив бахрому,
 Чтоб не виден никому
 Был скелет вранья былого.
 И сыночек норовит
 Лжи придать нарядный вид.
 Вот ты по каким причинам
 О полете плел орлином,
 Страхов тут нагородил,
 Что уж я была без сил.
 Так не сразу и поймешь,
 Что твои рассказы – ложь!

Пер Гюнт

Я другому так со мной
 Разговаривать не дам!

Осе*(расплакавшись)*

Видит бог, в земле сырой
 Стыть бы лучше мне до срока.
 Сын, бесчувственный к слезам,
 Из тебя не будет прока!

Пер Гюнт

Мама, ты кругом права,
 Успокойся же сперва
 И не плачь...

Осе

Не плакать, зная,
 Что сынок – свинья такая?
 До каких же это пор
 Молча мне терпеть, вдовице:
 Целый век пришлось трудиться,
 А в награду – лишь позор.

(Продолжает плакать.)

Из богатства даже малость
 Нам от деда не досталась.
 Был у деда – помни, внук! –
 Полный золота сундук,
 Да отец твой – знай, сынок! –
 Тратил деньги, как песок.
 Выйти в знать имел в предмете,
 Ездил в золотой карете,
 Только денежки пропали
 Той порой, как пировали, –
 Всякий сброд винище хлопал,
 А потом – стаканом об пол.

Пер Гюнт

Что мне прошлогодний снег?

Осе

Помолчи! Беднее всех
 Нынче дедова усадьба!
 Нам хоть дыры залатать бы!
 Изгородь давно разбита,
 И овчарня вся раскрыта,
 И запущены луга,
 И насели кредиторы...

Пер Гюнт

Хватит! Это чепуха!
 Счастье то отводит взоры,
 То ласкает, как бывало!

Осе

Было поле, пустошь стала!
 Радость у меня одна:
 Нет наглее хвастуна.
 Вот такой у нас когда-то
 Был столичный пастор тут.
 Как тебя, спросил, зовут –
 И потом все разговору:

Имя, дескать, принцу впору.
 Твой отец его богато
 Одарил и дал коня,
 Речи сладкие цена!
 Здесь толклось людей полно:
 Капитан, его ребята,
 Пастор, – всех мне и не счесть,
 Кто не прочь бывал поесть.
 Да от ихнего-то брата
 Проку нету все равно:
 Как нужда заела нас,
 Так небось не кажут глаз.
(Утирая слезы передником.)
 У тебя добротна статья.
 Вот и матери-то хворой
 Мог бы все же помогать
 В работенке хоть которой, –
 И хозяйство сбережешь.
(Продолжая плакать.)
 Ох, не стал мне сын опорой!
 Ты бездельничать хорош,
 На печи лежать любитель
 Да еще в золе возиться.
 Не сыскать у нас девицы,
 Чтобы зря ты не обидел.
 Надо мной смеется всякий –
 Нет денька, чтоб ты без драки.

Пер Гюнт

(отходя)

Отвяжись!

Осе

(идя за ним)

Выходит, что ли,
 Что мои все это бредни
 И что в Лунде ты намедни
 Не подстроил так, что в драке
 Вы сцепились, как собаки?
 А кузнец такой ведь боли
 Натерпелся в пору ту,

Что рукою двинуть боле
Бедняку неволю!

Пер Гюнт

Кто развел такой трезвон?

Осе

(раздраженно)

Да соседка стон слыхала!

Пер Гюнт

(потирая плечо)

Но ведь это мой был стон.

Осе

Ой ли?

Пер Гюнт

Это мне попало!

Осе

Что ты мелешь?

Пер Гюнт

Он силен!

Осе

Кто силен?

Пер Гюнт

Кузнец твой – кто же!

Осе

Тьфу, тебе я плюну в харю
 Да сама тебя ударю!
 Эта пьяная скотина
 Моего избила сына?
(Опять принимаясь плакать.)
 Ох, мне жить постыло, боже!
 Не в диковинку ведь срам,
 А такой не снился нам!
 Он силен. Положим, так.
 Ну, а ты-то что – слабак?

Пер Гюнт

Я ли бил, меня ли били –
 Все наградой слезы были.
(Смеясь.)
 Полно плакать!

Осе

Значит, снова
 Все наврал?

Пер Гюнт

Теперь наврал,
 А уж ты рыдать готова.
(Сжимая и разжимая левую руку.)
 Вот щипцы, куда зажал
 Сын твой кузнеца дурного.
 Молот – был кулак мой правый.

Осе

Ты меня такой забавой
 Непременно вгонишь в гроб.

Пер Гюнт

Никогда. Хочу я, чтоб
 Ты повсюду, дорогая,

Знала от людей почет,
И тебя, поверь, он ждет
От всего родного края.
Лишь немного погоди, –
Будет слава впереди.

Осе

(презрительно)

Слава?

Пер Гюнт

Темен день грядущий.

Осе

Да была бы благодать, –
Дай сыночку вездесущий
Хоть ума портки латать!

Пер Гюнт

(запальчиво)

Мама, ждет меня корона!

Осе

Вот взрастила фанфарона!
Чисто своротил с ума!

Пер Гюнт

Сможешь увидеть сама!

Осе

"Станешь принц, как срок придет" –
Сказку сказывал народ.

Пер Гюнт

Вот увидишь!

Осе

Ты, пострел,
 Вовсе нынче одурел.
 От тебя какой-нибудь
 И взаправду мог быть прок,
 Кабы не дурил, сынок,
 А ступил на добрый путь.
 Ты вот с Ингрид был дружкойм
 И ведь мог ее добиться,
 Захоти на ней жениться.

Пер Гюнт

Думашь?

Осе

Старик всецело
 У нее под башмаком.
 Хоть упрям, всегда он дочке
 Уступал без проволоочки.
 Сладили б со стариком,
 Кабы дочка захотела!
(Снова принимаясь плакать.)
 И ведь как она богата!
 Сколько, Пер, добра у них!
 Захотеть бы только сыну,
 Был бы красен, как жених,
 Не таскал свою рванину!

Пер Гюнт

(живо)

Так пошлем скорее свата!

Осе

К ним?

Пер Гюнт

Да, в Хэгстед.

Осе

Умным будь
И про сватанье забудь.

Пер Гюнт

Почему?

Осе

Хоть плакать впору,
Только счастье улетело.

Пер Гюнт

То есть как?

Осе

(сквозь слезы)

Покуда смело
На олене мчал ты в гору,
Высватал Мас Мон девицу.

Пер Гюнт

Он хорош пугать ворон.

Осе

Женихом объявлен он!

Пер Гюнт

Значит, надо торопиться.
Едем к ней!
(Собирается идти.)

Осе

Не кличь беду!
Поутру у них венчанье.

Пер Гюнт

К ночи я туда дойду.

Осе

Или ты на посмеянье
Выставить меня решил?

Пер Гюнт

Не хитро ее добиться!
(Вскрикивает со смехом.)
Что нам с лошадью возиться!
(Берет мать на руки.)

Осе

Отпусти!

Пер Гюнт

Катить мамаше
На руках на свадьбу ныне!
(Идет вброд через реку.)

Осе

Боже, не стужи в пучине!
Пер, мы тонем!

Пер Гюнт

Я покраше
Смерти жду.

Осе

О том и речь –
Ты горазд на плаху лечь!
(Хватая его за волосы.)
Стой, подлец!

Пер Гюнт

Трясти не след!
Скользко – можно и свалиться.

Осе

Негодяй!

Пер Гюнт

Изволь браниться, –
Мне вреда от брани нет.
Вниз опять уходит край...

Осе

Ты держи!

Пер Гюнт

Играть давай:
Пусть олень уносит Пера.
(Прыгая.)
Я олень, ты, значит, Пер.

Осе

Вся дрожу я, изувер!

Пер Гюнт

Вот он, берег-то, мегера!
(Выходя на берег.)
Ласки заслужил олень,
Коль таскать ему не лень.

Осе

(давая ему затрецину)

Получай!

Пер Гюнт

Ну и рука!
Слишком плата высока!

Осе

Отпусти!

Пер Гюнт

Поспеть до свадьбы
Надо нам. Ты, мать, умна.
Что Мас Мон – дурак, должна
Ты соседу втолковать бы.

Осе

Прочь!

Пер Гюнт

И надобно бы, мать,
Как хорош Пер Гюнт, сказать.

Осе

Ну, уж в этом-то вполне
Ты, сынок, доверься мне.
Я сполна воздам герою,
Штуки все твои раскрою,
Будет от меня почет.

Пер Гюнт

Вот как?

Осе

(злбно пиная его ногой)

После разговору
Вряд ли там собачью свору
На тебя не спустят, черт!

Пер Гюнт

Так один пойду я в гости.

Осе

Или не найду я следа?

Пер Гюнт

Не дойдешь ведь, непоседа!

Осе

То есть как же не дойду,
Коли я глотать со злости
Камни рада, как еду...
Ну, пусть!

Пер Гюнт

Клянись сначала...

Осе

В чем? Все будет, как сказала.
Пусть узнают, кто ты есть.

Пер Гюнт

Подождешь меня ты здесь.

Осе

Дудки! Вслед пойду я сыну!

Пер Гюнт

Не пойдешь.

Осе

С чего бы это?

Пер Гюнт

Да на мельницу закину.
(*Сажает ее на крышу мельницы.*)

Осе кричит.

Осе

Дай сойти!

Пер Гюнт

Я жду ответа.

Осе

Прежний!

Пер Гюнт

Ну, подумай, мать.

Осе

(*бросая в него кусок дерна*)

Помоги на землю встать!

Пер Гюнт

И хотел бы, да опасно.
(*Подойдя поближе.*)
Не беснуйся ты напрасно,
А веди себя потише.
И не вздумай камни с крыши

Вдруг бросать, а то ведь можно
И самой сорваться.

Осе

Скот!

Пер Гюнт

Что ты?

Осе

Пусть тебя возьмет
Черт в тартарары, ей-богу!

Пер Гюнт

И не стыдно?

Осе

Тьфу!

Пер Гюнт

Ты б лучше
Пожелала на дорогу
Мне добра.

Осе

Хоть ты верзила,
Изобью! Ты так и знай!

Пер Гюнт

Ладно; матушка, прощай!
Ты неплохо пошутила.

*(Уходя, оборачивается и предостерегающе
поднимает палец.)*

Не свались, неровен случай!
(Уходит.)

Осе

Пер, спаси! Уходит, боже!
 Воротись, болван! Свинья!
 Ну, на что это похоже!
 Не глядит.

(Громко.)

Спуститься мне бы!

К мельнице приближаются две старухи с мешками за спиной.

Первая старуха

Что за вопли?

Осе

Это я!

Вторая старуха

Ишь, как Осе высоко!

Осе

Тут держаться нелегко.
 Прямо хоть взлетай на небо.

Первая старуха

Добрый путь!

Осе

Вы мне бы дали
 Лестницу! Проклятый Пер!

Вторая старуха

Ваш сынок?

Осе

Теперь видали,
Как мне жить с ним, – вот пример.

Первая старуха

Подтвердим.

Осе

Как мне спустится?
В Хэгстед надо торопиться!

Вторая старуха

Там сынок?

Первая старуха

Над ним расправу
Учинит кузнец на славу!

Осе

(ломая руки)

Он забьет его, скотина!
Боже, сохрани мне сына!

Первая старуха

Быть назначенному свыше!
Не изменишь долю нашу!

Вторая старуха

Ох, не удержаться ей.
(Громко крича вверх.)
Эйвинд, Андрес, побыстреей!

Мужской голос

Что стряслось?

Вторая старуха

Пер Гюнт на крышу
Засадил свою мамашу.

Небольшой холм, поросший кустами и вереском. За плетнем – дорога. Пер Гюнт, спустившись по тропке, подходит к плетню и останавливается, созерцая открывшуюся картину.

Пер Гюнт

Ну, вот и Хэгстед. Нечего страшиться,
(заносит ногу, чтобы перебраться через плетень, и замирает)

Коль Ингрид у себя одна в светлице.
(Держа ладонь над глазами, всматривается.)

Но если у нее теперь народ?
Тогда мне лучше двинуться обратно.
(Опускает ногу.)

Присутствие людей мне неприятно.
От шепотка их просто жар берет.
(Отходит от плетня и в задумчивости обрывает листья с куста.)

Питья покрепче выпить бы какого
Иль незамеченным пройти среди гостей,
Чтоб не узнали. Выпить бы верней.
Тогда я смеха не боюсь людского.
(Внезапно, точно испугавшись, озирается и прячется в кустах.)

К хутору проходят несколько человек с подарками.

Мужчина

(продолжая разговор)

Отец пьянчуга был, ума решилась мать.

Женщина

Ну, как сынку бездельником не стать?

Проходят. Чуть погода Пер Гюнт, красный от стыда,
появляется из кустов и глядит им вслед.

Пер Гюнт

(тихо)

Не про меня ли?

(Нарочито смеясь.)

Пусть их. Мне не жалко.

От этой болтовни ни холодно, ни жарко.

*(Бросается на вереск и, подложив руку под голову,
лежит на спине, глядя ввысь.)*

Что в небесах? Вот облако похоже на коня.

А вот на человека. Вот на сбрую.

А вот на помеле несет старуху злую.

(Посмеиваясь.)

Да это мать. Она бранит меня:

Негодник Пер!

лаза начинают слипаться.)

Вот страх мелькнул во взгляде:

Пер Гюнт верхом и свита едет сзади.

Ветром развеяна конская грива, —

Едет Пер Гюнт на коне торопливо,

Длинная мантия по ветру вьется,

Следом лихая дружина несется.

Но меж бойцов не отыщется, право,

Ни одного, чтоб держался столь браво.

Люди выходят навстречу: мужчина

Шапку сорвет, увидав властелина,

Женщина склонится в низком поклоне.

Едет с дружиной Пер Гюнт и в короне.

Шиллинги там и монету иную

Мечет ошую он и одесную.

Все точно графы. Развеялось горе.

Едет Пер Гюнт напрямик через море.

Ждет его войско английского принца,

Леди норвежцу спешат поклониться,

Из-за столов своих вышли вельможи,

Вышел английский король с ними тоже

И, сняв корону, сказал свое слово...

Кузнец Аслак

(проходя с оружками за плетнем)

Опять свинья Пер Гюнт упился через край.

Пер Гюнт
(*приподымаясь*)

Как государь...

Кузнец
(*с усмешкой, опершись о плетень*)

А ну, давай вставай!

Пер Гюнт

Кузнец? Тьфу, дьявол! Ты откуда взялся?

Кузнец
(*дружкам*)

Красавец наш, как видно, не проспался.

Пер Гюнт
(*вскакивая*)

Пошел отсюда!..

Кузнец

Я-то что ж,
Да только сам откуда ты идешь?
Тебя уже ведь шесть недель как нет.

Пер Гюнт

Что было! Не видал такого свет!

Кузнец
(*подмигивает дружкам*)

Вот ты и расскажи!

Пер Гюнт

Секрет.

Кузнец
(немного погодя)

Ты в Хэгстед?

Пер Гюнт

Нет!

Кузнец

А люди говорят –
Там сохнут по тебе который год подряд.

Пер Гюнт

Язык попридержи!

Кузнец
(отступая)

Ты погоди.
Не выйдет здесь, так девок пруд пруди!
Тебе на свадьбу надо заявиться
И хромоножку взять, а то еще вдовицу...

Пер Гюнт

К чертям!

Кузнец

Мы и тебя обженим честь по чести!
Прощай! Я передам поклон твоей невесте.

Уходят, шепчась и пересмеиваясь.

Пер Гюнт
(глядит им вслед, потом, махнув рукой,
отворачивается)

Пускай венчается девица
С кем вздумает. Мне, право, все равно.

Старший на свадебном пиру
(*подойдя к другой кучке гостей*)

Не выпить ли по чарке, братцы?

Мужчина

И так мы пьяны от твоих щедрот.

Парень
(*проносясь в паре с девушкой мимо музыканта*)

Эх, вдарь-ка, Гуторм, побойчее, что ли!

Девушка
Играй, чтоб слышно было в чистом поле!

Девушки
(*окружив пляшущего парня*)

Лихой прыжок!

Одна из них

Уж он мастак на пляски.

Парень
(*танцуя*)

Ни потолка, ни стен, – так чешешь без
опаски!

Жених
(*подойдя к отцу, беседующему с гостями, дергает его за рукав и хнычет*)

Отец, она не хочет. Злитесь так...

Отец

Что там у вас?

Жених

Она закрылась на засов...

Отец

Ключ, стало быть, сыщи – и всех делов!

Жених

А где его искать?

Отец

Ну и дурак!

(Возвращается к своим собеседникам, а жених продолжает слоняться по двору.)

Парень

(появляясь из-за дома)

Красотки, вы такой потехи не видали!
Пер Гюнт пришел.

Кузнец

(только что вошедший)

Кто звал его?

Старший на пиру

Не звали.

(Уходит в дом.)

Кузнец

(девушкам)

Вам в разговор вступать не надо с
шалопаем.

Девушка
(подружкам)

А мы прикинемся, что мы его не знаем.

Пер Гюнт
(румяный и оживленный, подходя к девушкам и хлопая в ладоши)

Кого тут самой ловкой величали?

Девушка
(к которой он направляется)

Нет, не меня.

Другая

И не меня.

Третья

И не меня ведь!

Пер Гюнт
(четвертой)

Пошли! Свой выбор я еще смогу исправить.

Четвертая
(отворачиваясь)

Я занята.

Пер Гюнт
(пятой)

Пойдем!

Пятая
(отходя)

Я тороплюсь домой.

Пер Гюнт

С такой пирушки? Разума лишилась!

Кузнец

(немного погодя, вполголоса)

Гляди-ка, Пер, – со стариком пустилась.

Пер Гюнт

(быстро оборачиваясь к пожилому мужчине)

А где ж все девушки?

Мужчина

Ищи, любезный мой.

(Отходит в сторону.)

Пер Гюнт притих и глядит на гостей исподлобья. Все на него смотрят, но никто не заговаривает. Он подходит к разным кучкам, – везде тотчас замолкают; когда же он удаляется, его провожают улыбки.

Пер Гюнт

(про себя)

Везде смешки, куда ни повернешь,

Как будто в сердце всаживают нож.

(Идет вдоль плетня.)

Держа за руку маленькую Хельгу, во двор входит Сольвейг, за ними следуют родители.

Гость

(другому, стоящему неподалеку от Пера Гюнта)

Переселенцы к нам.

Второй гость

А жили где досель?

Первый

Как будто в Хексе.

Второй

Да, они из западных земель.

Пер Гюнт

(загораживая пришельцам дорогу, спрашивает у мужчины, указывая на Сольвейг)

С ней можно поплясать мне?

Мужчина

(тихо)

Отчего ж.

Мы лишь хозяевам поклонимся сначала.

Входят в дом.

Старший на пиру

(угощая Пера Гюнта)

А глотку промочить бы не мешало!

Пер Гюнт

(не сводя взора с уходящих)

Спасибо. Хуже пляшешь, если пьешь.

Старший на пиру отходит от него. Пер Гюнт смотрит, улыбаясь, на дом.

Она как свеченька! Таких тут не видать.
 Глядит все долу, – не поймашь взгляда.
 Одной ручонкой держится за мать,
 В другой – молитвенник. Получше надо
 К ней присмотреться.
(Хочет войти в дом.)

Парень

(появляясь с друзьями)

Пер! Вот это да!
Уходишь с танцев ты?

Пер Гюнт

Да нет!

Парень

Тебе сюда!
(Берет его за плечо, пытаясь повернуть.)

Пер Гюнт

Пусти!

Парень

Боишься кузнеца, что держишься так
робко?

Пер Гюнт

Еще чего?

Парень

А помнишь, в Лунде что была за
трепка?

Гости со смехом устремляются к месту танцев.

Сольвейг

(в дверях)

Не ты ли, парень, звал меня на танцы?

Пер Гюнт

Тебе самой никак не догадаться?

(Беря ее за руку.)

Пошли.

Сольвейг

Да я боюсь – мамаша позовет.

Пер Гюнт

Мамаша позовет? Тебе который год?

Сольвейг

Смеяться вздумал?

Пер Гюнт

Мне сперва казалось,
Совсем ты взрослая.

Сольвейг

Весной конфирмовалась.

Пер Гюнт

Скажи, как звать тебя, – беседа станет
красше.

Сольвейг

Меня звать Сольвейг, а тебя как звать?

Пер Гюнт

Пер Гюнт.

Сольвейг

(вырывая руку)

Ах, господи!

Пер Гюнт

Да что с тобой опять?

Сольвейг

Подвязку подколоть я сбегая к мамаше.
(*Уходит от него.*)

Жених

(*подойдя к своей матери*)

Не хочет, мать, она...

Мать

Чего, сынок?

Жених

Не хочет, стало быть...

Мать

Чего?

Жених

Поднять задвижку.

Отец

(*раздраженно, вполголоса*)

Вот взять бы да и выпороть мальчишку!

Мать

Оставь. Все сам поймет, настанет срок.

Уходят.

Парень

(с ватагой приятелей придя с лужайки, где танцуют)

Пер, хочешь водки?

Пер Гюнт

Нет.

Парень

Глотни чуть-чуть.

Пер Гюнт

(угрюмо на него глядя)

А разве есть?

Парень

Пей, ради бога.

(Достав бутылку, пьет.)

Эх, припекает! Будешь?

Пер Гюнт

Дай немного.

(Пьет.)

Второй парень

Тебе бы надо и моей глотнуть!

Пер Гюнт

Нет.

Второй парень

Хоть глоток бы полагалось.

Пей, не робей!

Пер Гюнт

Давай пригублю малость.
(*Снова пьет.*)

Девушка
(*вполголоса*)

Пойдем отсюда.

Пер Гюнт

Я внушаю страх?

Третий парень

Ты? Всем и каждому!

Четвертый парень

Мы в Лунде прошлый раз
Видали все, что ты сильнее нас.

Пер Гюнт

Еще вы мой узнаете размах!

Первый парень
(*шепотом*)

Он снова стал собой.

Остальные
(*обступая Пера Гюнта*)

Так в чем всего свободней
Ты чувствуешь себя?

Пер Гюнт

Потом.

Окружающие

Скажи сегодня!

Девушка

Ты, часом, не колдун?

Пер Гюнт

Могу призвать и черта.

Мужчина

С ним бабушка моя справлялась лучше
всех!

Пер Гюнт

Сравнил! Мои дела иного сорта.
Я как-то раз его загнал в орех.
Понятно, со свищем.

Окружающие

(Смеясь)

Догадливость какая!

Пер Гюнт

Он причитал, вопил, напасти насылая,
И царство мне сулил.

Один из окружающих

А все ж в скорлупку влез?

Пер Гюнт

Само собой. И как пищал там бес,
Когда я щепками позатыкал прорехи!

Девушка

Подумайте!

Пер Гюнт

Казалось, шмель в орехе.

Девушка

Он все еще в скорлупке?

Пер Гюнт

Как не так!

Небось лукавый смыться не дурак.
Кузнец-то на меня ведь из-за черта зол.

Парень

Неужто?

Пер Гюнт

К кузнецу с орехом я пришел,
Прошу его: разбей! И Аслак, натурально,
Скорлупку положил к себе на наковальню,
А у него тяжелая рука,
Он поднял молот свой повыше...

Голос из толпы

И черта порешил?

Пер Гюнт

Попал наверняка, –
Его рука, я говорю, крепка, –
Да искрой черт ушел, оставив дырку в
крыше.

Голоса

Ну, а кузнец?

Пер Гюнт

Да обгорел кузнец.
Тут нашей дружбе и пришел конец.

Все смеются.

Некоторые

Побасенка складна!

Другие

Допрежь похуже были!

Пер Гюнт

Я, что ли, сочинил?

Мужчина

Что сочинять, блажной,
Когда об этом, как о давней были,
Мне дед рассказывал.

Пер Гюнт

Нет, было так со мной!

Мужчина

С тобой все будет!

Пер Гюнт

(вертясь на каблуке)

Мы с моей лошадкой
Над хутором по воздуху парили!
Я и не то могу! Я парень хваткий!

разом!

Многие

Намнут тебе бока! Жди фонаря под глазом!

Толпа рассеивается: пожилые уходят осерчав, молодые – развеселившись.

Жених

(подойдя к Перу Гюнту)

Неужто, Пер, летаешь ты, как птица?

Пер Гюнт

(отрывисто)

Летаю, Мас. А разве не похоже?

Жених

Под шапкой-невидимкой можешь
скрыться?

Пер Гюнт

Я все могу. Могу и это тоже.

(Отворачивается от него.)

По двору, ведя за руку Хельгу, проходит Сольвейг.

(Лицо его проясняется.)

Ах, Сольвейг, славно, что пришла ты снова!

(Хватая ее за руку.)

Мы потанцуем. Я – твой кавалер.

Сольвейг

Пусти!

Пер Гюнт

Да почему?

Сольвейг

Ты дикий, Пер!

Пер Гюнт

Дичает и олень от вешнего-то зова!
Ну, почему со мной ты не идешь?

Сольвейг

(вырывая руку)

Боюсь.

Пер Гюнт

Чего?

Сольвейг

Да ты ведь пьяный!

(Отходит с Хельгой.)

Пер Гюнт

О, я бы в этой своре окаянной
Рад в сердце каждому вонзить свой нож!

Жених

(толкая его локтем)

Пер, пособил бы мне войти к невесте!

Пер Гюнт

(рассеянно)

Куда к невесте?

Жених

Да в амбар!

Пер Гюнт

Ах, вот куда!

Жених

Такая, видишь, у меня беда.

Пер Гюнт

Ты помощи себе в другом искал бы месте.
(Вдруг, осененный мыслью, тихо и резко.)
 В амбаре Ингрид!
(Подойдя к Сольвейг.)
 Нрав твой не смягчился?

Сольвейг хочет уйти, он преграждает ей путь.

Стыдишься ты, что я такой вахлак?

Сольвейг

(быстро)

О нет, ты выглядишь совсем не так.

Пер Гюнт

Конечно, так! И хмель, мой давний враг,
 Мной овладел. Я на тебя озлился.
 Пойдем.

Сольвейг

Не смею, хоть бы и хотела.

Пер Гюнт

Да кто помеха?

Сольвейг

Больше всех отец.

Пер Гюнт

Отец? А держится он вроде бы несмело
И с виду кроток. Отвечай же наконец!

Сольвейг

Что отвечать?

Пер Гюнт

Сектант отец твой кроткий?
И ты, и мать, и вся твоя семья?
Ну, говори.

Сольвейг

Пойду отсюда я.

Пер Гюнт

Ну, нет.

(Понижая голос, но резко и угрожающе.)

Чуть захочу, я троллем становлюсь,
И ровно в полночь я к тебе явлюсь.
Раздастся шорох у перегородки, —
Ты не воображай, что кошка это.
То буду я. Кровь высосу из жил я у тебя
совсем.

Сестру же малую и вовсе съем.
Я оборотнем буду до рассвета,
Обезображу все твои черты.

(Вдруг, словно испугавшись, меняя тон на умоляющий.)

Ну, потанцуй со мной.

Сольвейг

(глядя на него с содроганием)

Как был ужасен ты!

(Уходит в дом.)

Жених
(*подойдя снова*)

Отдам вола за помощь!

Пер Гюнт

Ну, пойдём!

Уходят в дом. В это время с лужайки, где танцуют, приходит толпа, многие пьяны. Шумно. Сольвейг и Хельга с родителями и еще несколько пожилых гостей появляются в дверях дома.

Старший на пиру
(*кузнецу, идущему впереди других*)

Уймись!

Кузнец
(*снимая куртку*)

Нет в мире места нам вдвоем.
Нам с Пером Гюнтом надобно сразиться.

Некоторые

Пускай сражаются.

Другие

С них будет побраниться!

Кузнец

В словах, нет проку, силу пустим в ход!

Отец Сольвейг

Опомнись!

Хельга

Мама, он его убьет?

Парень

Да в шутке проку больше, чем в ударе.

Второй

Прогнать его со свадьбы!

Третий

Плюнуть в харю!

Четвертый

(кузнецу)

Полезешь все же?

Кузнец

(сбрасывая куртку)

С толку не собьете!

Переселенка

(Сольвейг)

Видала ты, в каком он здесь почете?

Осе

(появляясь с палкой в руке)

Сынок мой здесь? Исколочу озорника!
Побью и душу облегчу свою!

Кузнец

(закатывая рукава)

Такая палка для него легка!

Некоторые

Прибьют его, свинью!

Другие

Раскиснет он в бою.

Кузнец

(поплевав на руки и кивнув Осе)

Убью!

Осе

Еще чего? Попробовать посмей!

Узнаешь остроту моих ногтей.

А где он?

(Крича на весь двор.)

Пер!

Жених

(вбегая)

Эх, чертова судьбина!..

Отец и мать, сюда!..

Отец

Да что случилось?

Жених

Пер Гюнт...

Осе

(вскрикивая)

Они убили сына!

Жених

Взгляни на скалы, сделай милость!

Толпа

С невестой!

Осе

(опуская палку)

Чудище!

Кузнец

(ошеломленный)

Хвастун безбожный
Идет по краю гибельных высот!

Жених

(плача)

Ее, как поросеночка, несет!

Осе

(грозя Перу)

Дай бог тебе сорваться!
(В ужасе вскрикивая.)
Осторожней!

Владелец Хэгстеда

(выбежав из дому с непокрытой головой, бледный от злости)

За похищение невесты он умрет!

Осе

Так я вам и позволю, жалкий сброд!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Узкая горная тропа. Раннее утро. С горы быстро сбегает Пер . Он сердит. Ингрид, одетая в то, что уцелело от подвенечного платья, стремится его удержать.

Пер Гюнт

Прочь!

Ингрид
(плача)

А как же то, что было?

Пер Гюнт

Будешь плакаться потом!

Ингрид
(ломаю руки)

Обманул!

Пер Гюнт

Заголосила!
Мы отсюда врозь пойдем.

Ингрид

Да ведь грех связал хотя бы...

Пер Гюнт

Век припоминают бабы,
Как пред чертом были слабы.
Лишь одна чиста!..

Ингрид

Да кто же?

Пер Гюнт

Уж не ты.

Ингрид

Однако кто ж?

Пер Гюнт

Ты ступай, куда идешь!
К бабушке!

Ингрид

Ты мне дороже!

Пер Гюнт

Замолчи!

Ингрид

Сейчас ты тоже
Лжешь!

Пер Гюнт

Ручаюсь головой!

Ингрид

Оболезил и, значит, драла?

Пер Гюнт

От тебя мне проку мало!

Ингрид

Да ведь Хэгстед будет твой!

Пер Гюнт

К материнскому подолу
Льнешь с молитвенником ты ли?
Ты ли взор склоняешь долу?
Косы у тебя ль златые?
Ну?

Ингрид

Нет, но...

Пер Гюнт

Конфирмовалась
Ты весной?

Ингрид

Нет, я к весне...

Пер Гюнт

Разве ты робка очами?
Разве ты откажешь мне?

Ингрид

Спятил он, святые с нами!

Пер Гюнт

При тебе ль я чист вполне?
Ну?

Ингрид

Послушай...

Пер Гюнт

Что ж осталось?
(Собирается уходить.)

Ингрид

Удерешь – что ты за гнусь, –
Все узнают.

Пер Гюнт

Что ж такого?

Ингрид

Женишься – так станешь снова
Богачом.

Пер Гюнт

Я не стремлюсь.

Ингрид

(заливаясь слезами)

Соблазнил!

Пер Гюнт

Сама пошла ты.

Ингрид

Грусть брала.

Пер Гюнт

А я был пьян.

Ингрид

(с угрозой)

Ты заплатишь за обман!

Пер Гюнт

Понакладнее без платы.

Ингрид

Все продумано?

Пер Гюнт

Сполна.

Ингрид

Быть расчетливей пора бы...
(Спускается.)

Пер Гюнт

(минуту помедлив, кричит ей вслед)

Позабить не могут бабы,
Как они пред чертом слабы!

Ингрид

(обернувшись, глумливо кричит)

Есть одна!

Пер Гюнт

Да, лишь одна!

Уходят в разные стороны.

Горное озеро, кругом болота. Надвигается гроза. Осе, в отчаянье крича, озирается по сторонам, Сольвейг едва за ней поспекает. Поодаль за ними идут переселенцы с Хельгой.

Осе

(размахивая руками и хватаясь за волосы)

Против меня все нынче восстало,

Небо, и воды, и грозные скалы;
 Сбивает гроза его с верной дороги,
 Стали болота засасывать ноги,
 Камней на него низвергается град,
 А люди? Его прикончить хотят!
 Но ты сохрани его, господи правый!
 Поверь, что попутал сыночка лукавый!

(Оборачиваясь к Сольвейг.)

"Да как же попутал?" – задашь ты вопрос.
 Он все небылицы нелепые нес,
 Он лишь на словах во всем был мастак,
 Он взяться за дело не мог никак.
 Хоть смейся, хоть плачь, только вот он,
 ответ;

Немало мы в жизни извели бед,
 Открою тебе: мой покойный супруг
 Всегда был пьянчуга из самых пьянчуг,
 Болтался повсюду, спуская добро,
 А мы, сидя дома, любили с малюткой
 Забыться за сказкой какой или шуткой;
 Судьбину нам вытерпеть было хитро.
 И радости мало, что правду мы знали, –
 Нам скинуть бы тяготы, что нависли,
 Да разогнать недобрые мысли!
 Известно: кто пьет, кто мечтает в печали.
 И вместе со мной грезил, стало быть, он,
 Что смел королевич и злобен дракон,
 Что дев похищают. Пойми, отчего
 Так все и сидит в голове у него.

(Снова вскрикивая в ужасе.)

Ох, леший какой, водяной, что ли, это?
 Пер! Пер! Выходи! Он поблизости где-то.
(Взбегает на приговор и смотрит на озеро.)

Подходят переселенцы.

Должно быть, ошиблась.

Мужчина

(тихо)

Тем хуже ему.

Осе
(плача)

Мой бедный козленочек канул во тьму!

Мужчина
(кротко кивая)

Он канул во тьму.

Осе

Ты смеяться не смей!
На свете не сыщется парня славней.

Мужчина

Безумная!

Осе

Пальцем ты в небо попал.
Я, может, безумна, да сын мой удал.

Мужчина
(по-прежнему тихо и мягко)

Погиб он, душа замутилась вконец.

Осе
(в ужасе)

О нет, милосерден небесный отец!

Мужчина

Ему отомолить не дано прегрешений.

Осе
(горячо)

Зато он летает верхом на олене!

Женщина

О, господи!

Мужчина

Это одна болтовня!

Осе

С пути не собьется сынок у меня!
Вот только бы век его дольше продлился!

Мужчина

Молись, чтоб на плахе сынок очутился!

Осе

(вскрикивая)

Помилуй нас, боже!

Мужчина

Он только на плахе
Слова покаяния вымолвит в страхе.

Осе

(в отчаянье)

Вот страсть-то! Сыскать поскорее бы надо
Сыночка!

Мужчина

Спасти его душу!

Осе

И плоть!
Коварство окрестных болот побороть,
Укрытие дать ему от камнепада.

Сольвейг
(Осе)

Еще расскажи.

Осе
(утирая глаза)

О сыночке?

Сольвейг

О нем.

Подробнее.

Осе
(улыбаясь)

Усталость тебе нипочем?

Сольвейг

Рассказывать ты бы устала сначала,
А слушать бы я не устала.

Низкие голые холмы, за ними скалы, еще дальше – снежные
вершины. Длинные тени. Вечерет.

Пер Гюнт
(быстро входя и останавливаясь на холме)

Вдогонку за мной бежит весь приход,
Кто держит ружье, кто дубину несет,
Старик хуторянин уж больно не в духе.
Что в горы ушел я, дошли, видно, слухи.
И прежде я мог кузнеца одолеть,
А нынче во мне пробудился медведь.
(Размахивая руками и подпрыгивая.)
Скалу опрокинуть, сосну корчевать,
Сдерживать водопад, – вот она, благодать.
Лишь так пробуждаются души во мраке,
И к дьяволу пустопорожние враки!

Три пастушки

(носясь по холмам с криком и пением)

Тронд из Вальфелла! Борд и Коре!
Тролли, давайте гульнем на просторе!

Пер Гюнт

Кого вы там кличете?

Девушки

Троллей зовем.

Первая девушка

Тронд, приласкай!

Вторая девушка

Борд, возьми-ка силком!

Третья девушка

Пусто сегодня у нас в сыроварне.

Первая девушка

Осилят, лаская.

Вторая девушка

Ласкают силком.

Третья девушка

Нету парней, так с троллем гульнем!

Пер Гюнт

Где ж они, парни?

Все три*(хохоча)*

Да заняты парни!

Первая девушка

Мой все обхаживал, звал пожениться,
А обвенчался с богатой вдовицей.

Вторая девушка

Мой до цыганки был больно охоч,
Вот они вместе и канули в ночь.

Третья девушка

Мой укокошил нашего сына.
Скалит он зубы в петле, дурачина!

Все три

Тронд из Вальфелла! Борд и Коре!
Троли, давайте гульнем на просторе!

Пер Гюнт*(прыгнув, оказывается подле них)*

Троль я треглавый, сгожусь на троих.

Девушки

Да ну?

Пер Гюнт

Убедитесь в силах моих!

Первая девушка

Бегом в сыроварню!

Вторая девушка

Есть мед!

Пер Гюнт

Сдвинем кружки!

Третья девушка

Не сыщется нынче пустой комнатухи!

Вторая девушка

(целуя Пера)

Горяч он, как печки железной заслонка!

Третья девушка

(целуя Пера)

Светит, как в сумраке глазки ребенка!

Пер Гюнт

(танцуя с пастушками)

Мысли распутны, а на сердце грусть.
В слезах все горло, хоть громко смеюсь.

Девушки

(строя рожки горам)

Тронд из Вальфелла! Борд и Коре!
Троли, без вас мы гульнем на просторе!
(Танцуя, увлекают Пера Гюнта за собой в горы.)

Рондские горы. Солнце садится. Кругом сияют снежные вершины.

Пер Гюнт

(ступая нетвердо, точно во хмелю)

Выситя замок воздушный,

Славно блестят ворота.
Стои ты, дурак непослушный,
Скачешь в какие места?
Петел, взмахнувши крылами,
С флюгера рвется в полет,
В небе, покрыта снегами,
Горная цепь встает.
Что за стволы и коряги
Высятся в белых снегах?
Это, исполнен отваги.
Витязь на птичьих ногах.
Что там за радуга встала,
Мне ослепившая взор,
Зоркие очи застлала
И заслонила простор?
Голову словно сдавило,
Держит клещами виски,
Что за нечистая сила
Мозг мне зажала в тиски?
(Повалившись наземь.)
Гендин под вихрем летучим,
Басни, вранье, похвальба,
Скачка с невестой по кручам
Через хребты – и гульба!
Сладишь с гурьбой ястребиной,
К девкам подвыпившим льнешь,
Дружбу ведешь с чертовщиной,
Падок бываешь на ложь.
(Пристально глядя ввысь.)
Реют орлы в поднебесье,
Гуси уходят к теплу.
Что же закапывать здесь мне
Жизнь мою в мерзость и мглу?
(Вскакивая.)
С ними хочу я умчаться,
Смыть все, что было досель,
К чистому свету подняться
И окунуться в купель.
С долей покончив пастушей,
Быть я хочу вознесен
Выше над морем и сушей,
Нежели английский трон.
Зря надо мной вы смеетесь,

Сжав горделиво уста.
 Здесь вы даров не дождетесь, –
 Разве удара хлыста!
 Что это? Сгнули птицы?
 Взял их к себе сатана!
 Что там в тумане таится?
 Вроде бы крыша видна.
 Дом вырастает высоко, –
 А ведь сызмальства знаком.
 Вижу теперь издалека
 Новенький дедовский дом!
 В нем не гниют половицы,
 Он не убог и не сир.
 Свет из окошек струится,
 Пышный справляется пир.
 Звякнут ножом по стакану,
 В зеркало трахнут бутылъ,
 Все расточается спьяну,
 Все обращается в пыль.
 В тягость не будет нам шкода,
 Нечего сетовать, мать.
 В честь продолжения рода
 Вздумал Йун Гюнт пировать.
 Воплям какая причина?
 Что там еще за возня?
 А! Капитан кличет сына,
 Пастор наш пьет за меня.
 Пер, выступай из потемок!
 В песнях поют напрямик:
 Ты великанов потомок, –
 Будешь, выходит, велик!

(Бросается вперед, но, стукнувшись носом о выступ скалы, падает и остается лежать.)

Лиственная роща, слышен шелест деревьев. Сквозь листву
 проглядывают звезды, на ветках поют птицы.
 Появляется женщина в зеленом, следом – приударяющий за
 ней Пер Гюнт.

Женщина в зеленом
(остановившись и обернувшись)

А верно ль?

Пер Гюнт

(проводя пальцем по горлу)

Вернее, чем то, что я Пер,
Чем то, что твои несравненны красоты.
Тебе будет славно со мной. Например,
Избавлю тебя я от всякой работы.
Не зная труда, сможешь есть до отвала.
А за косы драть я не стану нимало.

Женщина в зеленом

И драться не будешь?

Пер Гюнт

Да я? Нипочем!
Ведь мы, королевичи, женщин не бьем.

Женщина в зеленом

А ты королевич?

Пер Гюнт

Да.

Женщина в зеленом

Я – королева.

Пер Гюнт

Мы пара, что надо, – сейчас под венец.

Женщина в зеленом

На Доврском нагорье король – мой отец.

Пер Гюнт

Здесь мать моя правит сурово и гневно.

Женщина в зеленом

Король, мой отец, прозывается Бросе!

Пер Гюнт

А матушку звать королева Осе.

Женщина в зеленом

Отец разъярится – колышутся скалы.

Пер Гюнт

Мать станет браниться – начнутся обвалы.

Женщина в зеленом

Отец мой летает в небе высоком.

Пер Гюнт

А мать проплывает по бурным потокам.

Женщина в зеленом

Всегда на тебе лохмотья висят?

Пер Гюнт

Увидела б ты мой воскресный наряд!

Женщина в зеленом

И в злато и в шелк всякий день я одета.

Пер Гюнт

Послушай, тряпье обветшавшее это!

Женщина в зеленом

Нет, выслушай речь ты сначала мою,

Таков уж обычай в нагорном краю.
 Что все раздвоилось. Нездешние, словом,
 Все вещи тут видят не с той стороны:
 Отец тебя примет в покое дворцовом,
 Но скалы одни тебе будут видны.

Пер Гюнт

А разве у нас не такие дела?
 Не выглядит золото словно зола?
 И ежели светит заря к нам в окошко,
 Не кажется нам, что торчит в нем рогожка?

Женщина в зеленом

Черное белым слывет, уродство слывет
 красотой.

Пер Гюнт

Великое – малым, а грязь – чистотой.

Женщина в зеленом

(бросаясь ему на шею)

Взаправду, как общего много меж нами!

Пер Гюнт

Еще бы! Точь-в-точь как у ног со штанами!

Женщина в зеленом

(крича)

Эй, свадебный конь, заворачивай к нам!

Выбегает свинья с веревкой вместо уздечки и старым мешком вместо седла. Пер Гюнт садится на нее верхом и сажает впереди себя женщину в зеленом.

Пер Гюнт

Сюда! Мы отправимся к Рондским вратам.
 Ну, добрый коняга, живее вперед!

Женщина в зеленом*(томно)*

Ах, думала ль я, что унынье пройдет!
Заглядывать в завтра – пустое занятие.

Пер Гюнт*(погоняя свинью)*

Лихая езда – привилегия знати.

Тронный зал Доврского старца. Толпа придворных тролей, гномов и леших. На троне – Доврский старец в короне и со скипетром. По сторонам сидят его дети и родичи. Пер Гюнт стоит перед ним. Шум и волнение.

Придворные тролли

Смерть человеку! Дочь Доврского старца
Завлек, обманул, обесчестил он!

Троленок

А можно ему в шевелюру забраться?

Другой троленок

А можно отрезать преступнику пальцы?

Тролица

Дозвольте-ка мне покусать святотатца!

Тролиха-ведьма*(с ложкой)*

А может, сгодится он на бульон?

Другая троллиха-ведьма

А может, ему подойдет сковородка?

Доврский старец

Молчать!

(Подзывает ближайших советников.)

Нам не вопли потребны, а сметка
 Мы как-то раскисли за нынешний год.
 Спасенья не знаем от бед и невзгод.
 Так рады же будем оказии всякой.
 А парень, по-моему, смотрит рубакой,
 Недурно сложен и красавец собой.
 Одна голова у него, в самом деле.
 Но дочка ведь тоже с одной головой.
 Что ж, тролли о трех головах устарели.
 Теперь двухголового сыщешь едва,
 И много ли стоит его голова?
(Перу Гюнту.)
 Ты хочешь, чтоб дочка женой тебе стала?

Пер Гюнт

В приданое мне королевство бы взять!

Доврский старец

Отдам половину тебе для начала,
 Другую – в наследство получит мой зять,

Пер Гюнт

Идет!

Доврский старец

Как я вижу, уж больно ты скор.
 И ты кой-какие мне дашь обещанья.
 Обманешь – порушится наш договор,
 И с жизнью ты должен проститься заране.
 Во-первых, ты жить себе будешь, не зная
 О том, что творится вне нашего края,
 И шастать не станешь на солнечный свет.

Пер Гюнт

Да что-то не слишком.

Доврский старец

Упивайся! Что за чудесное слово!
Тверди его снова, и снова, и снова.

Пер Гюнт

(почесывая за ухом)

Но...

Доврский старец

Коли хочешь стоять здесь у власти...

Пер Гюнт

Ладно, похуже бывают напасти.

Доврский старец

Должен ценить по достоинству ты
То, что обычаи наши просты.
(Кивает.)

Два троля со свиными головами в белых колпаках и т.п.
выносят еду и питье.

Лепешки коровьи, а мед от быка.
Не важно, сладка еда иль горька,
Зато привозить ее нам не придется, –
Все своего производства.

Пер Гюнт

(отталкивая угощение)

К черту домашнюю вашу еду!
Вот уж на что никогда не пойду!

Доврский старец

Но чашу получит – кто выпить не прочь,
А взявшему чашу – достанется дочь.

Пер Гюнт

(раздумывая)

Учит Писанье умеривать плоть.
Я отвращенье смогу побороть.
Ладно, пускай.
(Покоряется.)

Доврский старец

Вот он, разума глас!
Что ты? Рыгаешь?

Пер Гюнт

Бывает. Подчас.

Доврский старец

Еще с христианской одеждой расстаться
Придется тебе ради Доврского старца.
Ведь мы домотканым привыкли гордиться.
Лишь бант на хвосте у нас из-за границы.

Пер Гюнт

(сердито)

Нет хвоста у меня.

Доврский старец

Выход здесь прост:
Пришпильте ему мой воскресный хвост.

Пер Гюнт

Не дам! Из меня вам не сделать шута.

Доврский старец

Не вздумай посвататься без хвоста!

Пер Гюнт

Стать зверем велишь...

Доврский старец

Не будь нелогичным,
Хочу я, чтоб ты женихом стал приличным.
Дадут тебе бант ярко-желтого цвета,
За высшую честь почитается это.

Пер Гюнт

(раздумывая)

Что есть человек? Тростник, говорят.
Поступим, как требует здешний уклад.
Бог с ним, прицепляй!

Доврский старец

Сговорились, малыш.

Придворный троль

А ну, помахать им попробуй немного!

Пер Гюнт

(раздраженно)

Еще вы чего захотите? От бога,
От веры Христовой отречься мне, что ль?

Доврский старец

К чему? Не стеснен в деле совести троль.
Молись, как угодно, – пред нами ты прав.
Суть в том, каковы твой наряд и твой нрав.
А в храме любой поклоняйся химере,
Хоть лютого страха полно в твоей вере.

Пер Гюнт

Я вижу, ты полон нелепых идей,
Но можно, пожалуй, с тобой столкнуться.

Доврский старец

Мы, тролли, получше своих репутаций
И тем отличаемся от людей.
Итак, разногласий не стало у нас,
Пуускай усладят нас иные затеи.
Арфистки, за струны беритесь скорее!
Начните, плясуньи, веселый свой пляс!

Музыка и танцы.

Придворный троль

Ну, как?

Пер Гюнт

Как сказать...

Доврский старец

Говори, не страшась,
Что видишь.

Пер Гюнт

Нелепую вижу напасть:
Корова кишки на скрипчонке дерет,
И скачет горбатый какой-то урод.

Придворные тролли

Сожрать!

Доврский старец

Но еще человечьи в нем чувства.

Пер Гюнт
(*посвистывая*)

Да мало ли что. Это все ерунда.

Доврский старец

Таким человек остается всегда.
Твердит о душе и поет ей во славу,
А следует только кулачному праву.
И что вам до чувства и прочего вздора!
Ну что ж, мы и это сейчас разберем.

Пер Гюнт

Не вздумай меня околпачить враньем.

Женщина в зеленом

Любимый, сынка я рожу тебе скоро.

Пер Гюнт

Позвольте пройти.

Доврский старец

На козлиных ногах
Пойдет он вослед.

Пер Гюнт
(*отирая пот*)

Может, сон сей прервется?

Доврский старец

Куда слать сыночка?

Пер Гюнт

В приют шли приходский.

Доврский старец

Ну, тут уж ты действуй на собственный
страх.
Но что совершил, не воротись назад.
Обильно расти твое будет потомство,
Ведь помеси быстро потомков плодят.

Пер Гюнт

Старик, не упрямясь, – мы сразу сойдемся!
Красотка, с тобой помириться я рад.
Я не королевич, и я не богат,
И как вы со мной ни поступите строго,
Корысти вам будет не очень-то много.

Женщина в зеленом падает без чувств. Тролихи ее уносят.

Доврский старец

(презрительно оглядев Пера Гюнта)

Тролята, кидай его прямо на скалы!

Тролята

Ах, папочка, мы поиграем сначала
С ним в кошку и мышку, в козленка и
волка!

Доврский старец

Играйте. Но спать я хочу. Вы не долго!
(Уходит.)

Пер Гюнт

(убегая от тролят)

Прочь, дьяволы!
(Старается вылезть в дымоход.)

Тролята

Карлики, лешие, гномы,

Кусай его!

Пер Гюнт

Ай!

(Старается залезть в подзол.)

Тролята

Затыкай все проемы!

Придворный троль

Малютки резвятся!

Пер Гюнт

(борясь с троленком, сцепившимся ему в ухо)

Отстань, негодяй!

Придворный троль

(ударяя Пера Гюнта по пальцам)

Сынка королевского не задевай!

Пер Гюнт

Мышиная норка!

(Бежит к ней.)

Тролята

Забить ее ту же!

Пер Гюнт

Старик-то был дрянь, а сынки еще хуже!

Тролята

Лупи!

Пер Гюнт

Стать бы мышкой и горе забыть!
(Кидается из стороны в сторону.)

Тролята

(окружая его)

Смыкайся тесней!

Пер Гюнт

(плача)

Кабы вошью мне быть!
(Падает.)

Тролята

Вперед!

Пер Гюнт

(под кучей навалившихся тролят)

Погибаю! Спаси меня, мать!

Издали доносится колокольный звон.

Тролята

Звонят! Чернорясы вышли опять!
(Визжа и воя, тролли разбегаются.)

Стены рушатся, все исчезает.

Кромешная тьма. Слышно, как Пер Гюнт бьет большой веткой вокруг себя.

Пер Гюнт

Эй, кто ты?

Голос из мрака

Я сам.

Пер Гюнт

Убирайся с дороги!

Голос

В обход бы направился! Путь-то широкий!

Пер Гюнт

(пытается пройти в обход, но опять на кого-то натывается)

Эй, кто ты?

Голос

Я сам, – ты так скажешь едва ли.

Пер Гюнт

Скажу и не то еще, – с помощью стали.

Спасайся! Эй, эй! Покажу я пример!

Саул выбил сотни, но тысячи – Пер!

(Бьет вокруг себя.)

Эй, кто ты?

Голос

Я сам.

Пер Гюнт

Вот дурацкий ответ!

Далек он от сути, и смысла в нем нет.

Ну, кто ты?

Голос

Великий кривой.

Пер Гюнт

Все равно –
 Что было темно, то осталось темно.
 С дороги!

Голос

В обход! Здесь тропиночка есть.

Пер Гюнт

Вперед!

(Бьет.)

Повалился!

(Пытается пройти, но снова на кого-то натывается.)

Да вас тут не счесть!

Голос

Один лишь кривой, совершенно один,
 Кривой изувечен, кривой невредим,
 Кривой умерщвлен, кривой жив доселе.

Пер Гюнт

(бросая ветку)

Меч заговорен, – кулаки уцелели.

(Пробивается вперед.)

Голос

Валяй кулаком, навались-ка всем телом.
 Авось и пробьешься к заветным пределам.

Пер Гюнт

(возвращаясь)

Куда ни ступи, что вперед, что назад,
 Внутри и снаружи и жмут и теснят,
 Он там был, он здесь был, везде был,

повсюду,
 Чуть выйду наружу, так запертым буду.
 Откройся, явись, кто ты есть, мне
 скажи-ка!

Голос

Кривой.

Пер Гюнт

(ощупывая все вокруг)

Не живой и не мертвый, весь жидкий,
 Невнятный, лишенный и формы и плоти.
 И только бурчит, как медведи в дремоте.
(Кричит.)
 Сразимся!

Голос

Ума не решился кривой.

Пер Гюнт

Ну, бей!

Голос

Я не бью.

Пер Гюнт

Вызываю на бой!

Голос

Великий кривой побеждает без боя.

Пер Гюнт

Кусаться бы стала любая трюлица,
 Хоть что-то бы сделал дряхлеющий трюль
 И малый трюленок. А с ним не сразиться.

Храпит. Эй, кривой!

Голос

Что?

Пер Гюнт

Взять силой изволь!

Голос

Великий кривой ждет побед от покоя.

Пер Гюнт

(кусая себе руки)

Своими зубами себя изувечу,
Чтоб кровь ощутить, что по жилам течет.

Слышны взмахи огромных крыльев.

Птичий крик

Идет он, кривой?

Голос из мрака

Шаг за шагом вперед.

Птичий крик

Сестрицы, ему устремимся навстречу!

Пер Гюнт

Коль хочешь спасти, не клони ты очей, –
Милая, медлить не можем теперь мы.
Быстро кидай свой псалтырь ему в бельмы!

Птичий крик

Валится!

Голос

Наш!

Птичий крик

Сестрицы, скорей!

Пер Гюнт

Дорого жизнь покупать мы должны.
Она и не стоит подобной цены.
(Падает.)

Птицы

Кривой, он упал! Забирай его смело!

Издалека доносится колокольный звон и пение псалмов.

Кривой

(обращаясь в ничто и едва дыша, шепчет)

Хранят его женщины; сладить с ним –
трудное дело.

Восход солнца. На скале хижина Осе. Дверь заперта, кругом пусто и тихо. У стены спит Пер Гюнт.

Пер Гюнт

(проснувшись, устало озирается и плюет)

Вот бы теперь мне селедки поесть!
(снова плюет и тут замечает Хельгу, несущую корзину с едой)

Девочка, ты-то что делаешь здесь?

Хельга

Сольвейг...

Пер Гюнт
(вскакивая)

Где Сольвейг?

Хельга

В избушке сестрица!

Сольвейг
(невидимая)

Я убегу, – тебе лезть ни к чему!

Пер Гюнт
(останавливаясь)

Страшно тебе, если вдруг обниму?

Сольвейг

Стыд потерял!

Пер Гюнт

Ночь была недурна!
Надо же так доврской девке влюбиться!

Сольвейг

Колокола не напрасно звонили.

Пер Гюнт

Разве бы трои меня заманили?
Что ты?

Хельга
(плача)

Теперь убежала она!
(Бежит за ней.)
Стой! Подожди!

Пер Гюнт

(хватая ее за руку)

Потерпи-ка немножко!
Пуговку видишь? Тебе от души,
Коли поможешь, – отдам!

Хельга

Не держи!

Пер Гюнт

На!

Хельга

Отпусти. У меня там лукошко.

Пер Гюнт

А не поможешь...

Хельга

Как страшно мне, боже!

Пер Гюнт

(кратко, отпустив ее руку)

Ты ей скажи, чтобы помнила все же!

Хельга убегает.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Густой хвойный лес. Осенняя непогода. Идет снег.
Пер Гюнт в одной рубахе рубит дерево.

Пер Гюнт

(рубя старый, сучковатый сосновый ствол)

Хоть ты покамест и крепок, старик,
Срок твоей жизни уже невелик.

(Продолжая рубить.)

Вижу, что ты закован в броню,

Но я на тебе одежду сменю!

Вижу, руками трясешь, озверев,

Что же, понятен твой яростный гнев,

И все же судьба твоя решена.

(Вдруг прекращая работу.)

Враки, да это же просто сосна!

Враки, не старый тут вовсе герой, –

Дерево просто с обвисшей корой.

Справлять нелегко такую работу,

Да как размечтаешься, входишь в охоту!

Но все это глупость, пустые мечтанья.

Не верь этой блажи, забудь упования!

Пойми: ты – изгнанник, лес – место
изгнанья.

(Продолжая рубить.)

Изгнанник! Далеко теперь твоя мать,

И некому стол тебе накрывать,

Захочешь поесть – вставай поутру,

Същи себе пищу в дремучем бору,

Съестного себе в реке раздобудь,

Огонь разожги да свари что-нибудь!

Захочешь одеться – зверя убей,

Хибарка нужна – натаскай камней,

От веток очисти, как положено, бревна,

Потом сволоки и укладывай ровно.

(Роняет топор и глядит вдаль.)

Вот у меня здесь будет краса!

Башня с флагом уйдет в небеса.

Чтобы нарядней сделать картину,

Вырежу я на башне удину.

Медью отделая гордое зданье

И раздобуду побольше стекла, –
 Пусть удивляются: что за скала
 Там, наверху, излучает сиянье?
(Злобно смеясь.)

Враки! Опять ты заврался, как встарь.
 Знай, ты изгнанник.
(Рубя с ожесточением.)

Когда от ненастья
 Спрячет хибарка – и то уже счастье.
(Глядя на дерево.)

Клонится. Ну-ка, покрепче ударь!
 Пал! И под грузом упавшей громады
 Нет молодому побегу пощады.

(Начинает обрубать ветви и вдруг, прислушиваясь, замирает с топором в руке.)

Кто там? Старик хutorянин опять?
 Хитростью, что ли, желаешь ты взять?
(Смотрит, притаясь за деревом.)

Парень какой-то... Берет его страх.
 Замер. А что у него в руках?
 Серп? Нет, не серп. Огляделся, робея.
 Руку зачем-то кладет на пенек,
 Весь задрожал. Что еще за затея?
 Господи, он себе палец отсек!
 Крови-то сколько! Хлещет ручьем!
 Уходит, будто ему ничем.

(Вставая.)

Черт подери! Отрубить себе палец!
 А принуждать его и не пытались.
 Впрочем, когда-то слышал я, признаться, -
 Так избавлялись от службы солдатской.
 Видимо, время служить подоспело,
 Он и решил не ходить воевать.
 Но отрубить?... Навсегда потерять?...
 Можно задумывать, можно желать, –
 Но совершить? Непонятное дело.

(Покачив головой, продолжает работу.)

Комната в доме Осе. Все разбросано, на полу раскрытые ящики, кругом валяется одежда, на постели – кошка. Осе и бобылиха укладывают вещи.

Осе

(бросаясь в одну сторону)

Кари!

Бобылиха

Чего?

Осе

(бросаясь в другую сторону)

Подевался куда?
Где он? Смотри ты, какая беда!
Что я ищу? Одурела я вроде.
Ключ не видала?

Бобылиха

Торчит он в комодке.

Осе

Что там за грохот?

Бобылиха

Последний возок
В Хэгстед пошел.

Осе

(плача)

Хоть бы кто уволок
В черном гробу и старуху в неволю!
Сколько мытарств выпадает на долю!
Господи, дом опустелый стоит.
Что хуторянин не брал, взяли судьи.
Нынче и в платье нужда и в посуде.
Тьфу! Хоть заел бы их, аспидов, стыд!
(Садясь на кровать.)
Отняли землю, забрали строенья,
Вовсе не знали они снисхожденья.

Зол хуторянин, судьи суровы,
Вот мы теперь и остались без крова.

Бобылиха

Вам жить здесь дадут до последнего дня.

Осе

Вишь, пожалели кота и меня!

Бобылиха

Дорого вам обошелся сынок.

Осе

Пер? Голова тебе, видно, не впрок.
Ингрид, известно, вернулась цела.
Ежели черт их подбил на бесстыдство,
Стало быть, с чертом и надо судиться.
Пер-то при чем? Сам он терпит от зла.

Бобылиха

Матушка, вы на себя не похожи.
Может, за пастором стоит послать?

Осе

Значит, за пастором? Думала тоже.
Да ведь никак. Я хорошая мать,
Мне помогать, значит, надобно сыну,
Я, как другие, его не покину.
Куртку не взяли! Положим заплатки.
Мех бы достать еще, все и в порядке.
Где же портки?

Бобылиха

Всякий хлам тут валялся.

Осе
(роясь)

Кари! Мне ковшик плавильный попался!
 Прежде любил он играть с ним, бывало.
 Плавил в нем вечно и отлил немало.
 Аж на пирушке, я помню, разок:
 "Дайте мне олова", – просит сынок.
 "Дам серебра, – говорит ему Йун, –
 Помни, ты сын Йуна Гюнта, шалун".
 Выпивши был об той он поре, –
 Смыслил и в олове и в серебре!
 Вот и портки! Тут дыра на дыре.
 Штопка нужна

Бобылиха

Верно, штопка нужна.

Осе

Где же приляжешь, коль штопать должна?
 На сердце тяжесть, и горе, и страх.
 (Радостно)
 Не увезли они старых рубах!

Бобылиха

Вправду!

Осе

И нам пофартило в делах.
 Спрячь-ка одну. Или зря мы судачим, –
 Обе рубахи сразу и спрячем.
 В той, что на нем, сколько дыр да прорех!

Бобылиха

Матушка, разве же это не грех?

Осе

Может, и грех, но, приняв покаянье,
Пастор простит нас – он дал обещанье.

Перед новой избушкой в лесу. Над входом олени рога.
Глубокий снег. Сумерки. Пер Гюнт прибывает к дверям
засов.

Пер Гюнт

(посмеиваясь)

Поставим засов, чтобы дверь не открыла
Ни шайка людей, ни нечистая сила.
Поставим засов, отодвинуть который
Чертям не удастся и всей своей сворой.
Они появляются, в сумраке рея:
Открой нам, Пер Гюнт, мы ведь мысли
быстрее,
Залезем сперва под кровать и тотчас же
В трубу улетим, перемазавшись в саже.
Ты что же, Пер Гюнт, деревянным засовом
Решил воспрепятствовать дьявольским
ковам?

Появляется Сольвейг. Она на лыжах, в платке, с узелком.

Сольвейг

Господь тебе в помощь! Меня не гони ты.
Ты звал меня! Будь же теперь мне
защитой!

Пер Гюнт

Ты Сольвейг? Не сон среди белого дня?
Теперь ты уже не боишься меня?

Сольвейг

Сперва о тебе весть дала мне сестренка,
Мне весть подал ветер, смеявшийся

звонко,
 И мать мне твоя повстречалась в деревне,
 И сон неотступный нес весть о тебе мне,
 Мне вести носили пустые недели
 И вслед за тобой мне пуститься велели.
 Вся жизнь без тебя потускнела в долине,
 Ни смеха, ни слез я не знала поныне,
 К чему ты стремишься, мне не было вести,
 Но знала я: быть нам положено вместе.

Пер Гюнт

А что же отец?

Сольвейг

Никого не назвать
 На целой земле мне "отец" или "мать".
 От всех отреклась я.

Пер Гюнт

И все потому лишь,
 Что хочешь ко мне?

Сольвейг

Да, к тебе одному лишь.
 Один утешенье ты мне и опора.
 (*Сквозь слезы.*)
 Оставить сестру было горше позора,
 Еще было горше отца оттолкнуть,
 Но горше всего – материнскую грудь
 Отринуть безжалостно. Боже, помилуй!
 Уйти от родных – что сродниться с
 могилой.

Пер Гюнт

А знаешь, недавно что вырешил суд:
 Наследственный дом у меня отберут.

Сольвейг

Ах, Пер, твоего ли желая наследства,
Рассталась я с теми, кто дороги с детства?

Пер Гюнт

Ты знаешь, закон мне теперь не охрана,
Чуть из лесу выйду – убьют невозбранно.

Сольвейг

Я мчалась на лыжах и всем на бегу
Твердила: спешу к своему очагу.

Пер Гюнт

Долой все засовы, замки и защелки,
Сюда не проникнут чертовские толки.
С охотником ты остаешься сегодня,
Теперь снизойдет ко мне благодать
господня.

Позволь мне взглянуть на тебя! Погоди
И не приближайся. Нет, не подходи!
О, как ты чиста! На руках бы носил
Всю жизнь я тебя, и хватило бы сил.
Я не оскверню тебя. Не подойду
К тебе, дорогая, тебе на беду,
Не ждал я совсем твоего появления,
Но жаждал его и всю ночь и весь день я.
Я стал было хижину строить в лесу,
Она некрасива, ее я снесу.

Сольвейг

Красива иль нет, но она хороша.
На горном ветру воскресает душа,
А было в долине совсем не вздохнуть,
Вот я почему и отправилась в путь.
Но здесь, где деревья поют, словно птицы,
Хотела бы я навсегда поселиться.

Пер Гюнт

Ты всю свою жизнь провести здесь
готова?

Сольвейг

Я выбрала путь и не знаю иного.

Пер Гюнт

Теперь ты моя, наяву, а не в дреме.
Пойдем, я взгляну на тебя в своем доме.
Но только очаг разожгу я сначала,
Чтоб холода ты в моем доме не знала.
(Открывает дверь.)

Сольвейг входит в дом. Пер Гюнт, несколько мгновений стоявший молча, громко смеется и скачет от радости.

Моя королева взята была с бою!
Теперь королевский дворец я построю.
(Берет топор и направляется к лесу.)

Оттуда навстречу ему выходит пожилая женщина в зеленых лохмотьях; держась за ее юбку, следом ковыляет уродец с кружкой пива.

Женщина

Ну, Пер Легконогий...

Пер Гюнт

Ты кто? Ты о чем?

Женщина

Давно мы знакомы, и рядом мой дом,
Соседи мы.

Пер Гюнт

Вот как? А я и не знал.

Женщина

Я дом возвела, чуть ты строиться стал.

Пер Гюнт

(стремясь уйти)

Спешу я...

Женщина

Ты вечно, приятель, спешишь.
Но я от тебя не отстану, малыш!

Пер Гюнт

Ошиблись, мамаша.

Женщина

Ошиблась в тот раз,
Как ты обещаешь давать был горазд.

Пер Гюнт

Тебе обещаешь? Еще что за вздор?

Женщина

А помнишь, с отцом моим был разговор?
Забыл?

Пер Гюнт

И не знал. Позабыть – не беда!
В последний-то раз мы видались когда?

Женщина

Последний был первым.
(Уродцу.)

А ты бы пока

Отца угостил, предложил бы пивка!

Пер Гюнт

Отца? Ты пьяна! Вздор ты мелешь какой...

Женщина

Ужели свињью не узнать по щетине?
Не видишь: он так же хромает ногой,
Как ты головой все хромаешь поныне.

Пер Гюнт

Ты хочешь сказать...?

Женщина

Увильнуть захотел?

Пер Гюнт

Сопляк длинноногий!

Женщина

Да, вырос пострел.

Пер Гюнт

А ну-ка, чертовка, скажи напрямик...

Женщина

Пер Гюнт, образумься, ты груб, словно
бык.

(Плача.)

Моя ли вина, что поблекла я малость
С той давней поры, как тебе отдавалась?
Ребенка принять мог один только черт,
А это добра за собой не влечет.
Но стану я краше, когда ты теперь
Той девушке в доме укажешь на дверь.

Женщина
(целует сына)

А ну, поглядите, какой молодец!
Как вырастешь, станешь две капли отец!

Пер Гюнт
(топнув ногой)

О, будь вы подальше...

Женщина

Как ныне близки?

Пер Гюнт
(сжав кулаки)

И все...

Женщина

Лишь за то, что стремленья низки!

Пер Гюнт

Но той, кто безвинна, всего будет хуже.
О Сольвейг, мой ангел, моя благодать!

Женщина

Черт сетовал: страждут невинные души, –
За пьянство отца его высекла мать.

(Она скрывается в лесу вместе с уродцем, швырнувшим перед тем в Пера Гюнта кружкой.)

Пер Гюнт
(помолчав)

"В обход!" - говорил мне кривой. И, сй-ей,
Все верно. Моя обвалилась постройка.
Меж мною и той, что казалась моей,
Отныне стена. Нет причин для восторга!

В обход! У тебя не осталось пути,
 Которым ты мог бы к ней прямо пройти.
 К ней прямо? Еще и нашлась бы дорога.
 Мы все о раскаянье слышали много.
 Но что? Потерял я Святое писанье.
 Забыл, как трактуется там покаянье.
 Откуда же взять мне в лесу назиданье?
 Раскаянье? Годы пройдут до поры,
 Покуда спасешься. Жизнь станет
 постылой.

Разбить на куски мир, безмерно мне
 милый,
 И складывать вновь из осколков миры?
 Едва ли ты треснувший колокол склеишь,
 И то, что цветет, растоптать ты не смеешь!
 Конечно, чертовка всего лишь виденье,
 Она безвозвратно исчезла из глаз,
 Однако, минуя обычное зренье,
 Мне в душу нечистая мысль забралась.
 А Ингрид? А тройка неведомых дев
 С утеса? Их тоже с собой должен взять я?
 И все они скажут, впадая во гнев,
 Чтоб их, вместе с ней, заключал я в
 объятья?

В обход! Если б даже и были длинны
 Ручищи твои, точно ветви сосны,
 И то бы ты к ней прикасался, боясь,
 Что и на нее перейдет твоя грязь.
 Навеки кончай с этим, стало быть, брат,
 И шагу не вздумай ты сделать назад,
 Отбрось, отсеки и забудь навсегда.

*(Делает несколько шагов к дому и опять
 останавливается.)*

Пристало ли в скверне войти мне сюда,
 Нести на себе груз бесовского братства
 И, это скрывая, сполна открываться?

(Отбрасывает топор.)

Такому, как нынче, мне, праведный боже,
 Являться к ней в праздничный вечер
 негоже.

Сольвейг

(появляясь в дверях)

Идешь ты?

Пер Гюнт

(вполголоса)

В обход!

Сольвейг

Что?

Пер Гюнт

Одно лишь мгновение!
Мне в избу внести еще надо поленья!

Сольвейг

Ну что ж, я с тобой разделю эту тяжесть.

Пер Гюнт

Нет, стой, где стоишь. Все я сделать
отважусь.

Сольвейг

Ты только не долго!

Пер Гюнт

Терпенье, родная.
Но ты меня жди.

Сольвейг

(кивая ему вслед)

Я живу ожидая.

Пер уходит в лес, Сольвейг остается стоять в дверях.

Комната Осе. Вечер. В печи пылает хворост. На стуле, подле кровати, сидит кот. Осе ворочается в постели.

Осе

О, боже, в минуту такую
Сыночка дождется ли мать?
Послать никого не рискую,
А многое надо сказать,
Пугает меня опоздание:
Помрешь, вот и вся недолга,
Ах, если бы ведать заране,
Я с ним не была бы строга!

Пер Гюнт

(входя)

Бог в помощь!

Осе

Ну, вот, слава богу,
Явился сыночек назад,
Но как ты пустился в дорогу,
Коль здесь тебе казнь грозят?

Пер Гюнт

Ах, что бы потом ни грозило,
Хотел я к тебе заглянуть.

Осе

Теперь не страшна мне могила,
Спокойно отправлюсь я в путь.

Пер Гюнт

Могила? Вот новое дело.
Куда это ты собралась?

Осе

Ах, Пер, помирать мне приспело,
Бьет ныне последний мой час.

Пер Гюнт

(взбудораженный ходит по комнате)

Мечтал я спастись тут от боли,
Избавиться мнил от невзгод...
Скажи, тебе холодно, что ли?

Осе

Да, Пер. Это скоро пройдет.
Когда ж затуманятся очи,
Коль сможешь, ты мне их закрой
И гроб раздобудь мне, сыночек,
Земле предавая сырой.
Да вот...

Пер Гюнт

Отдохнула бы малость.
На это придет еще срок.

Осе

Да, да.
(Беспокойно озираясь.)
Вот и все, что осталось,
Чего от них ждать-то, сынок?

Пер Гюнт

(вздрагивая)

Опять!
(Сердито.)
Я вину свою знаю,
Поверь мне, и знаю давно.

Осе

Я разве тебя обвиняю?
 Во всем виновато вино.
 Ты пьян был, – не ведает пьяный,
 Что делает, – где ж тут вина?
 А что до брехни окаянной,
 Так тоже она от вина.

Пер Гюнт

Да что мы все сетовать стали,
 Судьбу свою злую кляня?
 Беседу про наши печали
 Отложим до лучшего дня.
(Присаживаясь на кровать.)
 Пора бы вернуться к раздолью,
 Начать разговор по душам.
 Забудем про то мы, что болью
 Теперь отзывается нам.
 О, боже, наш кот жив доселе!
 Сперва не признал старика.

Осе

Всю ночь он скулил. Неужели
 И вправду погибель близка?

Пер Гюнт

(меняя тему разговора)

А что тут в приходе творится?

Осе

(улыбаясь)

Слыхала со всех я сторон,
 Что в горы пустилась девица...

Пер Гюнт

(быстро)

А как поживает Мас Мон?

Осе

Болтают, не бросила взгляда
На слезы родителей дочь.
Тебе навестить бы их надо,
Сыночек, им стоит помочь.

Пер Гюнт

А что же кузнец наш могучий?

Осе

Да что ему дается тут!
Тебе бы открыла я лучше,
Как эту девицу зовут...

Пер Гюнт

Нет, надо вернуться к раздолью
И потолковать по душам,
Забудем про то мы, что болью
Теперь отзывается нам.
Пить хочешь? Подам я водицы.
Тебе не расправить костей?
Кровать коротка, – не годится.
Была она прежде моей.
В младенчестве в этой постели
Лежал я в ночной тишине,
И мы с тобой песенки пели,
И сказки слагала ты мне.

Осе

В "погоню" играли, бывало.
Чуть в горы отец твой уйдет,
За сани приняв одеяло
И пол почитая за лед.

Пер Гюнт

А помнишь, как в буйной погоне, –
Красивее всех на бегу, –

Неслись наши резвые кони?

Осе

Да разве забыть я могу?
На лавку, бывало, взберется
Пушистый соседский коток...

Пер Гюнт

Мы мчались на запад от солнца,
Потом от луны на восток,
Мы в Сурия-Муриа вскоре
С тобой попадали вдвоем,
И прутик, торчавший в заборе,
Служил нам отличным кнутом.

Осе

Всегда я садилась на козлы.

Пер Гюнт

И вдруг задавала вопрос,
Как будто под ветром мы мерзли, —
Не слишком ли щиплет мороз?
Бывала ты по сердцу сыну
Уж тем, что душой молода!
Ты стонешь?

Осе

Да тянет мне спину.
Постель-то уж больно тверда.

Пер Гюнт

Постель мне поправить под силу,
И станет помягче лежать.

Осе

Мне лучше в могилу.

Пер Гюнт

В могилу?

Осе

Она для меня благодать.

Пер Гюнт

Ах, мне у тебя на постели
Сидеть бы в полночной тиши!
Мы вместе бы песенку спели,
А сказки всегда хороши.

Осе

Не лучше ли нам помолиться,
Чтоб душу господь не прибрал?

Пер Гюнт

Сегодня король наш и принцы
Парадный затеяли бал.
Мы в Суриа-Муриа будем!
Скорей запрягаем коня!

Осе

Не ходят незваными к людям.

Пер Гюнт

Но звали тебя и меня.
(Набрасывает на стул, где лежит кот, веревку, берет прутик и садится на кровать в ногах у Осе.)

Лети, вороной, словно птица!
Скажи, не замерзла ты, мать?
Возочек наш бешено мчится –
По встречным деревьям видать.

Осе

А что там звонит непреклонно?

Пер Гюнт

Звенит колокольчик в пути.

Осе

Пугаюсь я этого звона.

Пер Гюнт

Нам надобно фьорд перейти.

Осе

Мне страшно. Я слышу впервые
Безрадостный вздох впереди.

Пер Гюнт

То сосны шумят вековые.
Ты лучше спокойно сиди.

Осе

А дали зачем заблестели?
Зачем засверкала звезда?

Пер Гюнт

Идет в старом замке веселье.
Ты слышишь – танцуют?

Осе

Да, да.

Пер Гюнт

А видишь, у двери-то кто там?

Петра бы узнать ты должна.

Осе

Встречать меня вышел?

Пер Гюнт

С почетом.

И щедро подносит вина.

Осе

Мне б лучше пирожного все же.

Пер Гюнт

Пирожного сможешь поесть.

Покойная пасторша позже

И кофе подаст тебе здесь.

Осе

С тобой мы увидеться сможем?

Пер Гюнт

Лишь стоит тебе пожелать.

Осе

О, господи, в мире-то божьем

Какая стоит благодать!

Пер Гюнт

(взмахивая прутиком)

Лети, вороной, словно птица!

Осе

А верно ли выбрал ты путь?

Пер Гюнт*(снова взмахивая)*

С пути тут немислимо сбиться.

Осе

Ох, что-то мне трудно вздохнуть.

Пер Гюнт

Уже различимы чертоги,
Теперь и конец недалек.

Осе

Закрою глаза по дороге.
Доверюсь тебе, мой сынок.

Пер Гюнт

Лети, вороной, прямо к цели,
В чертогах толпится народ.
Что мы на веселье поспели,
Разносится слух у ворот.
Да что же ты, Петр, в самом деле,
Не хочешь впустить мою мать?
Забыл ты, святой, неужели,
Что чище души не сыскать?
Я сам не перечу и слову,
И, ежели так повелят,
Уйду подобру-поздорову,
И даже не гляну назад.
Худого я делал немало,
Частенько старуху браня
За то, что всегда опекала
Она, как наседка, меня.
Она же пусть будет в почете,
Забудет про горе и страх,
Добрее души не найдете
Вы в наших суровых местах.
Глядите-ка, вот и всевышний
Проведал святого Петра.

(Басом.)

Твои причитанья излишни.

Впустить сюда Осе пора.

(Громко смеясь, обращается к матери.)

Ты видишь! Я знал ведь заране!

Вот это другой разговор.

(В ужасе.)

Глаза твои словно в тумане.

Ты дремлешь? Подернулся взор!

(Подойдя к изголовью.)

О мать, не молчи, ради бога,

Скажи хоть словечко со мной!

(Осторожно касается ее лба и рук, потом, бросив веревку на стул, тихо говорит.)

Ах, так? Завершилась дорога.

Теперь отдыхай, вороной.

Спасибо тебе за ученье,

За боль, за добро, за беду,

И ты мне шепни в утешенье:

(прижавшись щекой к ее губам)

Спасибо тебе за езду.

Бобылиха

(входя)

Вернулся! Вот это загадка!

Поправились, что ли, дела?

О, боже, как спит она сладко!

Иль...

Пер Гюнт

Тише, она умерла.

Кари плачет над умершей, Пер Гюнт ходит по комнате и останавливается у кровати.

Ее похороним, и вскоре

Уеду я прочь навсегда.

Бобылиха

Куда же?

Пер Гюнт

За синее море.

Бобылиха

Подумать!

Пер Гюнт

И бог весть куда.
(*Уходит.*)

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Юго-западный берег Марокко. Пальмовая роща. Накрытый стол, палатка и циновки. Чуть поодаль между деревьями натянуты гамаки. Видна паровая яхта под норвежским и американским флагами. У самого берега – шлюпка. Солнце садится.

Пер Гюнт, красивый господин средних лет в изящном дорожном костюме, с лорнетом в золотой оправе на груди, как хозяин, сидит во главе стола. Мг. Коттон, monsieur Баллон и господа фон Эборкопф и Трумпетерстроле кончают обедать.

Пер Гюнт

Прошу вас, пейте, господа!
Мы рождены для наслаждения.
Не возвратятся никогда
Утекшей юности мгновенья.

Трумпетерстроле

Что за хозяин ты, братан!

Пер Гюнт

Честь эту делят мой карман,
Дворецкий, повар...

Мг. Коттон

Very well, ¹
Всех четверых я бы воспел.

Monsieur Баллон

Monsieur, у вас есть gout, есть ton, ²
Чего при жизни холостяцкой
Никто до нынешних времен
Не достигал, в вас есть...

¹ Отлично (англ.).

² Вкус, манера (франц.).

Фон Эберкопф

Размах,
 Есть ощущение свободы,
 Равно близки вам все народы,
 Ваш дух витает в облаках,
 Не хочет догмами стесняться.
 Есть ощущение культуры,
 И непосредственность природы,
 И опыт жизненный у вас, –
 (*обращаясь к monsieur Баллону*)
 Об этом речь идет сейчас?

Monsieur Баллон

О да, но по-французски что-то
 В словах такого нет полета.

Фон Эберкопф

Любой язык здесь грубоват.
 Но если выяснить детально
 Всю цепь причин...

Пер Гюнт

Они не тайна.
 Я, вы заметьте, не женат.
 О чем и помышлять мужчине,
 Чтоб стать самим собой во всем,
 Как не сугубо о своем?
 По этой именно причине
 Он жить не хочет как верблюды,
 На ком чужую кладь везут.

Фон Эберкопф

Но жизнь в себе и для себя ведь
 Вам стоила немало сил.

Пер Гюнт

Боренья были, что лукавить.

Из них я с честью выходил.
 Однажды, впрочем, чуть в силоч
 Не завлекло меня злодейство.
 Я был тогда собой хорош
 И даму невзначай увлек
 Из королевского семейства.

Monsieur Баллон

Из королевского?

Пер Гюнт
(небрежно)

Из этих,
 Из, как их...

Трумпетерстроле
(ударяя по столу)

Чертовых родов!

Пер Гюнт
(пожимая плечами)

Из тех, кто всех дичиться стали,
 Чтоб их за плебс не принимали, —
 Пошедших по миру князьков.

Mr. Коттон

Пропало дело ни за грош?

Monsieur Баллон

Семья восстала против брака?

Пер Гюнт

Напротив!

Monsieur Баллон

Что ж?

Пер Гюнт

(снисходительно)

Да как сказать...

Нас поскорее обвенчать
 Имелись поводы. Однако
 Водить вас за нос неохота, –
 Мне тошно сделалось потом.
 Я щепетилен отчего-то, –
 Привычка жить своим трудом.
 А тут настаивать стал тесть,
 Что мне в дворянство надо влезть,
 С аристократией сродниться,
 Пройти в значительные лица,
 Сменить фамилию и званье, –
 Не справясь про мое желанье.
 Но я, вам ясно быть должно,
 Отверг дурацкий ультиматум
 И с ним невесту заодно.

(Барабана пальцами по столу с постным видом.)

Быть не судьба аристократом!
 Но есть немалая отрада
 В том, что корежить жизнь не надо.

Monsieur Баллон

Все тем и кончилось тогда?

Пер Гюнт

Нет, вытерпеть пришлось немало,
 Поскольку в это дело встряла
 Крикливых родичей орда.
 Немало было молодежи!
 Семь поединков – видит бог!
 Век не забуду их, но все же
 Я с честью выпутаться смог.
 Я проливал чужую кровь,
 Ко мне пришла тем часом слава,

И убедиться смог я вновь,
 Что провиденье всюду право.

Фон Эберкопф

В сознание вашем жизни ход
 Преображенным предстает.
 Все прочие – одни детали,
 Одни подробности познали,
 И только вы, в порыве смелом,
 Познали мир единым целым.
 Все мерите единой мерой,
 Для вас незначащего нет,
 Своей мыслительной манерой
 Вы озарили целый свет,
 Не тратя на ученые годы.

Пер Гюнт

Я сам до этого дошел,
 Без всяких ваших лекций, школ
 И положительной методы.
 Я самоучкой все постиг,
 Перечитав десятки книг
 И погружаясь в размышленье.
 Но если принялся за чтение,
 Как я, достигнув зрелых лет,
 Прочесть все строчки мочи нет.
 Прочел отдельные страницы
 Я по истории в ту пору,
 И, чтобы в трудную годину
 Иметь какую-то опору,
 Решил в Писанье погрузиться
 И смог осилить половину.
 Не знаниям надобно учиться,
 А знать, что в жизни пригодится!

Мг. Коттон

Вот где практичность!

Пер Гюнт*(зажигая сигару)*

В этом плане
 Вот, господа, вам ход всей жизни:
 Кто был я у себя в отчизне?
 Оборвыш, без гроша в кармане.
 Я там намыкался сполна,
 Встречая беды ежечасно,
 Однако жизнь всегда прекрасна
 Уж потому, что смерть страшна.
 А на чужбине вдруг в фаворе
 Я оказался. Стихло горе,
 Дела пошли на лад. Я вскоре
 Стал богатейшим из богатых
 Судовладельцем в том краю.
 Прослыл я Крезом в южных штатах,
 И – я от вас не утаю –
 Судьба ко мне благоволила.

Мг. Коттон

Чем торговали?

Пер Гюнт

В Каролину
 Ввозил я негров, – не скрываю,
 И поставлял божков Китаю.

Monsieur Баллон

Fi donc!³

Трумпетерстроле

Дражайший, что за вздор?

³ Как стыдно! (франц.)

Пер Гюнт

Конечно, с вашей точки зрения,
 Подобные дела – позор?
 Я сам страдал от огорченья
 И даже проклял свой удел,
 Но, если вышел на простор,
 Уже не прекращаешь дел.
 Я окончательно постиг,
 Что основательное дело,
 Коль вы вели его умело,
 Нельзя прикрыть в единый миг.
 "В единый миг!" – мне ненавистен
 Сей клич врагов извечных истин.
 Я, видит бог, не самодур,
 И думаю о результате,
 И потому, признаюсь кстати,
 Не зарываюсь чересчур.
 К тому же подступала старость,
 Успела седина пробиться,
 Мне приближалось пятьдесят,
 Хоть пребывал я в добром здравье,
 Я не мечтал о новой славе, –
 Не угодить бы только в ад.
 Не так уж долго ждать осталось,
 Пока гнев божий разразится.
 Что было делать? Прерывать я
 Боялся ввоз божков в Китай,
 Но я в другое предприятие
 Вовлечь задумал этот край,
 Решив: свезу весной им Будду,
 А осенью служить я буду
 Миссионерам-христианам,
 Возить им Библию и хлеб.

Мг. Коттон

За деньги?

Пер Гюнт

Труд без них нелеп!
 И все пошло путем желанным.

Мы по китайцу на божка
 Крестили там наверняка –
 Был ввоз божков нейтрализован:
 Миссионеры – на устах
 С благоговейным божьим словом –
 Моим божкам давали шах.

Мг. Коттон

Но африканские товары?

Пер Гюнт

Здесь тоже верх взяла мораль.
 Я рассмотрел одну деталь:
 В мои ли это делать годы?
 Уж очень неверны доходы!
 Вы посудите сами: свары
 С филантропической ордой,
 Разбоя на море кошмары
 И схватки с ветром и водой!
 Добро бы был я молодой!
 И я подумал – лучше сами
 Убавим бег под парусами.
 Купил клочок земли на юге,
 Последний транспорт взял себе
 И благодарен был судьбе.
 Мои невольники жирели,
 И счастлив был я в самом деле,
 О каждом думал, как о друге,
 И помнил, каждый мне дает
 Весьма значительный доход.
 Настроил школ по всей округе,
 Чтоб добродетели шкала
 Там, как положено, росла
 И чтобы уровень морали
 Мои питомцы не снижали.
 Но мне и это надоело,
 И как-то случай выпал вдруг, –
 Единым махом землю, дело
 И черномазых сбыл я с рук.
 Я ублажил рабов, как мог,
 Велел на всех сварить им грог.

И от щедрот моих табак
 Им выдал, как прощальный знак.
 Коль изречения суть верна, –
 Пускай оно уже старо, –
 "Не сделав зла, творишь добро!",
 Простится мне моя вина.
 Грехи я – согласитесь сами –
 Загладил добрыми делами.

Фоя Эберкопф

(чокаясь с ним)

О, сколь отрадно созерцанье
 Того, что принцип утвержден
 Не как абстрактный лишь закон,
 Но как реальное созданье!

Пер Гюнт

(тем временем усердно прикладывавшийся к бутылке)

Уж мы такие, северяне.
 Всегда пробьемся! Очевидны
 Успехи, что сулит мой путь.
 Лишь уши надобно заткнуть,
 Чтоб не забрались в них ехидны.

Мг. Коттон

Они, я думал, безобидны.

Пер Гюнт

Нет, обольстив нас, твари эти
 За нас решают все на свете.

(Снова пьет.)

Откуда явится отвага
 На нашем жизненном пути?
 Не дрогнув, надобно идти
 Меж искушений зла и блага,
 В борьбе учесть, что дни боренья
 Твой век отнюдь не завершат,
 И верные пути назад
 Беречь для позднего спасенья.

Вот вам теория моя!
 В таком и действовал я стиле.
 Меня сей мудрости учили
 Мои родимые края.

Monsieur Баллон

Норвежец вы?

Пер Гюнт

Оттуда родом,
 Но духом я космополит:
 Америка меня дарит
 Все новым счастьем с каждым годом.
 В шкафах, на полках, сплошь забитых,
 Растет немецких книг избыток.
 Я взял во Франции остроты,
 Манеры, моды и уют,
 У англичан – упорный труд
 И об имуществе заботы.
 Евреи дали мне терпенье,
 А итальянцы убежденье,
 Что благо в *dolce far niente*⁴.
 И не забуду о моменте,
 В который голову свою
 Я шведской сталью спас в бою.

Трумпетерстроле *(подымая стакан)*

За сталь!

Фон Эберкопф

За тех, кто, веря стали.
 Всегда в сраженьях побеждали!

Чокаются и пьют. Пер Гюнт понемногу хмелеет.

⁴ Сладкое ничегонеделание (итал.).

Мг. Коттон

Приятны милые слова,
Но знать хотелось бы сперва,
На что вам золото было нужно.

Пер Гюнт

Сказать?

Все четверо

(придвигаясь ближе)

Скажите, просим дружно!

Пер Гюнт

Я путешествовать старался...
Вот я к себе на пароход
И посадил вас в Гибралтаре,
Чтоб вы веселый хоровод
Вокруг тельца изображали.

Фон Эберкопф

Умно подмечено!

Мг. Коттон

Дикарство!

Кто ж подымает паруса
Затем, что в море собрался?
В чем ваша цель?

Пер Гюнт

Взойти на царство.

Все четверо

Что?

Пер Гюнт
(квивая)

Стать царем.

Все четверо

Где?

Пер Гюнт

В целом мире.

Monsieur Баллон

Но как же?

Пер Гюнт

Мне поможет золото.
Подобный замысел не нов,
Мечты давно меня томили,
Еще я мальчишкой когда-то
Был в облаках парить готов.
Златая мантия горела,
Хоть я в ней падал то и дело,
Но неизменно видел цель.
И мне на пользу шло досель,
Что мне внушили наперед:
Пусть мир к моим ногам падет,
Коль я не стал собой, – владыкой
Над миром станет труп безликий.
Примерно так звучал завет –
И, мне сдается, лучших нет!

Фон Эберкопф

Что означает "стать собой"?

Пер Гюнт

Стать даже в малости любой
На прочих столь же непохожим,

Сколь чертов лик несходен с божьим.

Трумпетерстреле

Мне ясен ход сей мысли темной!

Monsieur Баллон

Он мудр!

Фон Эберкопф

Притом поэт огромный!

Пер Гюнт

(все более воодушевляясь)

Гюнт стал собой – тут сплетены
 Мои желанья, страсти, сны.
 Гюнт стал собой – тут цел порыв,
 Которым только я и жив,
 Все, что в груди моей таится,
 Чтоб мне таким, как есть, явиться.
 Нуждался бог в земле когда-то,
 Чтоб в мире властвовать своим, –
 Так мне необходимо злато,
 Чтоб мог я сделаться царем.

Monsieur Баллон

Оно у вас.

Пер Гюнт

Не тот кусок!
 Сегодня бы его достало
 На Липпе-Детмольд, – это мало!
 Хочу я быть собой en bloc,⁵
 Блистая гюнтовским величием,
 Быть сэром Гюнтом всем обличьем.

⁵ В полной мере (франц.).

Monsieur Баллон

(в восторге)

Ласкать красоток самых лучших!

Фон Эберкопф

Вином упиться драгоценным!

Трумпетерстроле

Владеть оружием священным!

Мг. Коттон

Но нужно подходящий случай
Найти для сделки...

Пер Гюнт

Он сыскался,
Затем я тут и задержался.
На север мы направим путь.
Не довелось вам заглянуть
Сегодня в свежие газеты?
(Встает, поднимая стакан.)
От века счастье выпадало
Тому, кто нарушал запреты.

Все четверо

В чем дело?

Пер Гюнт

Греция восстала.

Все четверо

(вскакивая)

Что? Греция?

Пер Гюнт

Огнем объята!

Все четверо

Ура!

Пер Гюнт

А турок ждет расплата.
(*Пьет.*)

Monsieur Баллон

В Элладу! Тем, кто служит славе,
Ввозить оружие я вправе.

Фон Эберкопф

Я поздравляю – издалека.

Мг. Коттон

Я шлю товар не позже срока.

Трумпетерстроле

Вперед! Когда в Бендерах буду,
Я шпоры Карла раздобуду!

Monsieur Баллон

(*бросаясь Перу Гюнту на шею*)

Простите, что в презренный стан
Я вас отнес.

Фон Эберкопф

А я, болван,
Вас принимал за негодя.

Мг. Коттон

Да попросту за дурака.

Трумпетерстроле
(хочет поцеловать Пера Гюнта)

Грешил, тебя исподтишка
Презренным янки называя.
Прости...

Фон Эберкопф

Ошиблись мы ужасно.

Пер Гюнт

Да что за бред?

Фон Эберкопф

Теперь-то ясно,
Сколь благороден сгусток сей
Бурлящих гюнтовских страстей.

Monsieur Баллон
(восхищенно)

Вот что такое Гюнт на деле!

Фон Эберкопф

Во всей красе мы вас узрели.

Пер Гюнт

Что это значит?

Monsieur Баллон

Невдомек?

Пер Гюнт

Откройте, будьте человеком.

Monsieur Баллон

Конечно, вас поход увлек
В подмогу благородным грекам?

Пер Гюнт

(свистнув)

Отнюдь. Я помогаю силе,
А турки помощи просили.

Monsieur Баллон

Не может быть!

Фон Эберкопф

Да он остряк!

Пер Гюнт

(после паузы, опершись на стул, высокомерно)

Не лучше ль будет, господа,
Нам распрощаться навсегда,
Пока дух дружбы не иссяк?
Вот жизни какова гримаса:
Бедняк легко собой рискнет,
Идет на пушечное мясо, –
И никаких ему забот.
Но ежели полны карманы,
Риск и опасность нежеланны.
Ступайте в Грецию. Отправлю
Я вас на собственный свой счет.
Чем дальше там борьба зайдет,
Тем я верней силки расставлю.
Сражайтесь храбро за права,
Чтоб вам, упившимся сперва
Поносным словом о владыках,
Торчать на янычарских пиках.

Меня увольте.

(Хлопая себя по карману.)

Я богат,

И Гюнтом оставаться рад.

(Раскрывает зонтик, направляясь к подвешенным меж деревьями гамакам.)

Трумпетерстроле

Свинья!

Monsieur Баллон

В нем чести нет ни грана.

Mr. Коттон

Без чести жить не так уж странно,

Но вспомните, какой доход

Свобода греков принесет.

Monsieur Баллон

Приняв победную осанку,

Я б мигом покорил гречанку!

Трумпетерстроле

Я думал: шпоры там отрою,

Принадлежавшие герою.

Фон Эберкопф

Я верил, греческий народ

Культуру немцев переймет.

Mr. Коттон

Увы, доход пропал напрасно.

Goddam,⁶ хоть плачь, так все ужасно.

Эх, мне б Олимп купить! По слухам,

⁶ Черт побери (англ.).

Под ним есть медная руда,
 И я тогда единым духом
 Разбогатею, господа!
 А знаменитый ключ кастальский,
 Который столько воспевался,
 Наверняка бы заменил
 Пять тысяч лошадиных сил.

Трумпетерстроле

Но твердость шведского меча
 Верней, чем золото богача.

Мг. Коттон

Быть может. Нас в толпе, однако,
 Не знает ни одна собака,
 Мы не пробьемся. А доход?

Monsieur Баллон

Проклятье! Убедившись в чуде,
 Узнать, что прахом все идет!

Мг. Коттон

(грозя кулаком в сторону яхты)

Набоб на этой вот посуде
 Хранит в монетах рабский пот.

Фон Эберкопф

Мысль превосходная! Вперед!
 Не так уж прочен царь-то наш!
 Ура!

Monsieur Баллон

Что?

Фон Эберкопф

Власть я взять сумею!

Я подкупаю экипаж
И яхту делаю своею.

Мг. Коттон

Вы...?

Фон Эберкопф

Яхтой овладеть готов!
(Идет к шлюпке.)

Мг. Коттон

Мой неизменный интерес
Велит мне с ним быть.
(Идет следом.)

Трумпетерстроле

Ну и бес!

Monsieur Баллон

Мошенник!.. Но в конце концов!
(Следует за уходящими.)

Трумпетерстроле

Я отправляюсь с ними вместе,
Но заявляю о протесте!
(Следует за остальными.)

Другое место на берегу. Луна и бегущие облака. Яхта быстро удаляется. Пер Гюнт носится по берегу, то щиплет себе руку, то вглядывается в морскую даль.

Пер Гюнт

Наважденья. Мираж. Обрывается сон.
Мой корабль исчезает, растаял он.
Пьян я, что ли? А может, спятил опять?
(Ломая руки.)
Неужели придется мне пропадать?

(Рвет на себе волосы.)

О, пускай оказалось бы все это сном,
Но, увы, это правда. Друзья изменили.
Обращаюсь теперь я к небесной силе:
О господь, рассуди и воздай поделом.

(Воздевая руки.)

Это я ведь, Пер Гюнт! Не забудь про меня!
А не то я погибну, свой жребий кляня.
Пусть машина взорвется! Пусть ветер
взъярится!

Пусть потонут! Устрой, чтобы им
воротиться.

Слушай, брось ты покамест другие дела,
Без тебя обойдется куда планета.
Он не внемлет. Как водится, глух, как
скала.

Хорошо ли молчать, коли просят совета?

(Машет, подняв руку.)

У меня же плантаций нет даже и в мыслях!
Вспомни, сколько отправил я в Азию
миссий!

Своего человека в беде не покинь.

Помоги!

Яхта охвачена огнем, затем дымом, слышен глухой взрыв.
Пер Гюнт вскрикивает и падает на песок. Когда дым
рассеивается, корабля уже нет.

(Поблуднев, шепотом.)

Покарал их господь. Аминь!

Потонул экипаж, и поклажа на дне.
Надо правду сказать, повезло нынче мне!

(Умленно.)

Повезло? Но везенье тут разве одно?
Им погибнуть, а мне уцелеть суждено.
Будь славен господь за то, что десницу
Надо мною, греховным, ныне простер.

(Вздыхая всей грудью.)

Сладко мне сознавать, что господень взор
Персонально за мной наблюдать стремится.
Но пустыня кругом. Где взять воду и пищу?
Почему обо мне не заботится он?
Обойдется.

(Громко и угодливо.)

Не даст он, чтоб раб его нищий
 Погиб, насущного хлеба лишен.
 Ждать надо смиренно, земное презрев,
 И бог сохранит. Не впадать же в отчаянье.

(Вскрикивая от ужаса.)

Не лев ли в кустах? Я слышу рычанье.

(Стуча зубами.)

Как будто не лев.

(Бодрясь.)

Ну конечно, не лев.

Удержаться в сторонке умеет зверина,
 Не смеет задеть своего господина,
 Помогает инстинкт: смекает она,
 Что даром дразнить не стоит слона.
 Дойду-ка, однако, до пальмы какой.
 Пускай даже влезть на нее нелегко мне,
 Но, ежели влезть, обеспечен покой,
 Особенно если молитву припомню.

(Влезает, на дерево.)

Что ж, утро вечера мудреней, –

Не раз проверена мной поговорка,

(устраиваясь удобнее)

Как хорошо трепетать от восторга!

Богатство не стоит высоких идей.

Доверься лишь богу. Пошлет он конец

Несчастьям твоим не в меру огромным.

Персоне моей он добрый отец.

(Взглянув на море, шепчет со вздохом.)

Но я не назвал бы его экономным.

Ночь. Стоянка марокканцев на границе пустыни. Дозорные
 отдыхают у костра.

Раб

(вбегая, рвет на себе волосы)

Нет царева иноходца!

Другой раб

(вбегая, разрывает на себе одежды)

Платье царское пропало!

Надсмотрщик
(вбегая)

Каждому по сотне палок,
Коль грабитель не найдется!

Воины, вскочив на коней, уносятся во все стороны.

Восходит солнце. Акации и пальмы. Пер Гюнт, сидя на дереве, отбивается веткой от обезьян.

Пер Гюнт

Ну, выдалась ночь! Нынче проклял я тьму.
(Отбиваясь.)

Ты снова? Теперь ты решила плодами?
Нет, кой-чем похуже! Ох, сладу нет с вами.
И что вы за твари, я в толк не возьму!
Бороться и бодрствовать учит Писанье.
Но так я замучен, что нет уже сил.

(При новой атаке, нетерпеливо.)
О, господи, хоть бы конец наступил!
Подкрасться бы надо мне к этакой дряни,
Поймать, и повесить, и шкуру стянуть,
Напялить ее на себя как-нибудь
И враз уподобиться обезьяне.
Что есть человек? Одинокий тростник.
Не зря он к другим применяться привык.
Опять налетели. Да их тут стада!
Попробуй-ка сладь с обезумевшим стадом!
Эх, стать бы в тот раз мне и вправду
хвостатым,
И встреча бы с ними была не беда.
Да что там? Наверх забирается стадо.

(Глядя вверх.)

Зажал старикашка грязюку в кулак.

(Сжавшись от страха, замирает. Обезьяна шевелится. Пер Гюнт манит ее, как собаку.)

Хороший. Хороший. Смеется-то как!
С ним только самим по-хорошему надо,
Кидать ничего он не станет в меня.
Да это ведь я. Мы знакомы отлично.

Тяв-тяв! И язык ваш я знаю прилично.
 Мы помним друг друга, мы даже родня.
 Я сахару дам тебе завтра. Срамник!
 Швырнул-таки пакость, зажатую в лапах!
 Съедобное, может? Неясно на запах.
 Ах, то лишь по вкусу, к чему ты привык.
 Какой-то философ недаром изрек:
 На силе привычки стоит наш мирок.
 А вот молодежь!

(Отбиваясь.)

Перл творца – человек
 Сносить принужден подобные вещи!
 На помощь! Сюда! Пропадаю навек!
 Старик-то был дрянь, а сынки еще хлеще.

Раннее утро. Скалы и пустыня. В одной стороне ущелье и грот. В ущелье вор и укрыватель краденого с царским конем и платьем. Богато убранный конь привязан к утесу. Вдали видны всадники.

Вор

Царский отряд
 Верхом приближается
 Сюда.

Укрыватель краденого

Словно в песок
 Голова погружается.
 Беда!

Вор

(складывая руки на груди)

Отец мой был вор,
 И сынку воровать.

Укрыватель краденого

Был мой – укрыватель,
 И мне укрывать.

Вор

Не спорить с судьбой –
Быть самим собой.

Укрыватель краденого *(прислушиваясь)*

Близится кто-то.
Бежим, дружок!

Вор

Гибель страшна,
Но велик пророк.

Убегают, бросая краденое. Всадники скрываются.

Пер Гюнт

(появляется, вырезая дудочку)

Что, в самом деле, за дивный рассвет!
Горло прочистить торопится птаха,
Улитка из домика лезет без страха.
Утро! Прекрасней времени нет!
Всю силу, какая в ней только нашлась,
Природа вложила в утренний час.
В сердце уверенность зреет такая,
Словно сейчас одолею быка я.
Тихо-то как! Превосходство деревни
Было мне раньше понять не дано.
Пусть города громоздятся издревле,
Всякого сброду в них вечно полно.
Глянь-ка, вот ящерица ползет,
Ведать не ведая наших забот.
Истинно, зверь невинен любой!
Он воплощает промысел божий,
То есть живет, на других непохожий,
То есть собой остается, собой,
Обижен ли он иль обласкан судьбой.

(Смотрит в лорнет.)

Жаба. Зарылась себе в песок
Так, что с трудом ее мы находим,

А тоже взирает на мир господень,
Упиваясь собой. Погоди-ка чуток!

(Задумывается.)

Упиваясь? Собой? Это чьи же слова?
И где я читал их во время оно?
Они из молитв? Из притч Соломона?
Проклятье! Слабеет моя голова,
И прошлое я вспоминаю едва.

(Садится в тень.)

Здесь, в холодке, мне будет удобно.
Эти вот корни вроде съедобны.

(Ест.)

Пища пригодна скорей для скота,
"Плоть усмирай!" – говорят неспроста.
Сказано также: "Умерь гордыню!
Возвысится тот, кто унижен ныне".

(Встревоженно.)

Возвысится! Это и есть мой путь.
И может ли впрямь оно быть по-иному?
Судьба воротит меня к отчему дому,
Позволит все к лучшему обернуть.
Сперва испытанье, потом избавленье.
Лишь дал бы здоровье господь да терпенье!

(Отгоняя черные мысли, закуривает сигару, ложится и смотрит вдаль)

Ну и пустыня – вправду без края!
Страус как будто шагает вдали.
Эх, кабы в толк мне взять помогли,
Что бог замышлял, эту сушь созидаю!
Для жизни людской она не пригодна,
Выжжена солнцем, мертва и бесплодна,
Нет ни предела ей, ни конца,
Здесь не пробьются подспудные воды.
Она, со времен сотворенья, творца
Не благодарила. Гримаса природы!
А что это там блестит на востоке?
Не море ли? Нет, невозможно. Мираж.
На западе море! Приморский пейзаж
Лежит за грядой холмов невысоких.

(Внезапно осененный.)

Я мог бы... поскольку заслон тут мал...
Устроить проток, прокопать канал,
И хлынут бурлящие волны по ныне

Безжизненной и безысходной пустыне.
 Я превратить бы поистине мог
 В бескрайнее море бесплодный песок.
 Оазисы стали бы здесь островами,
 Зазеленело бы все вокруг.
 Летели б морские суда над волнами,
 Как птицы, пути пролагая на юг.
 Воздух морской принес бы прохладу,
 Ливень с небес бы хлынул сюда,
 Люди воздвигли бы здесь города,
 Выжженный край уподобили саду!
 На юг от Сахары возникнуть должна
 Цивилизованная страна!
 Борну начнут заселять колонисты,
 А в Тимбукту станут строить завод,
 К Верхнему Нилу удобно и быстро
 Поезд от Габеса доведет,
 Там, где пышной распухнет зелень,
 Мы благородных норвежцев поселим,
 Раз мы, норвежцы, причислены к знати,
 Примесь арабская будет нам кстати.
 А где в залив ударяет волна,
 Будет Перполис построен, столица.
 Мир одряхлел. Так должна появиться
 В нем Гюнтиана, младая страна.

(Вскакивая.)

Только бы денег, и дело пойдет –
 Ключ золотой от морских ворот!
 В бой против смерти! Взять бы богатства,
 Что в сундуках без дела пылятся!
 Люди живут, свободы желая, –
 Как осел из ковчега, я кликну клич,
 И процветания можно достичь
 Для ныне пустынного, мертвого края!
 Выбраться – вот что волнует меня,
 А капитал не минует меня.
 Ныне полцарства отдам за коня.

Из ущелья доносится ржание.

Лошадь и сбруя, наряд и оружие!
(Подойдя ближе.)
 Откуда? Но что удивляет меня?

Воля движет горами, тогда почему же
 Не сотворить ей также коня?
 Чушь! Доверяться фактам в обычае.
 Ab esse ad posse⁷ – конь в наличии.
(Переодевается и оглядывает себя.)
 Сэр Гюнт стал турком с нынешних пор.
 Ну, кто бы подумал! Дивное платье,
 И конь красавец, и краше нет шпор!
(Садясь в седло.)
 Скачи, вороной, во весь опор!
 Лихая езда – привилегия знати.
(Скачет в пустыню.)

Шатер арабского вождя, одиноко стоящий среди оазиса,
 Пер Гюнт в восточном одеянии возлежит на подушках. Он
 пьет кофе и курит трубку на длинном чубуке. Анитра и
 девушки пляшут и поют.

Хор девушек

Пророк нам явился,
 Пророк нам явился,
 Пророк всемогущий явился нам ныне,
 У нас он, у нас он явился,
 Пройдя по пескам пустыни.
 Пророк всемогущий, хранитель святыни,
 У нас он, у нас он явился,
 Пройдя по пескам пустыни.
 Мир звуками флейт огласился:
 Пророк, пророк нам явился!

Анитра

Явился нам конь его белый,
 Как реки молочные рая,
 Молитесь, колени склоняя.
 Звезда в его взоре горела!

⁷ Ab esse ad posse – логическое правило, из существования предмета или явления следует возможность его существования.

А вовсе не доллары или гиней.
 Каков ты – таким тебя примет весь свет,
 Тебе здесь нужды в привилегиях нет,
 И связи не сделают дело вернее.
 Пророк – ну так что ж! Это дело по мне!
 И быстро устроилось все чрезвычайно!
 Мне встретились дети природы случайно,
 Когда я в пустыне скакал на коне.
 Житейское дело – явился пророк.
 Я людям не лгу и не вижу в том прока,
 Могу аннулировать все, что предрек, –
 Вот что от лжеца отличает пророка.
 Ничем я не связан. Такая причуда –
 Сугубо приватное дело притом.
 Уйду, как пришел, на коне вороном,
 Ведь я господин положенья покуда.

Анитра

(подойдя к нему)

Пророк и властитель!

Пер Гюнт

Что надо рабыне?

Анитра

К шатру собрались все воины рода,
 Желая взглянуть на пророка.

Пер Гюнт

Постой.

Скажи им, пускай остаются у входа
 И молятся, – слух обращаю к ним свой,
 А вход в мой шатер заказан мужчине.
 Мужчина – нелепая, скверная тварь.
 Безумия, злобы и грязи сыны!
 Анитра, представь себе только, что встарь
 Меня... Предо мной они очень грешны.
 Довольно. Пусть женщины в радостном
 танце

Мне с памятью горькой помогут
расстаться.

Девушки
(танцую)

Благ наш пророк, хоть полон печали,
Затем что люди зло учиняли.
Благ наш пророк и, души спасая,
Откроет нам, грешным, ворота рая.

Пер Гюнт
(наблюдая за танцующей Анитрой)

Бьют ноги дробь, словно по барабану.
Очень она аппетитна, как гляню.
Спорить не стану, подобные формы
За перл красоты не сочли до сих пор мы.
Но в чем красота? Зависит наш вкус
От места и времени. Я, признаюсь,
Считаю всегда, что пикантность такая
На пользу тому, кто давно пресыщен,
А общество бьет преступивших закон:
Та слишком толста, эта слишком худая,
Та чувственна, эта сверх меры невинна,
Хоть всем претит середина!
Но то, что грязна ее нежная ножка
И ручка пованивает немножко,
По мне, не порочит ее нисколько, –
Прекрасней делает только.
Анитра!

Анитра
(подойдя к нему)

Внемлет рабыня твоя.

Пер Гюнт

Ты прелесть. Совсем растрогался я.
И, в том тебя уверить желая.
Пророк тебя сделает гурией рая.

Анитра

Но я предпочла бы...

Пер Гюнт

Выкладывай смело!

Анитра

На что мне душа? До нее мне нет дела.
Мне лучше бы...

Пер Гюнт

Что?

Анитра

(указывая на его тюрбан)

Этот дивный опал!

Пер Гюнт

(с восторгом протягивая ей камень)

Анитра, всей плотью ты Евина дочка!
И раз я мужчина, магнит тебе дан.
Ах, есть у поэта отличная строчка:
"Das ewig Weibliche zieht uns an!"⁸

Лунная ночь. Пальмовая роща перед шатром Анитры. Пер Гюнт с арабской лютней сидит под деревом. Он подстриг бороду и волосы и выглядит гораздо моложе.

⁸ "Вечно женственное влечет нас!" (нем.) – Здесь пародируется заключительная строка "Фауста" Гете: "Вечно женственное влечет нас ввысь!"

Пер Гюнт

(играет и поет)

Свой рай замкнув своим ключом,
Я ключ с собой унес,
И в море я ушел потом,
И пролилось в краю родном
Немало женских слез.

На юг, на юг мы морем шли,
Все прибывало сил.
А на другом конце земли.
Где пальмы пышно возросли,
Я свой корабль спалил.

Я на корабль пустыни сел
О четырех ногах,
Вперед он бешено летел...
Теперь, как птица, я запел.
Лови! Я на ветвях!

Анитра, ты как пальмы сок, —
Я знал наверняка:
Ангорский сладостный сырок
От сладости твоей далек,
Настолько ты сладка!

(Вешает лютню на плечо и подходит к шатру.)

Тихо. Знать бы, услышала ль
Песню нежную она
И, откинув покрывало,
Глянула ль, обнажена?
Там какое-то движенье.

Не вздыхает ли любовь?
Ты ничем не прекословь.
Вот опять оно, и вновь —
Это, видимо, храпенье.
Что за музыка! Анитра
Спит. Умолкни, соловей!
Не собрать тебе костей,
Коль твоя не стихнет цитра,
Впрочем, бог тебе судья.
Так что пой себе, пожалуй.

Ты певец совсем как я.
 Ах, немало душ пленяла
 Песня звонкая твоя!
 Коль настала ночь, так пой!
 Песня – общая нам участь,
 И для нас обоих, мучась,
 Петь и значит быть собой.
 То, что девушка в дремоте,
 Счастьем придает накал,
 Точно вы еще не пьете,
 Но пригубили бокал,
 Впрочем, я не вижу зла
 В том, чтобы она пришла.

Анитра

(из шатра)

Господин позвал рабыню?

Пер Гюнт

Да, позвал я, в самом деле.
 С шумом здесь охотясь ныне,
 Поднял кот меня с постели.

Анитра

Ах, но это не охота,
 А совсем иное что-то.

Пер Гюнт

Что?

Анитра

Уволь...

Пер Гюнт

Скажи, чтоб знал.

Анитра

Стыдно мне...

Пер Гюнт

(подойдя поближе)

Не то ли было,
Что меня воспламенило,
Побудив отдать опал?

Анитра

(в ужасе)

Ты сравнить себя готов
С самым мерзким из котов?

Пер Гюнт

Поразмысли-ка о том,
Что, по крайности, в одном
Сходятся пророк с котом.

Анитра

С губ твоих, как мед, струится
Шутка.

Пер Гюнт

Свет души моей,
Не дано понять девицам
Выдающихся людей.
Пошутить всегда неплохо,
Да еще наедине.
При народе сан пророка
Придает серьезность мне.
Весь свой век я жил с опаской
От обилия забот,
Ибо их печальный ход
К прорицаниям ведет,
Мне служившим только маской.
К черту вздор! Я на свиданье

Просто Пер, такой, как есть.
 Пусть пророк идет в изгнание,
 Я хочу к тебе подсесть.
(Садится под дерево, привлекая ее к себе.)

И давай теперь валяться
 Под зелеными ветвями,
 Я шептать, а ты смеяться,
 После сменимся ролями,
 И, смягчив свое сердечко,
 Ты шепни любви словечко.

Анитра

(ложась к его ногам)

Речь твоя как песня ныне,
 Хоть ее не понимаю,
 Но за то, что ей внимаю,
 Дашь ли душу ты рабыне?

Пер Гюнт

Душу дам тебе и знанье,
 Коли есть на то желанье.
 Чуть зажжется в отдаленье
 Дня багряное сиянье,
 Я возьму тебя в ученье
 И примусь за воспитанье.
 Глупо было бы, однако,
 Коль среди ночного мрака
 Я бы вдруг тебе представил
 Ветхий свод ученых правил.
 И душа, замечу кстати,
 Небольшое достоянье!
 В сердце корень благодати.

Анитра

Говори! Пока внимала,
 Мне был виден свет опала.

Пер Гюнт

Ум в зените стал что дурость.

Трусость – злобой обернулась,
 В правде, взятой без предела,
 Ложь вылезит то и дело.
 Так устроен мир покуда,
 Что, хотя кругом полно
 Симпатичнейшего люда,
 Жизнь осмыслить мудрено.
 Паренек мне был знаком.
 Истый перл в кругу людском,
 Но и он поник пред бездной
 Ветхой утвари словесной.
 Видишь мертвую пустыню?
 Мановением тюрбана
 Я частицей океана
 Сделать мог ее отныне.
 Но ведь был бы я болваном,
 Сделав сушу океаном.
 Жить – ты знаешь что такое?

Анитра

Научи!

Пер Гюнт

Нестись рекою
 Времени, в волне слепой,
 Будучи самим собой!
 Но собой от века были
 Лишь мужчины в полной силе.
 В старости слаба орлица,
 Старый конь напрасно тщится,
 Ведьмой кажется старуха,
 Не хватает старцу духа,
 Блекнет в старости душа.
 Юность, юность, не желаю
 Царствовать, в руках держа
 Неоглядные пространства
 Гюнтковского государства,
 Если дева молодая
 К ней в сердечко даст забраться!
 Ты теперь сообразила,
 Для чего твое мне сердце?

Ты единственное средство
 Там, где в самом деле мило,
 Халифат свой основать.
 В царстве всех твоих стремлений
 Я хочу повелевать.
 Покорись мне нынче, право!
 Камню, чем он драгоценней,
 Тем скорей нужна оправа.
 Розно жить, по мне, бесцельно,
 И тебе та жизнь – отрава.
 А тебя я безраздельно
 Всю собой бы напоил
 И лишил последних сил.
 В волосах твоих смоленных
 И во всем, чем ты желанна,
 Сад прелестный Вавилона,
 Рай могучего султана.
 А что с придурью ты малость,
 Грех, пожалуй, не велик,
 Тот, кому душа досталась,
 Уходить в себя привык.
 Что до этого сюжета,
 Я желаю одного:
 Привязав на цепь браслета
 Прелесть тела твоего,
 Стать душой твоей за это,
 Не меняя status quo.

Анитра храпит.

Что? Заснула? И ответа
 Не услышала она?
 Впрочем, власть моя сильна
 Тем как раз, что и в дремоте
 Ей понятен голос плоти.
(Поднявшись, вкладывает ей в руки драгоценности.)
 Вот запястье, вот кулон.
 Спи, Анитра. Пусть в твой сон
 Пер придет. И ты корону
 Поднеси ему во сне,
 Ибо он свою персону
 Поборол теперь вполне.

Караванный путь. Оазис остался позади. Пер Гюнт скачет по пустыне на белом коне. Анитра сидит в седле перед ним.

Анитра

Пусти, укушу!

Пер Гюнт

Смотри какова!

Анитра

Что вздумал?

Пер Гюнт

Сыграть в овечку и льва!
Похитить тебя! Вот бы страсть
разыгралась!

Анитра

Стыдись! Престарелый пророк...

Пер Гюнт

Пустяки.
От старости мы еще далеки.
И чем же это похоже на старость?

Анитра

Пусти. Я желаю домой.

Пер Гюнт

Домой?
Кокетство! К папаше? Да что ты, друг мой?
Поверь мне, коль выпорхнули из клетки,
Домой не должны возвращаться детки.
Такому, как я, оставаться притом

Не надо бы долго на месте одном.
 Ума наберешься – лишишься почета.
 Особенно если пришел, как пророк,
 Являйся на миг, на короткий срок,
 А тут мой визит затянулся что-то.
 Меняет пустыня сердца своих деток:
 Я просьб и молитв не слыхал напоследок.

Анитра

Какой ты пророк!

Пер Гюнт

Над тобой я владыка.
(Пытаясь ее поцеловать.)
 Ведет себя девушка попросту дико.

Анитра

Отдай перстенок с безымянного пальца!

Пер Гюнт

Бери! Все считай, дорогая, своим.

Анитра

В речах твоих сладкие звуки таятся.

Пер Гюнт

Как сладко узнать, что ты нежно любим!
 Коня под уздцы поведу по пустыне.
(Отдавая ей хлыст и слезая с лошади.)
 Вот так, мой цветок, мой божественный
 дар!
 Как раб я служить своей стану рабыне,
 Пока тепловой не настигнет удар.
 Я молод, Анитра, даю тебе слово,
 Не стоит судить меня слишком сурово,
 Кто молод, тот любит шутить, веселиться,
 И ежели б только не ум твой худой,

Дошло до тебя бы, моя чаровница,
Коль я веселюсь, ergo⁹ я молодой!

Анитра

Ты прав. Дай колючку под стать
перстенечку!

Пер Гюнт

Держи! Мне б козленком пуститься
впрысочку!
Сплести бы венок из лозы винограда!
Я молод! Эх, петь да плясать бы мне надо!
(танцует и поет)
Я петушок счастливый
Когда клюется курица.
Эх, славно как танцуется!
Я петушок счастливый!

Анитра

Пророк, не устал ли ты, я беспокоюсь?
Тебе кошелек стал оттягивать пояс.

Пер Гюнт

Держи кошелек! Ты само благородство.
А тот, кто любим, без гроша обойдется.
(Опять танцует и поет.)
Пер Гюнт молодой совсем очумел,
Забыл, которую ногу куда.
Не все ли равно, говорит, ерунда!
Пер Гюнт молодой совсем очумел.

Анитра

Приятно танцующим видеть пророка.

⁹ Следовательно (лат.).

Пер Гюнт

Пока незаметно особого прока.
Сменяемся платьем! Разденься!

Анитра

Пророк,
Кафтан твой велик мне, а пояс широк.

Пер Гюнт

Eh bien!¹⁰
(*Становясь на колени.*)
Причини же мне боль, наконец!
Влюбленному сердцу приятно страданье.
Когда мы приедем ко мне во дворец...

Анитра

В твой рай?.. Велико ль до него
расстоянье?

Пер Гюнт

Миль с тысячу.

Анитра

Мне чересчур.

Пер Гюнт

(*вставая*)

Погоди,
Зато обретешь ты там душу в груди!

Анитра

Да я без души обойдусь, краснобай!
А боль причинить я...

¹⁰ Ладно (франц.)

Кругом бы тогда надо мной хохотали.
 Наделал делов! Утешенье лишь в том,
 Что зло было все в положенье моем,
 Повинна была не персона моя,
 А то, что само положенье пророка,
 Забвенье естественных норм бытия,
 Толкало меня изъясняться высоко.
 И что за нелепая должность – пророк!
 Напустишь тумана и, значит, при деле.
 С позиций пророческих, ум недалек,
 Коль скоро понята его протрезвели.
 И раз я пророком явился в пустыне,
 Я вынужден был поклоняться гусыне.
 Однако...

(Начиная вдруг хохотать.)

И что ведь на ум-то взбредет!
 Застопорить время фигурами танца,
 Поток преградить болтовней попытаться,
 Вздохнуть, ворковать о своем идеале, –
 И все для того, чтоб тебя общипали,
 Уж точно безумно-пророческий ход!
 Как куру, меня общипали! Хотя
 Кой-что уцелело, скажу не крутя:
 Есть что-то в Америке, что-то в кармане, –
 Выходит, не вовсе погряз я в дурмане,
 Еще я не беден, хоть и не богат.
 Заботы о клади меня не томят,
 Не надобно дум о коне и карете, –
 Себе господин я: один я на свете.
 Куда же пойти? Я путей вижу много.
 Лишь мудрый поймет, где тут к цели
 дорога!

Но толку не стало в коммерческом деле,
 Забавы любовные мне надоели,
 К тому ж я не рак, чтобы пятиться вспять.
 "Куда ни ступи, что вперед, что назад,
 Внутри и снаружи и жмут и теснят", –
 Как некогда мне довелось прочитать.
 Нужна мне невиданная досель,
 Усердья достойная, высшая цель.
 Иль жизни своей сочинить описание
 Грядущим потомкам своим в назиданье?
 Но нет. Раз во времени нет недостатка,

Познать, как школяр, не смогу я ужель
 Течение минувшего миропорядка?
 Такое занятие мне подойдет!
 Я хроники наши читал с малолетства,
 Наукам учился. Доступны мне средства
 Узнать, как взрастал человеческий род.
 Сквозь сон я увижу минувшее сам,
 Доверясь истории бурным волнам.
 Как зритель, на битву добра и зла
 Из безопасного гляну угла, –
 Как рушатся царства и глохнут идеи,
 Как мученик жизни лишиться готов,
 Как мелочью держится дело веков. –
 С истории пенки снимать я умею.
 Вот только бы "беккером" надо разжиться,
 И вслед хронологии можно пуститься.
 Конечно, познания мои не в порядке,
 К тому же история ставит загадки, –
 Зато чем нелепее пункт отправной,
 Тем вывод сильнее отдает новизной.
 Какой возникает душевный подъем
 От мысли одной, что мы к цели идем!

(Взволнованно, но тихо.)

Порвать навсегда с тем, что в сердце
 хранится,
 Забыть и свой дом, и родимые лица,
 И на ветер бросить богатства свои,
 И больше не думать о счастье любви, –
 И все ради истины неизвлеченной!

(Утирая слезу.)

Вот в чем узнается серьезный ученый.
 Я чувствую в сердце своем ликованье!
 Открылось мне истинное призванье!
 Держаться бы только теперь своего,
 И можно гордиться, что вновь ты мужчина,
 Что стал ты собой, Пером Гюнтом, кого
 Царем называть есть, как видно, причина!
 Хочу обладать я итогом былого,
 По тропам живущих не бегая снова.
 Не стоит сегодняшний день ни черта.
 Коварна обычная жизнь и пуста,
 Ничтожны умы и бессмысленна прыть!

(Пожимая плечами.)

А женщины - что уж о них говорить!
(Уходит.)

Летний день. Северные горы. Избушка в глухом лесу.
Дверь с большим деревянным засовом открыта. Над дверью
– олени рога. Подле избушки пасутся козы. Красивая
женщина средних лет сидит на солнце за прялкой.

Женщина

(поглядев на дорогу, поет)

Зима пролетит, и весна пройдет,
И лето – и целый промчится год,
Но ты ведь придешь, пусть не в этом году,
И я, как тебе обещала, все жду.

(Поманив коз, возвращается к работе и продолжает
петь.)

Дай бог на земле тебе зло побороть,
Да благословит тебя в небе господь.
Я жду тебя здесь, так велел ты мне сам,
А если ты в небе, мы встретимся там.

Египет. Утренняя заря. Колосс Мемнона в песках. Пер
Гюнт, приблизившись, некоторое время молча его
рассматривает.

Пер Гюнт

Отсюда я в странствия ныне пускаюсь
И буду теперь египтянин покамест,
Хотя и, заметим, – на гюнтовский лад! –
В Ассирию двинуться буду я рад.
А думать, как мир сотворен был когда-то,
По-моему, времени зряшная трата.
Библейских сказаний я трогать не буду,
Следы их и так проступают повсюду,
К тому же значенья их очень мудрены,
И я не спешу постигать их законы.

(Садясь на камень.)

Сперва отдохну под могучей сенью,

Покуда колосс предается пенью,
 Поем и внутри осмотрю пирамиду,
 Отдав прежде должное внешнему виду,
 За Черное море пойду на поклон –
 Не там фараон Потифар погребен?
 Потом в Вавилон я намерен явиться,
 Где в рощах висячих шатались блудницы,
 И с этой культурой чуть стану знаком,
 Направлюсь к Трое я прямым,
 А по морю прямо оттуда, из Трои,
 К бессмертным Афинам дорога ведет,
 Хочу я воочию видеть проход,
 Где пал Леонид и его герои,
 Узнаю философов, живших когда-то,
 Увижу тюрьму, где сгубили Сократа...
 Там, впрочем, война! Такая досада!
 Нет, лучше тогда эллинизма не надо.

(Взглянув на часы.)

И ждать же себя заставляет солнце!
 А времени нет. Ждут большие дела,
 О чем бишь я? Да, значит, Троя была...

(Вставая и прислушиваясь.)

Откуда-то шорох идет, мне сдается.

Восходит солнце.

Колосс Мемнона

(поэт)

Прежде прах полубога была я,
 Стала птица младая,
 То Зевса творенье
 Грядет на боренье
 Сова, куда эта птица
 Спать ложится?
 Коль не хочешь смерти своей,
 Отвечай скорей!

Пер Гюнт

Впрямь услышал я колосса глас,
 Музыка давних веков лилась,
 Слышал я камня волшебное пенье.

Отметим сей факт, мудрецам в поученье.

(Делая запись в книжке.)

"Статуя пела, и звук был вятен,
Но смысл оставался мне непонятен,
Все это был, несомненно, бред.
Других интересных деталей нет".

(Идет дальше.)

Неподалеку от селения Гизе. Огромный сфинкс, высеченный в скале. Вдали – шпили и минареты Каира. Появляется Пер Гюнт, он внимательно рассматривает сфинкса то в лорнет, то сквозь приставленный к глазу кулак.

Пер Гюнт

Ах, господи, я ведь кого-то видал,
На чудище это ужасно похожего!
Средь южных пустынь или северных скал?
То был человек? И ты узнаешь его?
Колосс Мемнона, смекнул я потом,
Весьма походил на Доврского старца,
Когда, возвышаясь с раскрытым ртом.
Старался тот мудрым и важным казаться.
Но это создание – помесь льва
И дивной женщины, полной истомы?
В народе легенда о нем жива,
Иль были мы с ним и вправду знакомы?
Он – выдумка? Вспомнился случай

забытый!

Да это ж кривой, мной однажды побитый!
Так мне показалось... Я был в лихорадке...

(Подойдя ближе.)

Взор точно такой, и у рта те же складки,
Быть может, немного мясистее рыло,
Но сразу и мать бы их не различила,
Явственно сходство со львом у кривого,
Когда к нему днем приглядишься с тыла.
А если загадку задать тебе снова?
Ответишь ли так же, как в давнем году?

(Кричит сфинксу.)

Эй, кто ты, кривой?

Голос
(за сфинксом)

Ach, Sphinx, wer bist du?¹¹

Пер Гюнт

Как? Эхо владеет немецким? Ого!

Голос

Wer bist du?

Пер Гюнт

Прекрасная речь у него.
Науке неведом такой прецедент.
(*Записывая в книжку.*)
"Немецкое эхо. Берлинский акцент".

Из-за сфинкса выходит Бегриффенфельдт.

Бегриффенфельдт

Здесь есть человек.

Пер Гюнт

Все понятнее стало.
(*Записывая.*)
"Мой вывод потом был иным, чем
сначала".

Бегриффенфельдт
(*жестами, выражая тревогу*)

Простите, но жизненно важное дело...
С чего бы сюда заявились вы вдруг?

Пер Гюнт

Визит. Здесь живет мой старинный друг.

¹¹ Ах, сфинкс, кто ты? (нем.).

Бегриффенфельдт

Кто? Сфинкс?

Пер Гюнт

(кивая)

Наша дружба не знала предела.

Бегриффенфельдт

Отлично! К тому же минувшая ночь!
Трещит голова! Так и рвется на части.
Вы быть с ним знакомым имеете счастье
И скажете, кто он?

Пер Гюнт

Сказать я не прочь:

Он – это он сам.

Бегриффенфельдт

(подскакивая)

Вспышка грозного света
Всю жизнь озарила! А верен расчет,
Что он – это он?

Пер Гюнт

Сам сказал он мне это.

Бегриффенфельдт

Он сам вам сказал? Это переворот!
(Снимая шляпу.)
Как, сударь, вас звать?

Пер Гюнт

Пером Гюнтом крещен.

Бегриффенфельдт
(увлекая его за собой)

Да, царство твое в толкованье твоём.

Каир. Большой двор, огороженный высокой стеной и домами. На окнах решетки. Железные клетки. Во дворе трое сторожей. Входит четвертый.

Вошедший

Шафман, куда наш директор девался?

Первый сторож

Уехал куда-то еще до зари.

Четвертый

Ночью, должно быть, он сильно терзался.
Давеча...

Второй

Тише. Он здесь. Смотри!

Бегриффенфельдт вводит Пера Гюнта, запирает ворота и кладет ключи в карман.

Пер Гюнт
(про себя)

Он, очевидно, весьма даровит:
Никак не понять, что он говорит.
(*Оглядываясь.*)

Стало быть, здесь для ученых дом?

Бегриффенфельдт

Лучших толковников тут мы найдем,
Семьдесят – прежнее их число, –
Ныне до ста тридцати возросло.

(Кричит сторожам.)

Миккель, Шлингельберг, Шафман, Фукс,
В клетки немедленно! За вас я возьмусь!

Сторожа

Мы?

Бегриффенфельдт

Ну, а кто же? Скорей! Скорей!
Земля завертелась, и мы вместе с ней.
(Заставляя их войти в клетку.)
Великий Пер появился у нас.
Сами смекайте, – вот и весь сказ!
(Заперев клетку, бросает ключи в колодец.)

Пер Гюнт

Директор и доктор, извольте меня...

Бегриффенфельдт

Ни то, ни другое с текущего дня!
Вы в силах держать за зубами язык?

Пер Гюнт

(обеспокоенный)

А что?

Бегриффенфельдт

Я пугать вас не буду рассказом...

Пер Гюнт

Но что же?..

Бегриффенфельдт

(отведя его в сторону, шепотом)

Сегодня, скажу напрямик,

Дух испустил абсолютный разум.

Пер Гюнт

О, боже!

Бегриффенфельдт

Для всех это дело худое,
А для меня еще тягостней вдвое.
До сих пор приходилось этим хоромам
Слыть желтым домом.

Пер Гюнт

Слыть желтым домом!

Бегриффенфельдт

Тогда, но не нынче!

Пер Гюнт

(побледнев, шепотом)

Я понял, в чем дело?
Он тронулся сам, но таится умело.
(Отступает.)

Бегриффенфельдт

(следуя за ним)

Вы поняли смысл этой смелой фигуры:
Не то чтобы умер и в небо взвился,
Но сам из себя изошел, как из шкуры
Вышла Мюнхгаузенова лиса.

Пер Гюнт

Простите...

Бегриффенфельдт
(удерживая его)

Точнее, как угорь он,
В ушко влез игольное и проведен
Сквозь стену...

Пер Гюнт

Спасаться мне надобно все же!

Бегриффенфельдт

Вскрыл ножиком шею и вылез из кожи!

Пер Гюнт

Совсем сумасшедший! Быть, видно, беде!

Бегриффенфельдт

Скрывать происшедшее – зряшное дело,
Поскольку исшествие духа из тела
К большим переменам приводит везде.
В ком видели прежде печать идиотства,
Считать за нормальных отныне придется,
В согласии с разумом в нынешней фазе,
И, следуя дале, отныне должны
Мы тех, кто, как прежде считалось, умны,
Считать идиотами в этаким разе.

Пер Гюнт

Да, мниморазумных. Но времени нет.

Бегриффенфельдт

Нет времени? Вы мне даете совет!
(Отворив дверь, кричит.)
Сюда! Начинается новая эра!
Преставился разум. Восславим Пера!

Пер Гюнт

Любезнейший...

Во дворе один за другим появляются сумасшедшие.

Бегриффенфельдт

Солнце для вас засияло.
Пора долгожданной свободы настала.
Явился ваш царь!

Пер Гюнт

Царь?

Бегриффенфельдт

Вот то-то и есть.

Пер Гюнт

Но это уж, право, сверх всяческой меры...

Бегриффенфельдт

Оставьте вы скромности ложной химеры
В такую минуту!

Пер Гюнт

Спасибо за честь,
Но я погожу, я еще не обвыкся.

Бегриффенфельдт

Лицо, угадавшее мнение сфинкса?
Сам бывший собой?

Пер Гюнт

Здесь зарыта собака!
Повсюду собой остаюсь я самим,

А тут, чтоб собой быть, хотим – не хотим,
Должны от себя мы отречься, однако.

Бегриффенфельдт

Отречься? Да что вы? Ведь вы не слепой,
Напротив, собой мы бываем тут сами,
И в море житейское под парусами
Здесь каждый выходит самим собой.
Здесь каждый свое только слышит слово,
Уйдя целиком в себя самого,
Свои только беды печалят его, –
От мира отрекся он остального.
Никто здесь не стонет от боли чужой,
Никто здесь не дышит другой душой,
Себе лишь самим кадим мы и служим,
Мы сами – единственный наш трамплин,
И если действительно царь нам нужен.
Лишь вы – наш естественный господин.

Пер Гюнт

Вот дьявол!

Бегриффенфельдт

Мужайтесь, напрасен ваш страх.
Нам все ведь в новинку на первых порах.
"Самим быть собой!" Для полной картины –
Пример, приходящий мне сразу на ум:
(обращаясь к мрачной фигуре)
Привет тебе, Гугу! Все так же угрюм,
Слоняешься по двору ты без причины?

Гугу

Но уходят поколенья,
Не имея объясненья.
(Перу Гюнту.)
Рассказать ужасный случай?

Пер Гюнт
(*клянясь*)

Боже правый!

Гугу

Ну, так слушай!
Уничтожена свобода
Малабарского народа.
Португальцы и голландцы
Как пошли переселяться,
Нам неся свою культуру,
Нами принятую сдуру,
Так легло на наши плечи
Совмещение наречий.
А когда-то наши страны
Населяли обезьяны,
Властью радостно играя
Посреди родного края,
Как явила их природа,
Так и жили год от года,
Сотни лет они рычали,
Как приучены вначале.
Наш язык первоначальный
Завершил свой путь печальный,
На столетия четыре
Ночь настала в нашем мире,
И могла ль чужая хватка
Не оставить отпечатка?
Смолкли древние звучанья,
Не слышать нигде рычанья,
Ныне жребий стал суровым:
Надо пользоваться словом.
Вот над нами как глумятся!
Португальцу и голландцу,
Малабарцу и гибриду
Разом нанесли обиду!
Я боролся за первичный
Наш язык, нам непривычный,
Труп мнил вернуть дыханье,
Звал сражаться за рычанье,
Сам рычал, сыскавши вскоре

Дух рычания в фольклоре,
 Но труды мои пропали.
 Вот исток моей печали,
 Помогите в невзгоде этой,
 Что нам делать – посоветуйте!

Пер Гюнт

(тихо)

Волком вой, живя с волками, –
 По Писанью толковали.

(Громко.)

Друг любезный, недалеко,
 Сколько помнится, в Марокко
 Нет числа тем обезьянам,
 Что владеют первозданным,
 Не страдающим дефектом,
 Малабарским диалектом.
 Вот и вам, во имя братства,
 Надо к ним перебираться.

Гугу

Приношу благодаренье
 За такое поученье,
(С важным видом.)
 Хоть Восток навек потерял,
 Обезьянам Запад верен!

(Уходит.)

Бегриффенфельдт

Ведь он же в своей выступает манере?
 Иной в нем не видно, по крайней мере,
 Во всем он своей только верен судьбе,
 И нам представляется духом в себе.
 Извольте теперь поглядеть на второго,
 Судящего тоже довольно толково.
(Обращаясь к феллаху с мумией на плечах.)
 Царь Апис, как ваши дела обстоят?

Феллах*(Перу Гюнту, злобно)*

Признал, что я – Апис?

Пер Гюнт*(прячась за доктора)*

Ах, виноват!

Я, к сожаленью, не в курсе дела.

Но в тоне, по-моему, прозвенело...

Феллах

Лжешь, значит, и ты...

Бегриффенфельдт

Попрошу вашу милость

Ввести нас в курс дела...

Феллах

Вот что получилось:

(обращаясь к Перу Гюнту)

Ты видишь, кого таскаю?

Он Аписом был, царем.

Потом оказался мумией,

Помер, как все помер.

А он возвел пирамиды,

Вырубил сфинкса средь скал

И, как уверяет доктор,

Все с турками воевал.

Египет, как высшего бога,

Его почитал века,

Ставя его изваянья

В храмах, в виде быка.

Но я и есть этот Апис,

Как день это ясно мне.

После моих разъяснений

Сам убедишься вполне.

Царь Апис, быв на охоте

Тому три тысячи лет,

Сходил за нуждой в усадьбе,
 Которой владел мой дед.
 Земля от его удобрений
 Дала мне свои дары,
 И стали расти незримо
 Рога в честь давней поры.
 Ответь, по какому праву
 Молчат о моих делах?
 Хоть я по рождению Апис,
 Считают, что я феллах.
 Коль знаешь, скажи, что делать
 В тяжелом горе моем,
 Какой, научи, поступок
 Придаст мне сходство с царем?

Пер Гюнт

А ты бы возвел пирамиды,
 Вырубил сфинкса среди скал
 И, как наставляет доктор,
 С турками бы воевал!

Феллах

Какие дивные речи!
 Феллах! Голодная вошь!
 Да тут и свою халупу
 От крыс и мышей не спасешь.
 Придумай что-то другое,
 Чтоб стал я и впрямь велик,
 Точь-в-точь как древний царь Апис,
 Мне на плечи легший бык.

Пер Гюнт

Тогда повеситься надо,
 Махнув рукой на судьбу,
 И, не беспокоя ближних,
 Безропотно спать в гробу.

Феллах

Отлично! Так и поступим.

Веревка – венец моих дней.
 Вначале разница будет,
 Однако сотрется поздней.
(Отойдя в сторону, готовится к самоубийству.)

Бегриффенфельдт

Вот цельная личность, любезнейший Пер!
 В нем впрямь есть система.

Пер Гюнт

Отличный пример!
 Но впрямь удавиться решил он покуда.
 Спаси и помилуй, всевышний! Мне худо!

Бегриффенфельдт

Пройдет. В переходном периоде вы.

Пер Гюнт

Куда? Но проститься я должен, увы...

Бегриффенфельдт

(удерживая его)

Вы спятили?

Пер Гюнт

Нет. Бросьте ваши заботы.

Сумятица. Из толпы выходит министр Хуссейн.

Хуссейн

Сказали, что царь появился у нас.

(Обращаясь к Перу Гюнту.)

Не вы ль, часом, будете?

Пер Гюнт
(*в отчаянье*)

Пробил мой час!

Хуссейн

Нам нужно ответить на важные ноты.

Пер Гюнт
(*рвет на себе волосы*)

Чем хуже, тем лучше! Воистину мило!

Хуссейн

Извольте меня обмакнуть в чернила.
(*Низко кланяясь.*)
Я ваше перо.

Пер Гюнт
(*кланяясь еще ниже*)

Я ж, всерьез говоря, –
Старинный пергамент былого царя.

Хуссейн

Мне жизнь мою сразу открыть не хитро:
Песочницей числюсь, а сам я перо.

Пер Гюнт

И я открываюсь вам в самом начале:
Я лист, на котором еще не писали.

Хуссейн

Не ведают люди, какой во мне прок,
Хотят из меня они сыпать песок.

Пер Гюнт*(с нарастающим страхом)*

Держите его!

ХуссейнДа, держите! Держите!
Держите перо и бумагу берите!*(Падая.)*Что ж, я исписался. Пусть пишут потом:
Он жил и скончался надежным пером.**Пер Гюнт***(еле держась на ногах)*Что делать? О ты, воплощающий власть!
Я турок, я грешник, урод меж уродов...
Какая-то нитка во мне порвалась...*(Кричит.)*Никак мне на имя твое не напасть...
Но ты помоги мне, отец сумасбродов!*(Падает в обморок.)***Бегриффенфельдт***(с соломенным венком в руках, подпрыгнув, садится
верхом на Пера Гюнта)*Глядите, в каком он владычит болоте!
Его коронуем на древний манер!*(Напяливая на него венок.)*

Ура повелителю собственной плоти!

Шафман*(в клетке)*Es lebe hoch der grosse Peer!¹²

¹² Да здравствует великий Пер! (нем.)

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Палуба корабля в Северном море вблизи норвежских берегов. Закат. Ненастье. Пер Гюнт, крепкий старик, седовласый и седобородый, стоит неподалеку от штурвала. Одет он как матрос – куртка и высокие сапоги. Одежда поношена, лицо обветрено и стало суровой. Капитан рядом с рулевым, у штурвала. Кругом вся команда.

Пер Гюнт

(опираясь о борт, разглядывает берег)

Вон Халлинг – на нем еще снежный наряд.
 Старик на закате понежиться рад.
 И брат его Йокуль мне виден за ним –
 Пригнулся, накрывшись плащом ледяным.
 А там Фольгесфоннен, – прекрасна она,
 Как девушка в платье из белого льна.
 Не надо чудить, вековые громады, –
 С родимого места срываться не надо!

Капитан

(отдавая команду)

Вверх фонари и двое к рулю!

Пер Гюнт

Ветрено.

Капитан

Буря грозит кораблю.

Пер Гюнт

Рондские скалы видно отсюда?

Капитан

Нет, за хребтом они скрыты покуда.

Пер Гюнт

А Блохе?

Капитан

Она недоступна взору,
Но виден Галхепиг в ясную пору.

Пер Гюнт

А где же Хортейг?

Капитан

(указывая)

Вон там в глубине!

Пер Гюнт

Так!

Капитан

Все вы знаете в нашей стране!

Пер Гюнт

Запомнил, прощаясь, я родины вид:

Что видишь последним, то память хранит.

(Сплюнув, продолжает всматриваться в берег.)

Везде – за грядями тесных шхер.

В нагорных долинах, у темных пещер,

И ниже, где фьорды вьются меж скал,

Человек себе место для жизни сыскал.

(Глядя на капитана.)

Живут здесь вразброску?

Капитан

Действительно, тут

Не близко один от другого живут.

Пер Гюнт

К рассвету дойдем?

Капитан

Могли бы дойти,
Да буря, боюсь, настигнет в пути.

Пер Гюнт

На западе тучи.

Капитан

Вот-вот!

Пер Гюнт

Я потом,
Когда мы в желанную гавань придем,
Хотел бы дать вашим морским волкам
Деньжонок.

Капитан

Спасибо.

Пер Гюнт

Я много не дам.
Достался мне золота славный кусок,
Да отнял, что было, безжалостный рок.
Вы знаете, после огромных потерь,
Ничтожные крохи везу я теперь.

Капитан

Однако доставят вам дома они
Почтенье родни.

Пер Гюнт

Не осталось родни,
Никто здесь не ждет моего богатства,
И не с кем на пристани мне обниматься.

Капитан

А вот вам и шторм.

Пер Гюнт

Значит, я помогу.
Коль сильно нуждаются ваши бедняги.
Не все я о собственном думаю благе...

Капитан

Вот это прекрасно. Я вам не солгу:
У всех на плечах у них жены и семьи,
А с честных трудов разве станешь богат?
Добыв хоть немного лишних денег,
Радужней они будут встречены всеми.

Пер Гюнт

Ах, вот что? Так есть у них жены и дети?
Женаты они?

Капитан

Ну, конечно, женаты.
Вот повару мало положенной платы,
Беднее семьи не сыскать вам на свете.

Пер Гюнт

Женаты? Так есть у них близкие люди,
И дома им рады, выходит?

Капитан

Ну да,

По-своему рады.

Пер Гюнт

Так как же, когда
Придут вечерком они...

Капитан

В чистой посуде
Жена даст еду...

Пер Гюнт

Вспыхнут свечи ярко!

Капитан

А к ужину, может, найдется и чарка.

Пер Гюнт

Сидеть у огня им, должно быть, неплохо,
И дети вокруг, и стоит суматоха,
Друг друга не слушают, все им приятно,
Все счастливы.

Капитан

Это вполне вероятно.
Да вы же им только что сами, кажись,
Хотели дать денег.

Пер Гюнт

(стукнув кулаком по борту)

Не дам я ни в жизнь!
Еще я не спятил, чтоб мне от богатства
Во имя чужих детей отречься.
Богатство мое – плод тяжелых работ,
А старого Пера никто здесь не ждет.

Что там за крик?

Вахтенный

(на носу)

Опрокинутый бриг!

Капитан

(посреди корабля, отдавая команду)

Лево руля и по ветру полный!

Штурман

Люди там есть?

Вахтенный

Различаю троих.

Пер Гюнт

Лодку скорей!

Капитан

Захлестнут ее волны.

(Переходит на нос корабля.)

Пер Гюнт

Надо спасать!

(Обращаясь к матросам.)

Вы мужчины авось?

Иль страшно, что вымокнуть вам бы
пришлось?

Боцман

Что уж поделатъ, коль этакий шквал.

Пер Гюнт

Снова кричат! Море стихло покуда.
Повар, попробуй! Скупиться не буду!

Повар

Я и за двадцать бы фунтов не стал.

Пер Гюнт

Псы вы и трусы! При этом, заметьте,
Этих несчастных ждут жены и дети
Так же, как вас.

Боцман

Спешка тут не нужна.

Капитан

Полный вперед!

Штурман

Накатила волна.

Пер Гюнт

Все потонули?

Боцман

Когда в самом деле
Ждали их жены, – все три овдовели.

Буря усиливается. Пер переходит на корму.

Пер Гюнт

Ныне веры не стало в сердцах у людей,
Христианское чувство в их душах пропало,
Добрым делом души не потешат своей,

Даже страха господнего в людях не стало.
 А всевышний в такую погоду суров –
 Этим жалким скотам бы теперь подобало
 Поразмыслить о том, что им всем

угрожало,

Что напрасно они задевали слонов.
 Я ни в чем не повинен. Для доброго дела
 Заработанных денег душа не жалела.
 Только что получилось? Подчас говорят,
 Будто сладостен сон, коли совесть в

порядке.

На земле поученье подобное – клад.
 А вот на море взять его надо назад,
 Ибо шансы твои на спасение шатки.
 Здесь не важно, как ты поведешь себя сам,
 Здесь идешь поневоле по чьим-то стопам,
 Если будет наказан за подлости боцман,
 Вместе с ним отправляться мне к черту

придется.

Здесь достоинства личные в

пренебреженье, –

Ты один не одержишь победу в сраженье.
 Я, к несчастью, не в меру был благочестив,
 Но за праведность мне не досталась

награда.

Быть бы мне помоложе, – единый порыв –
 И я зажил бы жизнью не этого склада.

Впрочем, есть еще время и целы деньжата,
 Что на черный денек приберег я когда-то.

Починю я наш дом, и, уж раз я богат,

Станет он у меня краше царских палат.

Но никто преступить не посмеет порога,

Хоть просителей-нищих потянется много.

Будут плакать. Но, хоть изошла бы душа,

От меня не получат они ни гроша.

Коль сносил я судьбы беспощадную

плетку,

То достанутся розги всему околотку.

Посторонний пассажир

*(вырастая во мраке рядом с Пером Гюнтом и
учтиво кланясь)*

С почтением!

Пер Гюнт

С почтением! А кто вы такой?

Пассажир

Мы с вами плывем на одном пароходе.

Пер Гюнт

А мне все казалось, один я тут вроде.

Пассажир

Ошиблись, как видите, мой дорогой.

Пер Гюнт

Но что ж вы ни разу не встретились мне?

Пассажир

А я выхожу, когда ночка темна.

Пер Гюнт

Но вы не больны? Вы бледней полотна.

Пассажир

Нисколько. Напротив, здоров я вполне.

Пер Гюнт

Как буря бушует!

Пассажир

Я искренне рад.

Пер Гюнт

Вы рады?

Пассажир

На то я имею причину:
Высокие волны не знают преград,
Немало судов они стащат в пучину
И много покойников нам воротят!

Пер Гюнт

Помилуй господь!

Пассажир

А случилось, дружок,
Вам видеть утопших?

Пер Гюнт

Спаси меня бог!

Пассажир

Их трупы смеются. Но, скажем открыто,
Улыбка натянута и нарочита.

Пер Гюнт

А ну убирайтесь!

Пассажир

Минутку одну!
Скажите, коль скоро пойдём мы ко дну,
Наткнувшись на риф...

Пер Гюнт

Опасность нависла?

Пассажир

Об этом судачить не вижу я смысла.
Но, скажем, я спасся, и тонете вы...

Пер Гюнт

Нелепость!

Пассажир

Допустим, дела таковы!
А коль до могилы шажок лишь шагнуть.
Добром поделиться могли бы вы смело.

Пер Гюнт

(сует руку в карман)

Вам денег?

Пассажир

О нет, драгоценный, отнюдь.
Хотелось бы взять ваше мертвое тело.

Пер Гюнт

Куда занесло!

Пассажир

Я во имя науки.
Мне только бы труп.

Пер Гюнт

Что за подлые штуки!

Пассажир

Подумайте, друг мой. Для вас это выход,
Сулящий великое множество выгод.
Хочу я писать, как серьезный анатом,
О секторе мозга, мечтами чреватом.

Пер Гюнт

Подите к чертям.

Пассажир

Но мне нужен лишь труп.

Пер Гюнт

Вы бурю накличете. Метод ваш груб,
Вы просто безумец. Ведь видите вы,
Что нам тут и впрямь не сносить головы,
А держитесь так, словно вы, ваша милость,
Хотите, чтоб это скорее случилось.

Пассажир

Не любите вы рассуждать хладнокровно,
Но это с годами пройдет безусловно.
(Приветливо кланяясь.)
Мы встретимся с вами в последний ваш
час.

Тогда на душе будет легче у вас.
(Уходит в каюту.)

Пер Гюнт

Ученые! Пренеприятный народ!
Безбожники!
(Боцману, проходящему мимо.)
Слушай-ка, с нами плывет
Еще пассажир? Расскажи про него.

Боцман

Да нет, мы везем только вас одного.

Пер Гюнт

Меня одного? Что за шутки, однако!

(Юнге, выходящему из каюты.)

Кто был здесь сейчас?

Юнга

Только наша собака.

(Идет дальше.)

Вахтенный

(кричит)

Несет на утес!

Пер Гюнт

Хоть вещи бы кто-то

На палубу взял!

Боцман

Есть другая забота!

Пер Гюнт

Капитан, осознал я свою вину.

Век жить буду, повару помогая!

Капитан

Обрушилась мачта!

Штурман

Сломалась другая!

Боцман
(*кричит на носу*)

На риф налетели!

Капитан

Идем ко дну!

Корабль разламывается. Шум и смятение.

У прибрежных рифов. Корабль тонет. В тумане видна лодка с двумя пассажирами. Волна ее опрокидывает. Слышен крик. Когда все стихает, лодка всплывает кверху дном. Рядом всплывает Пер Гюнт.

Пер Гюнт

Люди! Спасите! Иду на дно!
Боже, в Писании говорено...
(*Хватается за лодку.*)

Повар
(*выплыв с другой стороны*)

Боже, во имя моих детей,
Дай до земли мне доплыть скорей!
(*Тоже хватается за лодку.*)

Пер Гюнт

Прочь!

Повар

Нет!

Пер Гюнт

Ударю!

Повар

Сдачи дам!

Пер Гюнт

А вот я тебе сейчас по зубам!
Лодка двоих не удержит нас!

Повар

Знаю! Отстань!

Пер Гюнт

Сам отстань!

Повар

Сейчас!

Борьба. Повар, повредив руку, держится за лодку другой.

Пер Гюнт

Лапищу прочь!

Повар

Пожалей меня, брат!
Вспомни про малых моих ребят!

Пер Гюнт

Нет, драгоценнее жизнь моя,
Раз не оставил потомства я!

Повар

Пожили вы, а я молодой.

Пер Гюнт

К дьяволу! Лодка почти под водой!

Повар

Смилуйтесь! Выбраться дайте из вод!
 Вас-то никто ведь дома не ждет!
(Вскрикивая, отпускает лодку.)
 Гибну!

Пер Гюнт

(поддержав его)

Покуда души не отдашь,
 Ты бы прочел "Отче наш".

Повар

Мне не припомнить... Холод внутри...

Пер Гюнт

Самое важное говори!

Повар

Хлеб наш насыщенный...

Пер Гюнт

На твой-то век
 Хлеба достало бы, человек.

Повар

Хлеб наш насыщенный...

Пер Гюнт

Заладил опять!
 Поваром был – сразу видать!
(Выпускает его.)

Повар*(идя ко дну)*

Хлеб наш насущный даждь нам...

*(Тонет.)***Пер Гюнт**

Аминь!

Собой ты остался среди водных пустынь.

*(Забираясь на лодку.)*Где жизнь, там надежда, – видишь,
старик!**Посторонний пассажир***(хватаясь за лодку)*

С почтением!

Пер Гюнт

Ой!

Пассажир

Услыхал я крик.

Славная встреча среди гибельных скал.

Видите, точно я все предрекал.

Пер Гюнт

Прочь! И один тут не знаешь как быть.

Пассажир

Левой ногой могу я доплыть,

Лишь бы хоть кончиком пальца

К лодке мне прикасаться.

Кстати, о трупе...

Пер Гюнт

Заткни хайло!

Пассажир

Все остальное прахом пошло.

Пер Гюнт

Молчать, было сказано!

Пассажир

Я буду рад.

Молчание.

Пер Гюнт

Что же?

Пассажир

Молчу.

Пер Гюнт

Проклятье и ад!

Что же вы?

Пассажир

Жду.

Пер Гюнт

(рвет на себе волосы)

С ума тут сойдешь!

Кто же вы?

Пассажир

Друг.

Пер Гюнт

А дальше-то что ж?

Пассажир

Кто я, скажите? Хоть черточкой малой
Схож ли я с кем-нибудь?

Пер Гюнт

С чертом, пожалуй.

Пассажир

(ласково)

Есть ли у черта обыкновенье
В гибельный час приносить утешенье?

Пер Гюнт

Вот как? Выходит, в том ваш секрет,
Что через вас ниспослан мне свет?

Пассажир

Знали ли вы хоть два раза в год
Страх, что всю душу перевернет?

Пер Гюнт

Будешь бояться, коль видишь опасность.
Но в ваших словах отсутствует ясность...

Пассажир

Хоть раз вы добыли, скитаясь по свету,
Из страха рождающуюся победу?

Пер Гюнт

(разглядывая его)

Ежели знание чрез вас мне дано,

То стоило б вам объявиться давно.
 Глупо учиться, ежели вскоре
 Жизни лишит разъяренное море.

Пассажир

Разве надежней бы стала победа,
 Когда б у камина шла наша беседа?

Пер Гюнт

Нет, но смешки ядовитые ваши
 Вряд ли судьбу мою сделают краше.

Пассажир

В мире, откуда шел я, пилигрим,
 Пыл от иронии неотличим.

Пер Гюнт

Всему свое время. Как говорится,
 Епископу – срам то, чем мытарь кичится.

Пассажир

Мертвые, пеплом лежащие в урнах,
 Отнюдь не ходили весь век на котурнах.

Пер Гюнт

Проваливай! Жить я хочу! Как-нибудь
 До берега надо бы мне дотянуть.

Пассажир

Избавьте себя от излишних забот:
 Среди пятого акта герой не помрет.
(Исчезает.)

Пер Гюнт

Вот весь он, как есть, – и весьма

неказист:
 Всего лишь обыденный моралист.

Кладбище в горах. Похороны. Пастор и народ. Поют последний псалом. Мимо идет Пер Гюнт.

Пер Гюнт

(у ограды)

Еще один отдал душу и плоть.
 Спасибо, что это не я, господь.
(Проходит за ограду.)

Пастор

(над могилой)

Душа теперь витает в небесах,
 И пуст, как шелуха, сей бренный прах,
 Покойника нам должно помянуть,
 Обозревая пройденный им путь.
 Был неумен и не имел достатка,
 К тому же был не храброго десятка,
 Не смел открыть суждения свои,
 И не был чтим в кругу своей семьи,
 И, приходя молиться в божий храм,
 Себя незванным чувствовал и там.
 Он, в Гудбрандской долине живший ране,
 Переселился мальчиком сюда.
 Вы ежели припомните, всегда
 Держал он руку правую в кармане.
 Рука в кармане как бы составляла
 Особенность, в которой весь был он,
 Хотя бы замечали вы сначала
 Отчаянно застенчивый поклон.
 Но хоть он жил как будто в тайнике
 Меж нас на положенье чужестранца,
 Как ни скрывал он, все могли дознаться:
 Четыре пальца было на руке.
 Однажды утром, много лет назад,
 Я в Лунде был при воинском наборе.
 Велась война. Кругом стояло горе,
 И друг за другом беды шли подряд.

Я в Лунде был. Я помню, мы сидим,
Я, пристав, капитан и офицеры,
И чуть не всей округи кавалеры
Идут в солдаты, как пристало им.
В присутствии полно было народу.
От смачных шуток не было проходу.
Вновь выкликают. Входит паренек.
Он бел, как свежевывавший снежок,
Рука его обмотана тряпицей,
Он весь трясется, словно по пятам
За ним бегут, и плачет, хоть грозитя
С ним обойтись сурово капитан.
Мы от него словечка добивались,
Нашел он силу наконец в себе
И что-то лепетать стал о серпе,
Обрезавшем ему случайно палец.
И тишина настала в тот же миг,
Лишь шепоток недобрый не затих.
Был пострашнее каменного града
Упрек безмолвно брошенного взгляда.
И тут, знававший горя через край,
Встал капитан и вымолвил: "Ступай!"
И он пошел. Все сдвинулись в сторонку.
Пред ним образовалась пустота.
Он побежал в родимые места
И задыхался, словно бы вдогонку
За ним толпа взъяренная пустилась,
А хижина его средь скал ютилась.
Прошло полгода, он явился вдруг.
При нем грудной ребенок, мать, невеста.
Для своего участка взял он место,
Где начинается общинный луг.
И под венец пошел с невестой он,
Едва лишь домик был сооружен.
Он скудный свой возделывал надел.
И, надобно сказать, в том преуспел.
Ласкало взоры хлеба колошенье.
Работали, хоть скрытен был и тих,
Те девять пальцев за десятерых,
Да все весной сгубило наводнение.
Едва спаслись. Он начал все с начала,
И к осени над домом был дымок.
Теперь его жилище представляло

Собой вполне надежный уголок
 При наводнении! Да все едино
 Его сгубила снежная лавина.
 Но бодрость в бедняке не иссякала,
 Несчастливая душа не поддавалась,
 И, прежде чем снега покрыли скалы,
 Он выстроил жилище в третий раз.
 Трех сыновей он вырастил, бедняга,
 А школа там – далеко от села.
 Ходить учиться - надобна отвага:
 Тропинка по-над пропастью вела.
 Что ж делал он? Пускал вперед старшого,
 Веревкой привязав его к себе,
 И, чтобы риска не было большого,
 Он двух меньших нес на своем горбе.
 Шел год за годом. Сыновья росли.
 Отцу надежда виделась вдали.
 Три богача забыли в Новом Свете,
 Как шли в Норвегии когда-то в школу
 дети.

Он недалеким был. И за порогом
 Своих забот видал лишь мрак густой.
 Слова, что людям говорят о многом, –
 Все были для него что звук пустой.
 В словах "народ", "отечество" и "гений"
 Не видел он отчетливых значений.
 Однако он смиренен был всегда,
 Всю жизнь он помнил о своем обмане,
 Горела на лице печать стыда,
 И руку прятал он всегда в кармане.
 Он преступил закон своей страны?
 О да! Но что-то есть и над законом.
 Ведь и над тучами вознесены
 Отроги, вздыбленные горным склоном.
 Плохой был гражданин. Сучок бесплодный
 Для родины и церкви. Но ведь здесь
 Он был велик в работе ежегодной,
 В которой он самим собой был весь.
 Звук, шедший от него, был чист вполне,
 Хотя он не был за судьбу спокоен,
 Усни же с миром, бессловесный воин,
 В рядах крестьянства павший на войне.
 Творить свой суд над бранными сердцами

Негоже тем, кто прахом станут сами.
 Но говорю вам: я уверен в том,
 Что он пред божьим праведен судом,

Народ расходится. Пер Гюнт остается один.

Пер Гюнт

Как христианский дух-то хорош!
 О страхе, о гибели нет ни звука.
 Собой быть самим – в этом вся штука,
 И все, что пастор сказал, не ложь,
 А только нам, недостойным, наука.

(Глядя на могилу.)

Не этот ли парень отсек себе палец,
 Когда мы с ним в лесу повстречались?
 Как знать! Не стой тут в стороне,
 Решил бы я, что речь обо мне,
 И мне, наконец, говорят наяву,
 Как праведно я и прекрасно живу.
 Ах, тем и хорош христианский обряд,
 Что все над могилой добро говорят
 О жизни, которую прожил покойный.
 Я был бы не прочь, чтобы пастор

достойный

Открыл, сколь светла моя жизнь и мудра:
 Но, правду сказать, о могиле пристойной
 Мечтать мне еще не настала пора.
 Как учат: "Не ищут добра от добра",
 "Дню каждому злота довлеет его"
 И "Плата могильщику – прежде всего".
 Да, церковь и впрямь нам дает утешенье.
 Я этого в толк все не брал до сих пор,
 Но радостно слышать кругом разговор,
 Вполне подтверждающий давнее мнение:
 Что сеял, то жнешь. Золотое сужденье!
 Итак, оставаться самим собой
 Во всем, даже в малости надо любой!
 Пускай мы счастливыми так и не стали,
 Зато соблюдали законы морали.
 Отправлюсь домой! Пусть и горя не счесть,
 И путь мой окажется вовсе бесплоден,
 Но старый Пер Гюнт будет тем, что он

есть.

Собой! Будет беден, но благороден.
(*Уходит.*)

Горный склон с иссохшей рекой. Развалившаяся мельница.
Все давно заброшено. Повыше, за мельницей, широкий двор,
во дворе аукцион. Толпа. Пьянка и шум. На камне у мельницы сидит Пер Гюнт.

Пер Гюнт

Куда ни ступи, – что вперед, что назад,
Внутри и снаружи и жмут и теснят,
Точит вода, и все меньше сил.
"В обход!" – не зря кривой говорил.

Человек в трауре

Осталось теперь одно барахло.
(*Замечая Пера Гюнта.*)
День добрый! Как много народу пришло!

Пер Гюнт

День добрый! У вас тут, гляжу, торжество.
Крестины? А может, венчают кого?

Человек в трауре

Пир в честь возвращения, сказать точней.
Невеста лежит и кормит червей.

Пер Гюнт

А черви хватают, что поинтересней.

Человек в трауре

Приходит молчание вслед за песней.

Пер Гюнт

С детства мне этот закон известен:
Конец одинаков у всех наших песен.

Двадцатилетний юноша
(с плавильным ковшом)

Гляньте, ребята, что я урвал:
Пер Гюнт в нем пуговицы отливал.

Второй

Купил я кошель за одну монету.

Третий

Да тут ничего хорошего нету.

Пер Гюнт

Пер Гюнт? А кто он?

Человек в трауре

Были ему
За кума кузнец, а она за куму.

Человек в сером

Меня-то хоть вспомнишь сквозь пьяный
угар?

Человек в трауре

А в Хэгстеде помнишь ты дверь в амбар?

Человек в сером

Не скажет никто, что ты привереда!

Человек в трауре

Да ей по плечу и над смертью победа!

Человек в сером

Брось! Лучше выпьем в знак кумовства!

Человек в трауре

Где тебе пить! Протрезвей сперва!

Человек в сером

Эх, как бы кровь ни была жидка,
 Всем нам Пер Гюнт за свояка.

Оба уходят.

Пер Гюнт

(тихо)

Много знакомых.

Парень

(вслед человеку в трауре)

Покойница мать

Задаст тебе, Аслак, посмей налакаться!

Пер Гюнт

(вставая)

Вослед агроному нельзя тут сказать:
 Рой глубже, и запах начнет улучшаться.

Парень

(с медвежьей шкурой)

Доврская кошка! Она, бывало,
 Рождественской ночью троллей пугала!

Другой*(с черепом оленя)*

А вот и олень, тот самый, на ком
Пер Гюнт через Гендин летел верхом.

Третий*(с молотом в руке, человеку в трауре)*

Аслак, а ты узнаешь свой молот,
Которым черт не был расколот?

Четвертый*(с пустыми руками)*

Мас Мон, на куртку глянь, невидимку!
Пер Гюнт в ней летел с Ингрид в обнимку.

Пер Гюнт

Водки, ребята! Спустить барахлишко
У старика явилась мыслишка.

Парень

Что продаешь?

Пер Гюнт

Средь Рондских скал
Замок, славнее свет не видал!

Парень

Пуговку дам!

Пер Гюнт

Дай водки глоток!
Не то от продажи какой же прок?

Второй

А ты весельчак!

Люди окружают Пера Гюнта.

Пер Гюнт
(кричит)

Коня продаю!
Кому?

Голос из толпы

А где он?

Пер Гюнт

В дальнем краю,
В западных землях. Быстрей он мчится,
Чем сам Пер Гюнт плел небылицы.

Голоса

Еще что есть?

Пер Гюнт

Да всякий хлам,
В убыток брал, по дешевке продам.

Парень

Валяй!

Пер Гюнт

Мечту о лучшей из книг
Дешевле застежек отдам жестяных.

Парень

К черту мечту!

Пер Гюнт

Мой царский венец!
Лови! Схватил, значит, дал творец!

Парень

Корону?

Пер Гюнт

Из лучшей соломы притом.
Каждому впору. Надел – стал царем.
Седины безумца продать буду рад,
Пустое яйцо, вина аромат,
Словом, добра достанется много
Тому, кто укажет мне: вот дорога!

Пристав

(только что появившись)

Ты, вижу я, парень, в таком тут раже,
Что лучше тебя содержать под стражей.

Пер Гюнт

(снимая шляпу)

Быть может. Скажите, Пер Гюнт – кто
такой?

Пристав

Да, глупость...

Пер Гюнт

Прошу вас, мой дорогой.

Пристав

По слухам, какой-то поэт паскудный.

Пер Гюнт

Поэт?

Пристав

Говорят, все, чем славен свет,
Счел он плодом своих побед.
Простите, любезный... но долг мой
трудный...

(Уходит.)

Пер Гюнт

Где ж этот недюжинный человек?

Пожилой мужчина

В заморские страны ушел навек.
Там худо пришлось ему, говорят,
И был он повешен лет сорок назад.

Пер Гюнт

Повешен? Ну да. Давно мне сдается;
Пер Гюнт до конца собой остается.

(Кланяясь.)

Прощайте. Век не забуду вас.

(Сделав несколько шагов, останавливается.)

Прекрасные девушки, славные парни,
Хотите за ласку послушать рассказ?

Многие

А он интересный?

Пер Гюнт

Куда уж шикарней!

(Подходит ближе, лицо обретает несвойственное ему выражение.)

Я в Сан-Франциско давным-давно
Золото рыл. Штукарей там полно.

Играть зубами на скрипке пытались,
 Плясать на коленях испанский танец,
 Еще мастаки были складывать стих,
 Покуда буравили череп у них.
 Вот и пошел там черт в скоморохи,
 Считая, что шутки его неплохи,
 Выступить он собирался с одной:
 Лихо умел он визжать свинойей.
 Старый театр битком был набит,
 Черт был весьма симпатичен на вид,
 В плащ он широкий вздумал одеться.
 "Man muss sich drapieren",¹³ – считают
 немцы.

А под плащом – и в этом все дело –
 Живая свинья у него сидела.
 Вот настает представленью начало:
 Черт ущипнул, свинья завизжала,
 Черт стал разыгрывать сценки свои,
 Изображая жизнь свинойей,
 Она под ножом завершилась визгом,
 И скрылся артист в поклоне низком.
 Профессионалы затеяли спор
 О том, хорош или плох актер,
 Кому-то фальшивым казался тон.
 Смущала других нарочитость финала.
 А хрюканье? Все сходились на том,
 Что чувства меры ему не хватало.
 Видите, как поплатился черт,
 Публику сдуру не взявший в расчет.
(Кланяется и уходит.)

Толпа в недоумении молчит.

Канун троицы. Лес. В глубине, на расчищенном месте, видна
 избушка с оленьими рогами над дверью. Пер Гюнт, ползая
 по земле, собирает дикий лук.

¹³ Следует драпироваться (нем.).

Пер Гюнт

Ну, чем не заняться? А что же потом?
 Все пути перебрав, мы вернейшим пойдем!
 Прежде я Цезарем был на чужбине –
 Навуходоносором сделался ныне.
 Библейским путем я пройти исхитрился,
 Вернувшись под старость к груди
 материнской.
 "Ты вышел из праха" – в Писанье стояло,
 Что значило: брюхо набей до отвала.
 Набить разве луком? Да что с него толку?
 Я лучше расставлю силки втихомолку,
 В лесном ручейке зачерпну водицы,
 И хищных зверей могу не страшиться.
 А коль помирать бы время пришло,
 Залезу под дерево или в дупло,
 Укроюсь листвою, медведю подобно,
 И вырежу сам на коре подробно:
 "Лежит здесь Пер Гюнт. Нет парня славней,
 Он был в этом мире царем зверей".
 Царем?

(Усмехаясь.)

Пошутить ты не прочь, как встарь.
 Да ты же ведь луковица, а не царь.
 Очищу тебя и взгляну, что внутри.
 Уж ты, дорогой мой Пер, не ори.
(Берет луковицу и начинает снимать с нее оболочки.)
 Итак, перед нами верхний слой:
 Потерпевший крушение в воде под скалой.
 А вот пассажир на судне плывет –
 Еще Пером Гюнтом слегка отдает.
 Еще один слой, в нем вовсе нет сока –
 Пер в поисках злата бьется жестоко.
 А этот хоть груб, но сам еле жив:
 Охотник идет на Гудсонов залив,
 Дальше как будто корона... Прочь!
 Об этом мне вспоминать невмочь.
 Вот археолог, тонкий, но прочный,
 А вот и пророк, мясистый и сочный,
 Так от него разит враньем,
 Что у честных людей катят слезы ручьем.
 А дальше – совсем легкая кожица,

Как жизнь того, чье богатство множится,
И вялая, в пятнах темного цвета, –
Бог знает, негры иль пасторы это.

(Срывая несколько слоев сразу.)

Да здесь их без счета, – но кончить пора:
Когда ж наконец доберусь до нутра?

(Разламывая луковицу.)

Черт подери! Внутри ни кусочка.
Что же осталось? Одна оболочка.

Природа весьма остроумна.

(Бросая остатки луковицы.)

Разом

Всего не осмыслит бедный наш разум!
Но раз я ни с чем то, по крайней мере,
Мне не страшны никакие потери.

(Почесывая в затылке.)

Странное дело! Как говорится,
Волка сытей бывает лисица,
Но чуть уподобиться ей решился,
Как в ту же минуту всего лишился.

(Подойдя тем временем к избушке, вдруг с удивлением ее замечает.)

Дом? В лесу?

(Протирая глаза.)

И мне этот дом

Был, пожалуй, прежде знаком.
Над входом оленье рога... а повыше
Сидит ундина на краешке крыши.
Враки. Нету ундины... Засовы,
Чтоб не страшны были чертовы ковы.

Сольвейг

(поет в избушке)

Ныне троицы ждем в тишине.

Где ты, друг мой далекий?

Придешь ли ко мне?

Идешь ты устало

По кручам опять, –

Я, как обещала,

Тебя буду ждать.

Пер Гюнт

(встает притихший и смертельно бледный)

Один все запомнил – другой все забыл.
 Один все развеял – другой все хранил.
 Те годы, что прожил, назад не придут.
 Как страшно! А царство мое было тут.
(Убегает в лес.)

Ночь. Сосновый лес. Он почти весь выгорел. Кругом обгорелые пни. Висит белый туман. Вбегает Пер Гюнт.

Пер Гюнт

Пепел, тучи, клубы пыли –
 Матерьял для новых стен.
 В замурованной могиле
 Незаметны гниль и тлен.
 На мечтаньях, вздорных с виду,
 Воздвигают пирамиду
 И пути к ее подножью
 Утрамбовывают ложью.
 Вымыслы и покаянья
 Образуют щит у зданья –
 Кто там надпись не заметит:
 "Petrus Gyntus Caesar fecit!"¹⁴
(Прислушиваясь.)
 Что за хор я слышу детский?
 Плач как пение точь-в-точь.
 И клубки пошли вертеться...
(Отивырывая их ногой.)
 Прочь! С моей дороги прочь!

Клубки

О, если б были
 Мы твои мысли,
 Дал бы нам крылья –
 Знали б нас выси.

¹⁴ Сотворил Пер Гюнт, цезарь! (лат.).

Пер Гюнт*(обходя их)*

Одному дать жизнь я смог,
Но и этот хромоног.

Клубки

Люди бы с нами
Двинулись в дали,
Зря под ногами
Мы б не мешали.

Пер Гюнт*(спотыкаясь)*

Дрянь! Нарочно, может быть,
Ты решил отца свалить?
(Бежит.)

Пожухнувшие листья*(носясь по ветру)*

Ты нас не бросил
Смелым призывом,
Точит нас осень
Мраком тоскливым.
Черви слепые
Кормятся нами,
Не осенили
Мы ветви с плодами.

Пер Гюнт

Но позволило рожденье
Вам пойти на удобренье.

Шелест в воздухе

Мы песни, – ты нас
Не пел во все горло,
Но тысячи раз

Глушил нас упорно.
 В душе твоей права
 Мы ждем на свободу.
 Ты не дал нам ходу.
 В тебе есть отрава.

Пер Гюнт

В вас самих есть яд на дне, —
 Не до песен было мне.
(Бежит быстрей.)

Капли росы

(какая с веток)

Кабы нас лили
 Слезами сначала,
 Мы б растопили
 Льдистое жало.
 Жало вонзилось,
 Рана закрылась,
 Нам изменила
 Целебная сила.

Пер Гюнт

Слез я в Рондах лил немало,
 Только легче мне не стало.

Сломанные соломинки

Твои начинанья,
 Мы тщетными были!
 Нас колебанья
 Твои погубили!
 Все мы в день Судный
 Встанем, губя,
 Пер безрассудный,
 Против тебя!

Пер Гюнт

Где повинны люди были

В том, чего не сотворили?
(*Торопится дальше.*)

Голос Осе
(*издалека*)

Заснул неужели?
Худой ты возница!
А снег все тяжеле
На землю ложится.
Не вижу я света,
И где же чертоги?
Не черти ли это
Сбивают с дороги?

Пер Гюнт

Надо выбраться из сети!
Коль за черта ты в ответе,
Вниз покатишься невольно, –
Мне ж своих грехов довольно.
(*Убегает.*)

Другое место в лесу.

Пер Гюнт
(*поет*)

Могильщик, могильщик! Да где вы,
собаки?
Слышу я звон погребальный во мраке.
Я траур надел. Своих мертвецов, –
А тут их полно, – хоронить я готов.

Сбоку, держа плавильный ковш и ящик с инструментами
выходит пуговичный мастер.

Пуговичный мастер

Здорово, старик!

Пер Гюнт

И ты будь здоров!

Пуговичный мастер

Куда это ты пуститься готов?

Пер Гюнт

На кладбище.

Пуговичный мастер

Нынче глазами я худ.
Скажи, а не Пер тебя, часом, зовут?

Пер Гюнт

Пер Гюнт – в самом деле.

Пуговичный мастер

Везет иногда!
Как раз за тобой и пришел я сюда.

Пер Гюнт

За мной?

Пуговичный мастер

Погляди: я с плавильным ковшом!
Сейчас ты, Пер Гюнт, окажешься в нем.

Пер Гюнт

Зачем?

Пуговичный мастер

В переплавку, значит, пойдешь.

Пер Гюнт

Ты что?

Пуговичный мастер

Да чем тебе ковш нехорош?
 Могила готова. Уляжешься там,
 И сразу достанешься в пищу червям,
 А мне приказали забрать твою душу,
 И долг пред хозяином я не нарушу.

Пер Гюнт

Но как же... Хотя бы сказали вперед...

Пуговичный мастер

Такой уж издревле порядок идет:
 В годину ли смерти, в годину ль рожденья
 Героям не делают предупрежденья.

Пер Гюнт

Неслыханно! Даже в глазах потемнело.
 Ты кто?

Пуговичный мастер

Мастер пуговичного дела.

Пер Гюнт

Понятно. У дитятки прозвищ немало.
 Что ж, Пер, ты, выходит, уже у причала.
 Но только, любезнейший, суд ваш кривой:
 Помягче могли обойтись вы со мной.
 Я, право, не так уже много грешил
 И много добра на земле совершил.
 И может быть, я человек неумелый,
 Но все же не грешник закоренелый,

Пуговичный мастер

Быть может. Но в том, что грешна твоя
 суть,
 Никто и не хочет тебя упрекнуть,
 Поэтому ты избегаешь ада, –
 Тебе лишь пойти в переплавку надо.

Пер Гюнт

В ковше ль будут плавить иль жечь в аду, –
 Особой разницы я не найду.
 Прочь, сатана!

Пуговичный мастер

Ты совсем неразвит.
 За мной ты все ищешь след конских
 копыт?

Пер Гюнт

Копыто ли конское, лисий ли хвост –
 Проваливай! Вовсе не так я прост.

Пуговичный мастер

Милый, ошибка в твоей системе.
 Чтоб не терять понапрасну время,
 Прислушайся лучше к моим словам –
 И сразу поймешь: только что сам
 Ты говорил, что не самый ты грешный,
 Не хуже других...

Пер Гюнт

Как видишь, сердечный,
 Коль рассудить...

Пуговичный мастер

Погоди! Но все ж
 Скажешь ли ты, что сверх меры хорош?

Пер Гюнт

Нет, у меня недостатков масса.

Пуговичный мастер

Стало быть, ты ни рыба ни мясо!
Редко встречается в нынешний век
Грешный воистину человек.
Грешнику мало погрязнуть в дерьме –
Нуждается в силе он и уме.

Пер Гюнт

Да! Как берсеркерам саг о былом,
Грешникам надо идти напралом.

Пуговичный мастер

Ты ж в мелочах поступаешь грешно.

Пер Гюнт

Я полагал, можно счистить пятно.

Пуговичный мастер

То-то и есть! Итак, несомненно:
Тем, кто в грязи, не годится геенна.

Пер Гюнт

Стало быть, я свободен опять.

Пуговичный мастер

Нет, тебя надо переплавлять.

Пер Гюнт

Дикость какую у нас завели,
Пока я скитался от дома вдали!

Пуговичный мастер

Этот обычай давно уже в силе,
 Не то б мы ценности даром губили.
 Наше знакомо тебе ремесло.
 Ну, предположим, нам не повезло
 И без ушка вышла пуговка наша.
 Что б ты с ней сделал?

Пер Гюнт

Да выбросил вон!

Пуговичный мастер

Ты расточителен, точно папаша, –
 Вот почему он и был разорен.
 Хозяин же наш бережлив и богат,
 За что его люди повсюду и чтят.
 И то, что порой пропало бы даром,
 Строительным служит ему матерьялом.
 Слепили тебя, чтоб пришить высоко
 К наряду вселенной, – отпало ушко,
 И чтобы внести в это дело поправку,
 Придется отправить тебя в переплавку.

Пер Гюнт

Ужели господь воедино сольет
 Меня и невесть какой еще сброд?

Пуговичный мастер

А ты что думал? Об этом и сказ.
 И мы уже так поступали не раз.
 В монетном дворе тоже делают это,
 Спасая истершиеся монеты.

Пер Гюнт

Подобная скупость у нас не в чести.
 Послушай, на волю меня отпусти!
 Разбитая пуговица, признайся –

Ничто, при размахе его хозяйства.

Пуговичный мастер

Покамест в нем дух не пропал вполне,
Металл идет по своей цене.

Пер Гюнт

Нет, черт подери! Не выйдет со мной!
Всякий я жребий приму, но иной.

Пуговичный мастер

Какой же иной? Для сферы небесной
Не в меру тяжел твой облик телесный.

Пер Гюнт

Я не стремлюсь воспарить к небесам,
Но ни за что свое "я" не отдам.
Пусть по старинке грозят мне расплатой,
Пусть, если надо, держит хвостатый
Тысячу лет меня в преисподней, –
Чувствовать я себя буду свободней,
Ибо страдания там только моральные,
Следственно, вовсе не столь колоссальные.
Все это лишь переходный этап,
Грезишь грядущим, покуда ты слаб,
Ждешь наступления часа свободы,
Терпишь – в надежде на лучшие годы.
Вовсе не то – перестать быть собой,
Слиться в одно с безликой толпой,
Напрочь утратить гюнтовский склад.
Вот отчего я тревогой объят.

Пуговичный мастер

Да почему, не пойму я никак,
Тревожит тебя подобный пустяк,
Ты ведь и не был собой никогда,
Значит, не быть – для тебя не беда.

Пер Гюнт

Я не был собой? Берет меня смех!
 Пер Гюнт всегда был собой больше всех.
 Эх, мастер, стыдись своего верхоглядства!
 Если б ты в душу ко мне мог пробраться,
 Увидел бы ты: там один только Пер –
 И все, – никаких там не сыщешь химер.

Пуговичный мастер

Нет, невозможно! Согласно приказу,
 Который обязан я выполнить сразу,
 "Пер Гюнт, не свершивший предписанный
 труд, –
 Ошибка. Пускай его перельют!"

Пер Гюнт

Должно быть, напутал ты все, говорун!
 Пер? Погляди-ка, не Расмус? Не Йун?

Пуговичный мастер

Давно я покончил с отцом твоим старым.
 Идем, не теряя времени даром.

Пер Гюнт

А ну, как завтра окажется вдруг,
 Что речь о другом? Нет, любезнейший
 друг,
 В подобных делах осторожность нужна,
 А то ведь придется ответить сполна.

Пуговичный мастер

Однако приказ...

Пер Гюнт

Ты срок мне продли.

Пуговичный мастер

Зачем?

Пер Гюнт

Чтобы все убедиться могли,
 Что был я самим собою всецело,
 А в этом, как выяснилось, все дело.

Пуговичный мастер

Чем ты докажешь?

Пер Гюнт

Свидетелей много.

Пуговичный мастер

Да их не признают! У нас с этим строго.

Пер Гюнт

Авось! Но "дню каждому злоба его", –
 Поверь мне взаймы меня самого,
 И я ворочусь. Даю обещанье,
 Уж будешь собой, коль живешь только раз!
 Согласен?

Пуговичный мастер

Пусть так. Но помни – у нас
 На следующем перекрестке свиданье.

Пер Гюнт убегает

Еще глубже в лесу.

Пер Гюнт*(быстро шагая)*

Время – деньги, – зря не перечь!
 Но о каком перекрестке речь?
 Идешь, меж дальним и ближним юля,
 Просто горит под ногами земля.
 Нужен свидетель! Кто отзовется?
 Откуда в лесу свидетель возьмется?
 Мир – мыльный пузырь! Поди докажи,
 Что чистая правда свободна от лжи!

Появляется сгорбленный старик с палкой в руке и мешком за спиной.

Старик*(останавливаясь)*

Хоть грошик подай, пожалей старика!

Пер Гюнт

Мелочи нет, вот невезенье!

Старик

Пер-королевич! Наверняка!

Пер Гюнт

Ты кто?

Старик

В Рондских скалах запомнил день я...

Пер Гюнт

Ох!..

Старик

Доврский старец тебе знаком.

Пер Гюнт

Но Доврский старец был королем!

Доврский старец

Ах, обнищал я совсем, благодетель!

Пер Гюнт

Ты разорился?

Доврский старец

Ограблен дотла,
Стал побираться – нужда довела.

Пер Гюнт

Разве отыщется лучший свидетель?

Доврский старец

А королевич совсем поседел!

Пер Гюнт

Тестюшка, кто ж хорошеет с годами?
Бросим раздоры, что были меж нами,
Трогать не будем семейственных дел.
Я был тогда сумасбродом.

Доврский старец

Ну да!
Был молодым королевич тогда.
Но не женись поступил он умно
И уберечься сумел от позора,
Сбилась она с панталыку давно!

Пер Гюнт

Вот как?

Доврский старец

Скатилась на самое дно!
С Трондом, представь ты, сошлась она
скоро.

Пер Гюнт

С Трондом?

Доврский старец

Из Вальфелла.

Пер Гюнт

Кто же он был?
Ах, у него я пастушек отбил.

Доврский старец

Зато внучок мой жив и здоров,
Деток по всей расплодил он округе.

Пер Гюнт

Тратить не будем попусту слов,
Сердце мне гложут иные недуги:
Тут началась у меня перепалка,
Я заявил, что свидетели есть, –
Кто же послужит мне лучше, чем тесть?
Ну, а на водку мне денег не жалко.

Доврский старец

Сделаю все, королевич, как надо.
Дашь справку, что нищ я, – и вся мне
награда.

Пер Гюнт

Славно. Деньжонок теперь маловато,
Вот и приходится жить скуповато.

Стало быть, слушай. Ты помнишь о том,
Как приходил я к тебе женихом?

Доврский старец

Да, королевич.

Пер Гюнт

Забудь на мгновенье
О королевиче. Слушать изволь.
Ты собирался сгубить мое зренье,
Чтоб из меня вышел истинный троль.
Я же в ту пору ответил тебе,
Что собираюсь быть сам по себе,
И не хотел ни любви, ни богатства,
Лишь бы собой мне самим оставаться.
Ты поклянешься, что так все и было!

Доврский старец

Как я могу?

Пер Гюнт

Почему бы и нет?

Доврский старец

Лгать, королевич, давно мне постыло:
Вспомни, ты был точно троль одет,
Пил с нами мед...

Пер Гюнт

Вы меня завлекали,
Я и решил осмотреться вначале,
Но ведь сказал: не пойду к вам – и точка!
Стих проясняет последняя строчка!

Доврский старец

Все тут и горе в последней строке.

Пер Гюнт

То есть?

Доврский старец

Хоть ты уходил налегке,
В дух твой проникла иная основа!

Пер Гюнт

Какая?

Доврский старец

Отличное, гордое слово.

Пер Гюнт

Слово?

Доврский старец

Барьер меж людской толпой
И тролем: троль, упивайся собой!

Пер Гюнт

(отступая на шаг)

Упивайся собой!

Доврский старец

И ты с того лета
Жил, твердо усвоив правило это.

Пер Гюнт

Я-то? Пер Гюнт?

Доврский старец

(плача)

Нет стыда в тебе, что ли?
Ты жил, хоть и втайне, как прочие тролли,
Успехи твои оттого и взялись,
Что помогал нам старый девиз.
Что же теперь выступаешь с отказом
Ты от того, чему всем был обязан?

Пер Гюнт

Я эгоист? Троль, спустившийся с гор?
Да это же глупость, нелепица, вздор!

Доврский старец

(доставая кипу старых газет)

У тролей, ты думал, газет не бывает?
За труд не сочти про себя прочесть:
"Дьявольский вестник" тебя воспевает,
В "Демонической почте" вошел ты в честь
С тех пор, как не стал появляться здесь.
Вгляни-ка, что пишет "Копыто коня"!
Статейка отчеркнута тут у меня
"О национальном сознании троля",
А в ней говорится, что "хвост и рога,
Конечно, для нас не существенны боле,
Но сущность троллизма и нам дорога,
Собой упиваться – вот наша задача!".
Тебя поминают, от радости плача.

Пер Гюнт

Выходит, я троль?

Доврский старец

Ясно как день.

Пер Гюнт

Зачем же я бросил родимую сень?
 Шил бы себе у Рондских скал
 И обувь даром бы не сбивал.
 Пер Гюнт – это троль? Как бы не так!
 Будь счастлив! Вот тебе на табак.

Доврский старец

Постой, королевич!

Пер Гюнт

Не стой на пути!
 Тебе бы в больнице место найти!

Доврский старец

Вот именно! Мне и нужна больница.
 Дочкины внуки, взяв власть в стране,
 Твердят, что реальности нет во мне,
 Лишь в книгах, мол, обо мне говорится.
 Нынче стал свой своему поперек.
 Я на себе убедился в том.
 Ты, говорят, просто фантом!

Пер Гюнт

У многих такая судьба, браток.

Доврский старец

Однако у нас ведь нет страховки,
 Нет никаких сберегательных касс, –
 И с ними-то в скалах нельзя без сноровки!

Пер Гюнт

Собой упиваться надо у вас.

Доврский старец

А ты, королевич, глумишься даром!
Ежели сам ты, судьбу верша...

Пер Гюнт

Дружок, не торгуй гнилым товаром.
Я, признаться, совсем без гроша.

Доврский старец

Неужто стал королевич нищим?

Пер Гюнт

Как видишь! Царства уже не сыщем.
И это плод вашего, троли, влияния.
Вот как вредна дурная компания!

Доврский старец

Все ошибаюсь я ночью и денно.
В город, выходит, податься надо.

Пер Гюнт

Зачем?

Доврский старец

Ходят слухи, что жаждет сцена
Героев национального склада.

Пер Гюнт

Ты передай от меня привет.
Смогу, так пойду за тобою вслед.
Сочиню-ка я фарс. – в лицо мне плюньте!
Название: "Sic transit gloria mundi!"¹⁵
(Убегает.)

¹⁵ Так проходит земная слава! (лат.).

Доврский старец кричит ему вслед.

На перекрестке.

Пер Гюнт

Держись, Пер Гюнт, совладай с судьбой!
 Губит девиз: "Упивайся собой!"
 В щепы ладья! Но спасайся с толком,
 Чтобы не стать никчемным осколком.

Пуговичный мастер

(преграждая дорогу)

Что же, Пер Гюнт, где твой свидетель?

Пер Гюнт

Разве мой срок подошел к концу?

Пуговичный мастер

Мысль я твою прочел по лицу
 Сразу, как только тебя заметил,,

Пер Гюнт

Мне надоело глазеть во тьму.

Пуговичный мастер

О, разумеется! И ни к чему.

Пер Гюнт

И без того я замучился днем.

Пуговичный мастер

Давай-ка мы старичка подзовем!

Пер Гюнт

Лыка ведь он не вяжет, пьянчуга.

Пуговичный мастер

Но, может быть, он...

Пер Гюнт

Прошу, как друга...

Пуговичный мастер

Значит, за дело!

Пер Гюнт

Ответь сперва,
Что означает – собой быть всецело?

Пуговичный мастер

Странный вопрос для того, кто смело
Лишь накануне...

Пер Гюнт

Не трать слова!

Пуговичный мастер

Быть собой – значит с жизнью проститься!
Хочешь, чтоб я точней объяснил?
Быть собой – это значит явиться
Тем, что хозяин в тебе явил.

Пер Гюнт

Что же поделаешь, коли темна
Воля хозяйская?

Пуговичный мастер

Что? Догадаться!

Пер Гюнт

Но если догадка твоя неверна,
То ведь ad undas¹⁶ свершишь святотатство!

Пуговичный мастер

Точно! На души без верных догадок
Дьявол как раз особенно падох.

Пер Гюнт

Все-таки это престранное дело!
Слушай! Что был я собой всецело,
Я утверждать теперь не берусь,
И с этим навек покончено. Пусть!
Но шел я тут лесом, к смерти готовясь,
И вдруг меня одолела совесть,
И понял я – человек я грешный..

Пуговичный мастер

Опять заводить разговор наш прежний?

Пер Гюнт

Нет, я про то, что и впрямь я таков.
Много содеял я грехов,
Худо я вел себя за границей...

Пуговичный мастер

С реестром грехов тебе надо явиться!

Пер Гюнт

К пастору я слетаю моментом

¹⁶ Поневоле (лат.).

И ворочусь к тебе с документом.

Пуговичный мастер

Справку представь, – и твоя душа
Будет избавлена от ковша.
Только в приказе...

Пер Гюнт

Но у приказа,
Я убежден, старая дата.
Прежде я был ни рыба ни мясо,
Даже в судьбу верил когда-то.
К пастору, значит...

Пуговичный мастер

Но...

Пер Гюнт

Неужели
Спешка такая, в самом-то деле?
Воздух какой! Да вдохни ты глоток!
Дышишь – годы себе прибавляя.
Пастор из Юстедала изрек:
"Смерть не типична для этого края".

Пуговичный мастер

Но сойдемся опять – твоя песенка спета!

Пер Гюнт

Пастора! Должен же быть он где-то!
(Убегает.)

Горный склон, поросший вереском. Вдоль хребта вьется тропка.

Пер Гюнт

Нет в мире добра, чтоб на пользу не шло,
 Как Эсбен сказал, взяв воронье крыло.
 И кто бы подумал, что выручить нас
 Грехи наши могут в последний наш час!
 А впрочем, беда не минует меня,
 И в полымя я попаду из огня.
 А все же давно заметил народ:
 Покуда ты жив, и надежда живет.

Некто сухопарый, в высоко подобранном пасторском
 одеянии, с сетью для ловли птиц за плечами, сбегает по
 горной тропе.

Пер Гюнт

Да кто это? Пастор! Он ловит птиц!
 Эх! Счастье мое не знает границ!
 День добрый! Дороги тут нехороши.

Сухопарый

О да, но на что не пойдешь для души.

Пер Гюнт

Душа отправится в рай?

Сухопарый

Отнюдь.
 Надеюсь, иным окажется путь!

Пер Гюнт

Позвольте, я с вами немного побуду.

Сухопарый

Охотно. Я радуюсь обществу всюду.

Пер Гюнт

Я должен признаться...

Сухопарый

Heraus!¹⁷ Поскорей!

Пер Гюнт

Поверьте, я честен до мозга костей.
 Всегда соблюдать я стремился закон,
 Я в жизни своей не сидел под замком,
 Но все же, бывает, оступишься малость
 И вроде бы падаешь.

Сухопарый

С кем не случилось!

Пер Гюнт

А малости эти...

Сухопарый

Лишь малости?

Пер Гюнт

Да.
 Проступков en gros¹⁸ избегал я всегда.

Сухопарый

Тогда от меня вы держитесь вдали,
 Не тот я, кем вы меня, видно, сочли.
 Взгляните на пальцы! Ну что? Каковы?

¹⁷ Здесь: Выкладывай! (нем.).

¹⁸ В больших масштабах (франц.).

Что исчезают в плавильном ковше.

Пер Гюнт

Собственно, я из-за этих-то дел
И побеседовать с вами хотел.

Сухопарый

Ну, так смелей!

Пер Гюнт

Говоря по старинке,
Мне бы хотелось...

Сухопарый

Местечко сыскать?

Пер Гюнт

Именно. Вы угадали опять.
Если дела не идут на рынке,
Может, судить вы не будете строго?

Сухопарый

Милый вы мой!

Пер Гюнт

Мне надо немного.
Не добиваюсь вознагражденья,
Разве что доброго обхожденья.

Сухопарый

Теплую комнату?

Пер Гюнт

Да все равно.

Лишь бы за мной было сохранено
Право уволиться с этой работы,
Если получше представится что-то.

Сухопарый

Мне причинять вам не хочется боль,
Но вы поверить могли бы едва ли,
Сколько подобных мы просьб получали
От покидавших земную юдоль.

Пер Гюнт

Взор обращая к деяниям старым,
Я на свои уповаю права.

Сухопарый

Все это мелочь.

Пер Гюнт

Однако сперва
Я торговал человечьим товаром.

Сухопарый

Тем, кто без цели, как бы в бреду.
Себе изменил, – тем не место в аду.

Пер Гюнт

Но идолов я поставлял китайцам!

Сухопарый

Нечего в ханжество ударяться!
Разве кумиров себе не раздули
Люди в искусстве и в литературе?
Не шлют же их в ад!

Пер Гюнт

Но грех мой немал:
Я за пророка себя выдавал!

Сухопарый

За рубежом? Ну и что? Фантазерство
Пеклом наказывать было бы черство.
Коли других нет грехов на виду,
Я не смогу вас устроить в аду.

Пер Гюнт

Вот что... Корабль... Когда шел он на дно.
Я за обломок успел уцепиться...
Своя рубашка... известно давно...
С поваром я поступил, как убийца!

Сухопарый

И славно! Была б еще с ним повариха,
Да вам перед тем обойтись бы с ней лихо, —
А то разговор наш совсем бестолков.
Подумайте: люди живут небогато,
Уместна ли топлива будет затрата
По поводу столь никчемных грешков?
Не стоит вам, право, носиться с грехами!
Простите, коль я нелюбезен был с вами,
Но все же пора притерпеться к ковшу,
Что толку, когда б я подбросил вам жиру
И даже сумел предоставить квартиру?
Ведь вы же умны! Вас подумать прошу:
Я памяти вас отнюдь не лишу,
И груз ее с плеч не сниму, не спишу,
А с ней будет, право же, вам, глупышу,
Несладко слоняться по нашему миру!
Там повода нет ликовать иль печалиться,
Нельзя восхититься там или отчаяться,
Чтоб кинуло в холод и в жар. Вам дана
Разве что злоба будет одна.

Пер Гюнт

Но, говорят, не надевши сапог,
Узнать, где жмут они, ты бы не смог.

Сухопарый

К тому же разные сапоги
Нужны мне для правой и левой ноги,
И все же о них вы не зря говорили,
Я вспомнил, что с вами отвлекся от дел.
Поживу, мне кажется, я углядел,
И нечего мне тут болтать, простофиле.

Пер Гюнт

Позвольте узнать: а чем виноват
Тот, о ком речь?

Сухопарый

Он, говорят,
Самим собой был круглые сутки,
А в этом вся суть, коль отбросить шутки.

Пер Гюнт

Разве таких принимают в аду?

Сухопарый

Случается. Мы их имеем в виду.
Быть хочешь собой, – так одно из двух, –
Две стороны есть у монеты, –
Недавно до нас докатился слух:
В Париже солнцем пишут портреты.
Одни за рисунки принять бы могли вы,
Другие – зовутся: негативы.
Там свет вместо тени и тень вместо света.
Сперва нелепостью кажется это,
Но сходство там есть, и нами оно
Должно быть заботливо извлечено.
И если душа в этой жизни краткой

Явила себя негативным путем,
 Чтоб ей не пропасть и не быть загадкой,
 Ее, как пластинку, к себе мы возьмем.
 И, подвергая ее обработке,
 Я получу отпечаток четкий:
 В различных составах сперва ее мою –
 Аммонием, калием, серой, сурьюю
 И чистой водой, – потребно терпенье,
 Покуда появится изображенье.
 Но, ежели стерта пластинка была,
 Ничто не поможет, и плохи дела.

Пер Гюнт

Выходит, вороном черным придешь,
 На курочку белую станешь похож.
 А как, скажите, пожалуйста, звать
 Того, кто сегодня пойдет в печать?

Сухопарый

Крещен Петер Гюнт.

Пер Гюнт

Пер Гюнт? И он был
 Самим собой?

Сухопарый

Он так заявил.

Пер Гюнт

Что же, он, кажется, честный малый.

Сухопарый

А вы с ним знакомы?

Пер Гюнт

Не слишком, пожалуй.

Поверхностно.

Сухопарый

Где же вы с ним сошлись
В последний раз?

Пер Гюнт

Это, кажется, мыс...

Сухопарый

Di buona speranza!¹⁹

Пер Гюнт

Оттуда вроде
Отплыл он на первом же пароходе.

Сухопарый

Стало быть, я отправляюсь туда!
Только застану ли, что-то нет веры!
С этой Капландией вечно беда, –
Там из Ставангера миссионеры.
(Устремляется на юг.)

Пер Гюнт

Пустился бежать, неразумный пес!
Славно ему натянул я нос!
Всегда хорошо одурачить болвана,
А он еще пыжится беспрестанно
И делает вид, будто он – начальство.
Пора бы ему с ремеслом прощаться,
А то нипочем не прокормится с ним.
Но оба по всем статьям мы горим:
Лишился я чести собой быть самим.
(Падают звезда, он ей кивает.)
Снеси от Пера последний поклон.

¹⁹ Мыс Доброй Надежды! (итал.).

Пылать, отгореть и растаять, как сон...
(Сжимается, словно от страха, углубляется в туман и, помолчав, вдруг вскрикивает.)

Нет никого! Опустел белый свет,
 На земле и на небе никого больше нет!
(Спускается ниже, срывает шапку, рвет на себе волосы, но понемногу успокаивается.)

О, может ли быть, что, настолько бедна,
 Душа расставаться с телом должна!
 Земля моя милая, не говори,
 Что даром топтал я траву на опушке,
 Ты, солнце, жестоко меня не кори,
 Что свет свой дарило пустой избушке.
 Нет в мире людей, что там бы согрелись,
 Там никогда не бывает владелец.
 О, солнце с землей! Мою добрую мать
 Не к чему было вам опекать!
 Дух скуп, а в природе – сплошная растрата,
 И смерть за рождение – чрезмерная плата.
 Эх, мне бы теперь забраться на скалы,
 На солнечный круг наглядеться алый,
 На землю взглянуть, где был некогда дом,
 А там пусть меня погребает лавина,
 Пусть пишут потом: "Здесь никто спит
 невинно",
 А после... Пусть будет, что будет, потом!

Прихожане

(поют, идя лесной тропой)

При свете денницы
 Огнем своей стали
 Коснулся господь нас – и вот
 С земли возноситься
 К нему нынче стали
 Напевы небесных высот.

Пер Гюнт

(съезживаясь от страха)

Там света не будет! Там доли пустыньны.
 Не стал ли я мертвым еще до кончины?

(Пытаясь скрыться в кустах, оказывается на перекрестке.)

Пуговичный мастер

День добрый! Где список твоих
прегрешений?

Пер Гюнт

Я сделал, что мог. У тебя ведь сомнений
В том нет?

Пуговичный мастер

Не сумел никого ты найти?

Пер Гюнт

Фотограф один повстречался в пути.

Пуговичный мастер

Но срок твой истек.

Пер Гюнт

Осталось недолго,
Волк чует добычу. Слышишь ты волка?

Пуговичный мастер

К заутрене кличут.

Пер Гюнт

(указывая)

Что там за свеченье?

Пуговичный мастер

Свеча за окном.

Пер Гюнт

А что за звучанье?

Пуговичный мастер

То женское пенье.

Пер Гюнт

Мои прегрешенья
Ей ведомы все.

Пуговичный мастер

(хватая его)

Наступает прощанье!

Они тем временем вышли из лесу и стоят перед избушкой.
Светает.

Пер Гюнт

Прощанье? Нет, я ничего не отдам!
Грехи мои в ковш не войдут, хоть утроба
Его окажется больше гроба!

Пуговичный мастер

Но третий нас ждет перекресток... А там...
(Свернув в сторону, уходит.)

Пер Гюнт

(подойдя к избушке)

Куда ни ступи, что вперед, что назад,
Внутри и снаружи и жмут и теснят.
(Останавливаясь.)

Как страшно разбитому и седому
Тебе воротиться к прежнему дому!

*(Сделав еще несколько шагов, опять
останавливается.)*

В обход – говорил мне кривой.

(Из избытки доносится пение).

Напролом!
Вперед, хоть бы самым тяжким путем!
(Подходит к избежке.)

В дверях появляется Сольвейг, одетая, чтобы идти в церковь, с молитвенником, завернутым в платок. В руке у нее палка. Она держится прямо, взор ее кроток.

Пер Гюнт
(простираясь у порога)

Суди меня ты, перед кем виноват.

Сольвейг
Будь славен господь! Он пришел назад!
(Ищет его руками.)

Пер Гюнт
Скажи, что мои прегрешенья страшны!

Сольвейг
Нет на тебе, мой бесценный, вины.
(Снова ищет его и теперь находит.)

Пуговичный мастер
(из-за избежки)

Список!

Пер Гюнт
Скажи, в чем мое преступление?

Сольвейг
(сядаясь подле него)

Жизнь моя песней стала с тех пор,
Как в первый раз отыскал тебя взор!

То было божье благословенье!

Пер Гюнт

Я гибну!

Сольвейг

Но есть еще воля господня.

Пер Гюнт

(усмехаясь)

Тогда ты реши загадку сегодня!

Сольвейг

Какую загадку?

Пер Гюнт

Ты отгадай,

Где был Пер Гюнт, покинув свой край?

Сольвейг

Был?

Пер Гюнт

Где был он отмечен печатью,
Что на него наложил творец?
Можешь ответить? Не то мне конец,
Буду навеки я предан проклятью.

Сольвейг

(улыбаясь)

Это так просто.

Пер Гюнт

Тогда назови

Место, где сам я собой оставался,
В духе, который от бога достался!

Сольвейг

В вере, в надежде моей и в любви!

Пер Гюнт

(отшатываясь)

Что ты? Да что ты? Так может сказать
Только о сыне одна только мать.

Сольвейг

Мать я ему. А отцом зовется
Тот, кто молитве моей отзовется.

Пер Гюнт

(вскрикивая, внезапно озаренный)

Мать и жена, ты святое творенье!
Дай мне укрыться! Даруй мне спасенье!
(Крепко прижавшись, прячет лицо у нее в коленях.)

Долгое молчание. Восходит солнце.

Сольвейг

(тихо поет)

Спи, мой мальчик, спи, дорогой,
Я твою колыбель качаю.
Мальчика держит в объятьях мать,
Дружно весь век они будут играть.
Мальчик приник к материнской груди.
На весь век его, боже, от зла огради!
Мальчик мой рядышком пробыл со мной
Весь свой век. А теперь он устал, мой
родной.
Спи, мой мальчик, спи, дорогой,
Я твою колыбель качаю.

Голос пуговичного мастера*(из-за избушки)*

Еще впереди перекресток, дружок.
Мы встретимся там, а покуда – молчок.

Сольвейг*(светает, и она поет все громче)*

Я твою колыбель качаю,
Добрых снов тебе, дорогой!

Алексис Киви 1834-1872**Из романа «Семеро братьев»**

* * *

Роща Туони, тьма ночная!
Там есть зыбка земляная
Для моего дитяти.

Отдохнет она на лоне
Мягких нив безмолвной Туони,
Идя за агнцами следом.

Приютит ее на лоне
Светлых нив холодной Туони
Мертвого царства хозяйка.

Сладко будет в царстве Туони
Спать в лесу, на смертном лоне
Птахам полуночным внемля.

Роща Туони, мир покоя!
Тут пресеклось зло людское,
Подлости нет и в помине.

Ованес Туманян 1869-1923

Падение крепости Тмук

Пролог

Эй, люди добрые, сюда!
Ко мне склоните слух!
Вам про минувшие года
Поведает ашуг.

Мы только гости на земле:
Чуть явимся на свет,
Тотчас же скроемся во мгле
И нам возврата нет.

Ждем смерти мы, ждет нас она,
Не сладить людям с ней.
Иная участь суждена
Деяниям людей.

Бессмертны добрые дела,
И тот навек блажен,
Кому за них идет хвала,
Превозмогая тлен.

Но и злодею не конец
В годину похорон, –
Будь он твой брат иль твой отец,
Навеки проклят он.

Хвала тому, кто жил светло,
Кто честен был и смел.
Смирится враг, творящий зло,
Пред славой добрых дел.

Здесь я добра желаю вам
И сказ начну отсель.
Давно пора моим словам
Лететь, как пуля, в цель.

I

Сбирает войско шах Надир,
Нет воинам числа,
На Тмук он хлынул, как на мир
Полуночная мгла.

«Ты мнишь, Татул, коли ты смел,
То смерти нет тебе?
Чего ж ты в крепости засел?
Гляди в лицо судьбе!»

«Не в меру ты спесив порой, –
Князь шаху говорит, –
Проходят тучи над горой,
А все гора стоит».

Созвал войска свои Татул,
Построил пред собой,
Вскочил в седло, мечом взмахнул,
И устремился в бой.

Уж сорок дней сраженье шло,
А все враги сильны.
Немало храбрых полегло
У крепостной стены.

Идет Иран, идет Туран,
Но князь Татул могуч, –
В бою рассеял вражий стан,
Как стаю черных туч.

Берет он верх в любой войне,
А в крепость воротясь,
К своей красавице жене
Спешит счастливый князь.

II

Клянусь душой
С такой женой
Простой ашуг, и тот
Без крепких лат

И без солдат
На шаха в бой пойдет.

Горящий взор –
Любви костер,
Невзгоды гонит прочь,
Сгоняет тень
И в белый день
Преображает ночь.

Коль так чиста
Та, чьи уста
Желают нам побед,
Не страшен шах,
Неведом страх
И самой смерти нет.

III

Пред шахом, едва был бой завершен,
Княгиню рабы взялись прославлять:
«Узреть бы тебе у собственных жен
Подобный бы лик, подобную стать!
Дарит ее взор предчувствие нег,
Кто глянул в него – пропал, потонул.
Чело у нее белее, чем снег,
Которым покрыт высокий Абул.
Татулу она – душа и оплот,
От пламенных ласк он ходит хмельной.
В улыбке жены он силу берет
И яростным львом бросается в бой.
Ее покоришь, – и сразу тогда
Бесславно падет бесстрашный Татул.
Ты гордый Тмкаберд возьмешь без труда,
И там победишь, где вспять повернул».

IV

Давно об этом пел на родине своей
Великий Фирдуси, фарсидский соловей, –
Кому неведом страх, тот в жизни всех сильней,
Но и над ним сильна
Власть женщин, власть вина!

Герою равных нет, он крепок, как скала,
 Исходит чистый свет от гордого чела.
 Идя стезей побед, он рушит силы зла,
 Но и над ним сильна
 Власть женщин, власть вина!

Он, как на праздник, в бой свои войска ведет,
 Его шаги – полет, летит он, не идет,
 Никто не сладит с ним, он в битве не падет,
 Но и над ним сильна
 Власть женщин, власть вина!

Пусть нападет весь мир, став полчищем одним, –
 Герой одержит верх, он храбростью храним.
 Смирится Рустам Зал – герой непобедим,
 Но и над ним сильна
 Власть женщин, власть вина!

V

Сазандара шлет шах Надир во Тмук:
 «Госпоже скажи о скорбях души,
 Я, скажи, иссох от любовных мук,
 Про мою страну, про казну скажи.

Трон мой золотой ты ей посули!
 Щедро обещай, не жалея слов!
 Говори, что я – властелин земли,
 Той, кого люблю, все отдать готов!»

 Где с войсками шах отступал не раз,
 Без труда пройдет сазандар-ашуг,
 Вот и вышло так, что звенящий саз
 Песнопевца ввел в неприступный Тмук.

VI

Вновь горы гудят, вновь буря близка.
 Вновь шах на Тмкаберд пустился в поход.
 Вновь блещут мечи, вновь бьются войска,
 И кровь, как Кура, за ними течет.

Вновь блещут мечи, вновь бьются войска,
И кровь, как Кура, за ними течет.
«У шаха любовь к тебе велика», –
Княгине ашуг украдкой поет.

Княгиня, дрожа, внимает ему,
Но стынет душа, и мучает стыд,
Измена страшит и тянет во тьму,
А шахский престол, сверкая, манит.

«Княгиня, перл земных красот,
Могуч персидский шах!
Сюда с войсками он идет,
Повергнув мир во прах.

Но сражена его душа,
Тобою он пленен.
О, сколь ты будешь хороша,
Когда взойдешь на трон!»

Княгиня, дрожа, внимает ему,
Бледнеет она, вздыхает она,
Смятенье открыть нельзя никому –
Княгиня всю ночь томится без сна...

VII

С войском боевым храбрый князь Татул,
Воротясь домой в предзакатный час,
Меч вложил в ножны, и победный гул
До зубчатых стен гордый Тмук потряс.

В замке пир горой. Хоть кругом темно,
Там сияет ночь, точно день светясь.
Пенистой рекой потекло вино,
От победы пьян, веселится князь.

Госпожа гостям принесла вина, –
Этот пир пышней всех былых пиров, –
Дорогих гостей просит пить до дна,
Наполняет вновь чаши до краев.

«Мы собрались на славный пир,
 На пир богатырей!
 Мы пьем за то, чтоб сделал бог
 Татулов меч острей!

За то, чтобы Татулу бог
 В сражениях помог.
 А княжья слава всякий раз
 Да осеняет нас!»

До полуночи славный Тмук
 Пирует, захмелев,
 И слышен далеко вокруг
 Ликующий напев:

– Не орел ли взмыл из косматых туч
 И над нами ввысь устремил полет?
 – Это князь Татул, славен и могуч,
 Недруга страша, выступил в поход.

– Разве не гроза буйствует в горах?
 Разве грозный блеск не от молний-стрел?
 – То, завидев Тмук, содрогнулся враг
 И татулов меч в битве зазвенел.

Горному орлу князь Татул под стать,
 До его высот шаху не достать!

Пенилось вино, хор не затихал,
 Не спешил никто встать из-за стола.
 Пьют за госпожу, что меж диких скал
 Пламенным цветком пышно расцвела.

Пьют за храбрецов, рыцарей побед,
 Что готовы жизнь положить свою,
 Пьют за тех, кто здесь и кого уж нет,
 Кто в расцвете лет нынче пал в бою.

Госпожа гостям поднесла вина, -
 Этот пир пышней всех былых пиров, -
 Дорогих гостей просит пить до дна,
 Наполняет вновь чаши до краев.

«Прости, княгиня, видит бог –
 Нам больше пить невмочь.
 Твое вино нас валит с ног,
 И все чернее ночь».

Погасли свечи; древний Тмук
 Объяла тишина.
 И князь Татул и все вокруг
 Уже во власти сна.

VIII

В тишине дворца войско князя спит,
 После ратных дел воротясь под кров,
 И в зловещей тьме тяжело парит
 Вереница снов, – черных грозных снов.

Нехороший сон видит князь Татул:
 Опоясал Тмук злобный змей-дракон,
 С плоской головой гибкий хвост сомкнул,
 Крепость по стене плотно обвил он.

Потянулся ввысь, и поверх стены
 Голова змеи показалась вдруг, –
 Темные глаза яростью полны.
 Пламенем дыша, змей глядит вокруг.

Дремлет князь Татул, рядом спит жена,
 Говорит ей князь: «Дай скорее меч!
 Ты в опасный час мне помочь должна,
 Я хочу змее голову отсечь!»

Наважденье, что ль, насылает мгла?
 И, дивясь ему, князь Татул глядит:
 Не жена на грудь головой легла –
 Голова змеи на груди лежит.

IX

Эй, храбрецы! Эй, князь Татул!
 Проснитесь поскорей!..
 Кто нынче очи не сомкнул?
 Кто вышел из дверей?

То не поверженный ли враг,
Что злобой обуян,
Благословив полночный мрак,
Готовит нам капкан?

Всю ночь до самого утра
Враги снуют вокруг вас.
Эй, сторожа, вставать пора!
Последний пробил час!

Вставайте! Вы опoсны
Отравленным вином.
Предательница-госпожа
Врага впускает в дом!

Измена! Выходи на бой!
Немедля на места!
Уже скрипят, уже гремят
Стальные ворота!

Х

Озаряет день после тьмы ночной
Безмятежный мир, полный слез Джавахк.
Совладал огонь с крепостной стеной,
Оседают пыль, торжествует враг.

От вина ли пьян, от еще ль чего –
Храбрый князь Татул навсегда затих.
Не узнать ему и бойцам его,
Что предательство погубило их.

Сиротеет трон, украшавший зал,
Голосит беда, где вчера шел пир.
Огляделся шах и себе сказал:
«До чего текуч этот брeнный мир!

Ибо в мире сем постоянства нет,
Ничему нельзя доверять вполне –
Ни веселым дням, ни плодам побед,
Ни чужой хвале, ни своей жене».

И, склонив главу пред судьбой чужой,
 У княгини шах помрачнев спросил:
 «Говори-ка ты, не кривя душой,
 Был труслив твой муж иль уродлив был?»

«Был мой муж красив, был мой муж удал,
 Сердцем был он чист, духом был высок,
 Вероломством жен крепостей не брал,
 И ни слова лжи вымолвить не мог...»

Измумился шах дерзости такой,
 Неумный гнев шаха обуял:
 «Эй, палач!» – взревел, сделал знак рукой,
 И вошел палач в старый тронный зал.

XI

Весь в красном с головы до пят,
 От крови пьян и зол,
 Палач из княжеских палат
 Княгиню прочь повел.

И со скалы, что в высоту
 Уходит до сих пор,
 Палач столкнул в ущелье ту,
 Что радовала взор.

За алчным сердцем из степей
 Подобралась лиса,
 И ворон, тьмы ночной черней,
 Ей выклевал глаза.

Не уцелело и следа
 От всех ее красот,
 Как от цветка, что цвел тогда,
 Но вновь не расцветет.

И шах в забвеньи потонул,
 И вражье торжество,
 Исчез отважный князь Татул
 И воины его.

Сумел в столетьях уцелеть
Лишь древний этот сказ.
Так видно жить ему и впредь,
Когда не станет нас.

ХII

Эй, люди добрые, сюда!
Ко мне склоните слух!
Вам про минувшие года
Поведаст ашуг.

Мы только гости на земле:
Чуть явимся на свет,
Тотчас же скроемся во мгле,
И нам возврата нет.

Ждем смерти мы, но век живет
Преданье о былом.
Благословен вовеки тот,
Кто не запятнан злом!

Райнер Мария Рильке 1875-1926

Пантера

В ботаническом саду. Париж.

Взгляд, различивший, что пред ним ограда,
Устал и потускнел, и до небес
Просвета никакого, лишь досада,
Что мир земной за прутьями исчез.

При этом поступь мягкая упруга,
И, соблюдая заданный предел,
Свидетельствует танец в центре круга,
Что зверь, – дай волю, – сделать бы сумел.

Лишь иногда взирающему смело
Из-за портьер, иной предстанет вид,
И тяжесть вдруг напрягшегося тела,
Одно лишь разве сердце затаит.

* * *

Мы лишь уста. Но кто же сердца глас,
Который в глубине вещей сокрыт?
Могучий трепет сердца в нас разбит
На малые толчки. Счастливый час
И скорбный час нам слишком велики.
Мы вырвемся, их власти вопреки,
И снова лишь уста.

Но где-нибудь
В себе мы трепет сердца различим
И в крик кричим...
Тогда мы – облик, претворенье, суть.

Юлиан Тувим 1894-1953

За круглым столом

“Du holde Kunst, In wieviel grauen
Stunden...”

(Песня Шуберта)

А что бы нам, родная, снова
В Томашев съездить на неделе?
Там в золотом водовороте
Сентябрь не кончился доселе.

Быть может, в том же белом доме,
Где мебель все еще чужая,
Мы препираться перестанем,
Наш спор давнишний разрешая.

За круглый стол опять садимся,
Сидим, как мертвые, мы снова.
Кто снимет чары, что нам будет
Защитой от забвенья злого?

И по губам еще слезинка
Сбегает капелькой соленой.
А ты опять не отвечаешь
И виноград жуешь зеленый.

Еще поет мой взор, как прежде:
“Du holde Kunst,,”, а сердце рвется?
Я должен ехать... В миг разлуки
Твоя рука не шелохнется.

Я уезжаю, обрываю
Как сон, давнишнюю беседу;
Клянусь и вновь благословляю:
“Du holde Kunst!” И молча еду.

А в старом доме, в белом доме,
Все в толк не могут взять поныне...
Втащили в дом чужую мебель
И бросили посередине...

А все ведь там, все там осталось!
 Сентябрь не кончился доселе...
 А что бы нам, родная, снова
 В Томашев съездить на неделе?

Путешествие

Плыл да плыл по морям-океанам,
 Глядел на воду устало.
 Сперва трепало корабль ураганом,
 Потом проясняться стало.

К какой-то шумной гавани все же
 Затем прибило посуду.
 Сошел и подумал: «Господи боже,
 Что я здесь делать буду?»

Тут же услуги свои предложили
 Коричневые ребята.
 Все они были совсем чужие,
 Но взявший багаж стал за брата.

За этим единственным, наконец,
 Проследовал в гостиницу,
 В которой швейцар – был точно отец, –
 Хотелось на грудь ему кинуться.

А у смешливой служанки
 Белки голубые вращались.
 Воды принесла она в склянке
 И оставила одного с вещами.

Я подумал: «Чтобы воротиться,
 Долгие недели плыть придется снова
 И пучины вод по-прежнему страшиться,
 Где волна была прекрасна и сурова.

Воротиться надо: хлеб здесь горек,
 Ибо лгут, что родина – весь свет.
 Родина – тот неказистый дворик,
 Где ты не был невесть сколько лет.

Нынче апрель там хмурый,
Накрапывает немножко...»
И самый в мире понурый
Застыл у окошка

Урок

Я учу тебя по-польски,
Только ты меня не бойся:
Гроб – лишь буква, знай, мальчишка,
А кладбище – это книжка.

Знаки препинанья стали
Памятниками, крестами.
Над Варшавой мрак сгустился.
Ты бы польскому учился!

На развалинах столицы
Спят упырь и упырица,
Тихо плачут упырята.
Все понятно? Все понятно.

Ты кричишь, проснувшись ночью,
Страшных птиц узрев воочью,
А на утро на погосте
Обнаруживаешь кости.

Научись могильным знакам,
Сядь за парту с вурдалаком,
И швырни в сей мир плюгавый
Плач ребячий над Варшавой.

Луис Фюрнберг 1909-1957

Valse triste

Тебя в круженье листьев
Я отыскать не в силах,
В сумятице осенней
Была ты где-то тут.

Меж одиноких тягот
Годов моих унылых
Кружиться будут листья
Покуда не умрут.

По-прежнему к стеклу
Лицо твое прижато,
По-прежнему во мгле
Едва слышны слова,

По-прежнему в стихах
Грусть, что была когда-то,
И память о тебе
По-прежнему жива.

Эдуардас Межелайтис 1919-1997

Сказка

Скажи, что ты держишь? Фонарь, отгоревший до
срока.

Тогда подойди, попроси у соседа огня.
Ты горько ошибся, сочтя, что рассвет недалеко, —
Не так далеко до луны, как до белого дня.

Свет лунный, быть может, и брезжит. Но все ведь
едино

В объятьях своих его держит ночная пора,
Как мачеха. Сам ты, несчастный, дрожишь, как осина,
И ветер вострит ледяной лезвие топора.

Смелей подойди. Фонарю твоему на чужбине
Огня даст другой, догорающий тоже фонарь.
Когда они танец факиров, заказанный ныне,
Отплясывать станут, нам будет уютно, как встарь.

Лишь помни всегда, что огонь в фонаре от другого
Зажжен фонаря, что из уст переходит в уста
Старинная сказка. И утро из мрака ночного,
Быть может, придет, если мы его ждем неспроста.

Радуга роз

Радуга роз над бездной,
Блещут молнии роз;
Вроде мусор словесный
Ветер из сердца унес.

В грозах душа моя ныне
Стала прозрачной на вид,
Коли держать на витрине,
Так и алмазы затмит.

Душу я за локоточек,
Словно бы даму, веду,
Выбрать покраше цветочек
Ей предлагаю в саду.

Мол, на любые капризы
 Всякой тут флоры полно.
 Но, как в глазах Моны Лизы,
 Веры в ней нет все равно.

Ей не дано измениться,
 Вот и на старости ждешь
 Радугу роз, и зарницы
 Роз,
 и розовый дождь.

Переливание крови

I

Не будем пенять, если крови
 Хотят от поэта.

 Мы знаем:
 Отдать он всегда наготове,
 Над кровью своей не хозяин.

 Ведь красным тельцам в его венах
 Санскрит изначальный привычен,
 И нет изменения в генах,
 Здоровье считается бычьим.

В поэтов одна лишь программа
 Заложена времени кодом,
 Слова их шагают упрямо
 Старинного мифа изводом.

 Своя же словесная плазма
 Не слушает их.
 Чтоб мы жили,
 Поэт платит кровью и властно
 Вторгается в жилы чужие.

II

Находит не слишком умело
 Поэт свое место. Не внове

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ганс Христиан Андерсен 1805-1875
(С датского)

Семь сказок и Ледяная дева	4
Принцесса на горошине.....	4
Новый королевский наряд.....	5
Стойкий оловянный солдатик.....	9
Свинопас.....	14
Соловей.....	18
Безобразный утенок.....	28
Тень.....	37
Ледяная дева.....	50

Махмуд Гаиби конец XVIII – начало XIX вв
(С туркменского)

Что сделалось с миром?.....	97
Худые времена.....	97
Любовь моя.....	98
Пожалей меня.....	98
Вот и старость.....	99
Видели мои глаза.....	99
Всех в мире краше.....	100
Ждет душа.....	101

Роберт Браунинг 1812-1889
(С английского)

Кристина.....	104
Лаборатория.....	105
Утраченная возлюбленная.....	107
Последняя верховая прогулка вдвоем.....	107

Генрик Ибсен 1826-1906
(С норвежского)

Пер Гюнт.....	111
---------------	-----

Алексис Киви 1834-1872
(С финского)

Роша Туони, тьма ночная.....	368
------------------------------	-----

Ованес Туманян 1869-1923
(С армянского)

Падение крепости Тмук369

Райнер Мария Рильке 1875-1926
(С немецкого)

Пантера379

Мы лишь уста379

Юлиан Тувим 1894-1953
(С польского)

За круглым столом380

Путешествие.....381

Урок382

Луис Фюрнберг 1909-1957
(С немецкого)

Valse triste383

Эдуардас Межелайтис 1919-1997
(С литовского)

Скажи, что ты держишь?.....384

Радуга роз384

Переливание крови385

Подписано в печать 08.04.2020 г.
Формат 84×108/32. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 20,4. Тираж 50 экз.
Заказ № 5299.

Отпечатано с готового оригинал-макета заказчика
в ООО «Издательство “ЛЕМА”»
199004, Россия, Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., д.28
тел.: 323-30-50, тел./факс: 323-67-74
e-mail: izd_lemma@mail.ru
<http://www.lemaprint.ru>